

26.8г
~~24(09)~~

Г 63

Л. А. Гольденберг

СЕМЕН ^УЛБЯНОВИЧ
РЕМЕЗОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

СЕМЕН УЛЬЯНОВИЧ
РЕМЕЗОВ

СИБИРСКИЙ
КАРТОГРАФ
И
ГЕОГРАФ

1642 - ПОСЛЕ 1720 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Москва ~ 1965

Издательская

Центральная лаборатория картографии

Книга повествует о жизненном и творческом пути талантливого ученого-самородка С. У. Ремезова, успешно сочетавшего картографическую деятельность с работой в области географии, этнографии, истории Сибири, а также живописи, градостроительства и архитектуры. Характеризуя многогранную деятельность С. У. Ремезова, автор рассматривает его методические приемы географического описания и картирования земель, рек и происхождение трех первых географических атласов Сибири, прослеживает влияние работ ученого на картографию и географию петровского времени и на научные представления Западной Европы о Сибири той эпохи.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР А. В. ЕФИМОВ

*Посвящается памяти
моего учителя профессора
Александра Игнатьевича
Андреева*

От автора

Основатель единственного в Сибири каменного Кремля в Тобольске, основоположник инженерной графики Урала и Сибири, архитектор и строитель, художник и писатель-историк, выдающийся русский ученый Семен Ульянович Ремезов известен главным образом своими географическими и картографическими произведениями. Но разносторонняя деятельность молодого ишимского казака, затем тобольского сына боярского, а в старости в Тобольске по выбору дворянина изучена недостаточно. Наряду с общепринятой в историко-географической литературе высокой оценкой и мировым признанием значения работ талантливого сибирского деятеля науки и культуры второй половины XVII — первой четверти XVIII в. исследование его творчества долгое время было затруднено, во-первых, из-за недостаточной источниковедческой базы и, во-вторых, из-за явного умаления заслуг С. У. Ремезова как первого сибирского историка, образованнейшего и незаурядного картографа и географа. Отрицательное влияние имело ошибочное определение крайних дат жизни С. У. Ремезова, что повлекло за собой сужение хронологических рамок последующих исследований и архивных поисков.

Стремление охватить все стороны разнообразных служебных занятий и многогранных научных интересов С. У. Ремезова не под силу одному исследователю, поэтому задача составления его полной научной биографии может быть решена только при участии специалистов различных отраслей знания: историков, искусствоведов, филологов, географов, картографов, этнографов. Предлагаемая вниманию читателя книга задумана как одна из частей такой

коллективной работы, последующее выполнение которой должно предусмотреть: исследование исторических и этнографических произведений Ремезова; опубликование «Служебной чертежной книги», транскрибирование текстов факсимильного воспроизведения «Хорографической чертежной книги»; проведение историко-сравнительного анализа чертежей (карт) всех ремезовских атласов; филологические и топонимические исследования; изучение художественного наследия и инженерной графики; выявление новых документов, особенно о слабоизученном раннем периоде (1642—1682 гг.).

Автор, будучи по специальности историком, занимающимся проблемами картографического источниковедения, поставил перед собой цель изучить происхождение чертежных книг (атласов) Сибири, методы сбора географических, исторических и картографических материалов, географические представления и уровень специальной подготовки С. У. Ремезова, приемы картосоставления, а также значение его работ, отражающих достижения того периода в развитии русской картографии, когда постепенно подготовлялся переход к эпохе точных измерений, к торжеству математических методов картосоставления. Особое внимание уделено первоисточникам, поэтому изложение, быть может, оказалось несколько перегруженным выдержками из документов. Но обильная цитация оставлена не без убеждения, что вводимые в научный оборот новые источники никогда не устареют в отличие от их интерпретации, неизменно сохраняя свою историческую ценность, и что они представят значительный интерес и для тех читателей, которые не всегда могут сами познакомиться в хранилищах с малодоступными и уникальными материалами.

Изучение выявленных источников и анализ трех географических атласов С. У. Ремезова позволили пересмотреть некоторые утвердившиеся, но подчас не отвечающие документальным свидетельствам взгляды на жизненный и творческий путь тобольского ученого-самородка, труды которого донесли до нас наглядное графическое изображение великого подвига русского народа в XVII в.— географических открытий и присоединения Сибири.

ТОБОЛЬСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ
РЕМЕЗОВЫ

Поиски родословной выдающегося ученого Сибири Семена Ульяновича Ремезова приводят к Москве. Здесь его дед находился на службе у патриарха Филарета, и в перечне окладов 20 сентября 1626 г., в котором определялись размеры выдачи полугодового денежного жалования на 1626/27 г. «дворовым детем боярским 2 статьи по полтретья рубли», мы встречаем Меньшого Ремезова¹. Неизвестен характер его «проступка», но 2 декабря 1628 г. по государеву указу из Москвы в Тобольск в сопровождении тобольского казачьего пятидесятника О. Антонова, мангазейского стрельца И. Борисова с товарищами был «прислан» сын боярский Меньшой Ремезов. Тобольский воевода А. Н. Трубецкой донес царю, что ссыльного «велели взяти и велели ему, Меньшичку, быти в Тобольску до указу»².

Опальный родоначальник тобольской служилой фамилии Ремезовых вскоре стал заметной фигурой в административных кругах Тобольска — главного города Сибири XVII в., его военно-политического, административно-хозяйственного и культурного центра. В именных окладных списках среди тобольских детей боярских наряду с известными служилыми тобольскими людьми Аршинскими, Толбузиными, Шульгиными он неизменно занимает одно из первых мест, получая с 1629 г. наивысший по размеру годовой оклад денежного, хлебного и соляного жалования — 20 рублей, 20 четей ржи, 20 четей овса и 3 пуда соли³.

Деятельность сибирских служилых людей в XVII в. была весьма разносторонней. В тяжелых условиях беспрестанных «посылок» они представляли власть могущественного Русского государства на его далекой окраине вы-

стуная в качестве руководителей и участников военных походов и разведывательных экспедиций, устроителей острогов и слобод, дипломатов, мореходов, землепроходцев, организаторов хлебных пашен, рудоискателей, сборщиков ясака, «прибыльщиков» и т. п.⁴ Основные их функции — выполнение военно-оборонительных задач, административная, проведение в жизнь государственной таможенной и торговой политики, участие в земледельческой колонизации и в снабжении Сибири хлебом и товарами — оставались неизменными в течение всего столетия. Один из перечневых тобольских списков приводит интересные сведения об обычных службах детей боярских⁵. Среди них «посылки»: в Москву «с ясапною и с ыными казнами и сметными и счетными списками и со всякими... делами и с отписки», в Мангазею, Илимский острог, на Лену, в Томск «з грамотами великого государя... и зельем, и с свинцом, и с хлебными запасы, и за ссыльными людьми в провожатые», к Ямышу-озеру за солью и «для береженья... товаров, которые присланы были для торгу китайских товаров», на Устюг Великий, в Ярославль и Вологду «для покунки всяких товаров»⁶, в волости Уфимского уезда за воском и медом, в слободы и на заставы Тобольского уезда «для осмотру товаров у всяких людей, которые товары всяких чинов русские люди и иноземцы возят сверх проезжих, и те лишние товары велено имать на великих государей». Остальные же дети боярские были посланы из Тобольска в острожки и слободы Тобольского уезда «на приказы, и за выдельным хлебом, и за сыскными, и за иными всякими великих государей делами, и в ясапные волости для ясапного збору... И на Верхотурье и в слободы ж по хлебные запасы весною и летом на дощаниках попеременно. И в Тобольску по городу и по острогу, и у хлебных анбаров, и на кружечных дворах, и у калмыцких посланцов, и по иным местам, где доведетца стоять на караулах безпрестанно, и на объезжих караулах, и в станицах бывают почасту»⁷. Часто встречаются записи о посылках «в степь для поиска кучюмовых внучат и государевых изменников», на Байкал-озеро, на строительство острогов, или, например, сообщения о том, что «Стенька Серебряников... послан... с посланником Никулаем Спафарием» и др.⁸

Впечатлительный и наблюдательный внук М. Ремезова, позднее сам испытавший на себе тяготы и лишения «госу-

даревой» службы, образно и метко подмечает: «Во все страны летячая стрела — тоболян езда»⁹.

Сохранились известия и о службе М. Ремезова. В выписке 1698 г. его внук, отмечая, что «служил... дед мой Мосей Ремезов в детех боярских 20 лет», приводит одну деталь, важную для установления семейной генеалогии: «Меньшой Ремезов ему, Семену, был дед, а имя ему прямое Моисеом звали» (СК, л. 37, 39). Это единственное указание оказалось вполне достаточным при решении спорного вопроса установления родства трех поколений Ремезовых. Дело в том, что во всех встречающихся документах приводится лишь прозвище Ремезова — Меньшой, совершенно вытеснившее настоящее имя, а его сын Ульян Мосеев (Моисеев) в подобных документах, как правило, не носит родовой фамилии, которой, однако, был наделен внук Моисея и сын Ульяна Семен Ульянович Ремезов. Сомнения исследователей усугублялись и опиской Черепановской летописи, где ошибочно указано отчество Семена — Емельянов сын¹⁰. Теперь в соответствии с архивными источниками и после установления имени прадеда Семена — Лукьяна (быть может, это имя будет иметь значение при поисках предков Ремезовых в России) хорошо известны первые поколения Ремезовых в Сибири: Моисей (Меньшой) Лукьянов сын Ремезов, Ульян Мосеев (Моисеев сын Ремезов), Семен Ульянов сын Ремезов¹¹. К этому решенному русской и советской историографией вопросу мы вернулись вновь лишь для того, чтобы указать на необходимость критической оценки появившихся за последнее десятилетие в зарубежной печати статей Л. С. Багрова, которые должны, по замыслу их автора, представлять последнее научное слово о Ремезовых¹². Биографическую часть статей составляет удивительная мешанина событий и фактов. Например, по Л. С. Багрову, деятельность Моисея Ремезова и Ульяна Мосеева слилась воедино, и нового героя он называет «Ульяном Моисеевичем Ремезовым Меньшим — сотником стрелецким, который был сослан за какой-то проступок в 1628 г. в Тобольск и который обосновался в Сибири на остаток дней своих»¹³. И далее, по воле автора, многие известные службы М. Ремезова приписаны его сыну Ульяну.

М. Л. Ремезов, как показал еще С. В. Бахрушин, принадлежал к тобольской служилой аристократии, близко стоявшей к управлению Сибирью и к тобольским воеводам.

Об этом свидетельствует, например, не только незначительный сам по себе факт его присутствия весной 1631 г. на пиру у верхотурского воеводы в честь приехавшего в Тобольск нового воеводы Ф. А. Телятевского¹⁴, но главным образом выполнение различных по характеру ответственных поручений. Летом 1637 г. он возглавляет транспортировку государевых хлебных запасов в Енисейск, а в 1644 г. — в Мангазею¹⁵. В документах 40-х годов XVII в. имя Меньшого Ремезова встречается неоднократно. В приказной описи тобольских столбцов, например, упоминаются столпы 1645—1647 гг. с судными пошлинными вершенными делами судей Б. Аршинского и М. Ремезова¹⁶. По поручению тобольского воеводы И. И. Салтыкова он в 1646 г. высказывает в Верхотурье местному воеводе взгляды о главенстве Тобольска и его воевод над остальной высшей администрацией городов Тобольского разряда. Мысли о преобладании Тобольска над другими уездами были близки и Ремезову, и всей тобольской служилой знати, которые активно поддерживали своих воевод в расширении власти¹⁷.

Сохранившийся «статейный список» посольства 1640—1641 гг. к джунгарскому контайше подробно сообщает о выполнении М. Ремезовым поручения дипломатического характера, которое заключалось в передаче «государева жалованья». 3 июня 1640 г. он выехал из Тобольска, достиг 27 июня Ямыш-озера, где в ожидании тайшей «учал соль в государевы суды грузить». Отправив 15 августа с атаманом Тугарином Панютиным суда с солью, Ремезов продолжил поиски контайши в его улусах. Встреча состоялась лишь 10 октября. Во время аудиенции тобольский посланник, облаченный «в цветное платье», произнес большую речь с экскурсом в историю добрососедских отношений контайши и Москвы, обнаружив при этом отличные знания и предмета, и дипломатического ритуала. Опубликовавший «статейный список» Н. Н. Оглоблин отмечает некоторую дипломатическую наивность М. Ремезова, вместе с тем подчеркивает его большую энергию, настойчивость и разумную распорядительность.

Отстаивая государственные интересы, он, например, сумел заставить послов тайши отказаться от требований ясака с государевых ясачных людей Барабинской волости. Закончив свою миссию, посольство возвратилось в Тобольск в феврале 1641 г.¹⁸

Автограф прошения
реки 70 р 111

Автограф Моисея (Меньшого) Лукьяновича Ремезова
ЦГАДА, ф. 141, 1634 г., № 78, л. 390 об.

По памятям тюменских воевод 1642—1643 гг., адресованным приказчику Нижней Ницынской слободы М. Ремезову с предупреждением «жити с великим бережением» в связи с «приходом» калмыков, можно судить об очередном назначении «дипломата». В эти же годы М. Ремезов с туринским сыном боярским Семеном Шарыгиным отводил по дозору тобольского атамана Тугарина Панютина место под новую Туринскую слободу. По «отводу» на р. Туре выше Катаргуловых юрт они «пашенные земли очертили, oprичь дубровы и лугов» на 700 десятин и «учинили межи и чертеж»¹⁹.

Меньшой Ремезов, по-видимому, обладал резким и горячим нравом, неуступчивым характером. Тобольский сын боярский П. Соковнин, ехавший из Енисейска в Москву, в челобитной рассказывает о встрече 2 августа 1637 г. вблизи нового Кетского острога с доцаниками Ремезова, который сопровождал хлебные запасы в Енисейск. Нам неясна причина ссоры, окончившаяся убийством и ранениями людей, однако челобитчик обвинял Ремезова в намерении «людишек моих побить до смерти и животишка мои пограбить»²⁰.

Результат разбирательства дела неизвестен, но эта жалоба не являлась единственной. В 1646 г. по отписке воеводы Г. С. Куракина и коллективной челобитью тоболян состоялось решение: «Сына боярсково Меньшово Ремезова на государевы службы с ними, тобольскими служилыми людьми, начальным человеком посылать не велено. А велено на государевы службы посылать с кем пригоже в рядовые, чтоб служилым людям обид и насильств ни от кого не по делу не было»²¹.

Частые городские пожары, а в связи с этим неизбежная перепланировка дворов и улиц города не позволили

установить место расположения двора М. Ремезова по отношению к известным городским топографическим объектам так же, как это можно сделать относительно более поздних построек его сына и внука. В записной книге грамот, полученных в Тобольске за 7155—7157 гг., изложено краткое содержание грамоты по челобитью Ремезова. В ней указывается, что поскольку «старое иво, Меньшово, дворовое и огородное место после тобольского пожара отошло в площадь и роздано тобольским жилацким и всяким людем под лавки и под анбары, а ему... нигде земли не дано», то М. Ремезову «под двор и под огород велено отмерить земли из порозжих земель, где пригоже, против иво прежнего места, сколько за ним было до пожару...»²² В 1639/40 г. двор М. Ремезова состоял из «хором: горница да повалуша, да промеж горницы и повалуши сени дощаные» и подсобных строений: сенника, конюшни, подклети, бани²³.

По обыкновению, М. Ремезов, живший в городе, как и другие служилые люди, являлся обладателем хлебной пашни и сенных покосов. На пашне Ремезов основывает деревню, а через несколько лет после смерти ее основателя в 1651—1654 гг. тобольский сын боярский Г. Тарасов ежегодно вносит «оброчной хлеб за деревню Меньшово Ремезова: четь с осминою ржи, четь с осминою овса»²⁴. На «Чертеже опасном града Тобольска» в 1½ — 2 верстах западнее города нанесена деревня Ремезово, в тексте к чертежу при перечислении топографических показателей второго оборонительного пояса отмечаются «на западе Ремезова, Истомина, Киселева, Ерек Сухой...»²⁵ Земельный участок в стороне от города был незначителен, и в одной из его челобитен содержится просьба о дополнительном выделе земли, самовольно захваченной монастырским бобылем О. Мельником. Присланная из Москвы грамота предписывала произвести «сыск» и в случае подтверждения самоуправства ответчика, поскольку «Меньшой Ремезов пашнею скуден, и ту пашню и сенные покосы у Олешки Мельника велено взять и отдать Меньшому Ремезову из выделу»²⁶. Решение прибыло в Тобольск со значительным опозданием, о чем можно судить по последней фразе грамоты: «И Меньшой Ремезов умер на Москве». В «смете расходов» на 7156 г. (1647/48 г.) имеются сведения о верстанье в предыдущем году И. Ушакова и С. Черницына в дети боярские с жалованьем, поделенным поровну «из

выбылого окладу» тобольского сына боярского Меньшого Ремезова²⁷. Следовательно, дед С. У. Ремезова умер не позднее 1 сентября 1647 г. во время пребывания в Москве, откуда он и начал свой путь в Сибирь.

В 1647 г. поступил на государеву службу Ульян Моисеевич, который служил «всякие городовыя и степныя, станичныя, лыжныя и нартенныя службы»²⁸. Запись «розборного» списка 7171 г. констатирует, что «Ульян Мосеев верстан в литовской список в казаки во 7156-м году в выбылой казачей оклад»²⁹. Спустя три года, грамотный, деятельный и любознательный казак назначается войсковым подьячим³⁰ с годовым окладом в 8 рублей, 6,5 четей ржи, 4 чети овса, 1³/₄ пуда соли³¹.

Отметим посылки У. Мосеева, перечисленные в иностранном семейном перечне служб Ремезовых: в 1657/58 г. он «прибрал 360 человек остяков вновь в ясак» Демьянской и Назымской волостей Тобольского уезда; на другой год «приискал в новичной ясак» 126 человек в Сургутских волостях; «и ходя по суземьям на лыжах 3 недели в зимное время, руки и ноги познобил» (СК, л. 37). Особое место в перечне занимает описание посольства У. Мосеева «в степь к Девлет-Кирею царевичю и к Лаузану-тайше с выговором о мирном поставлении и к Аблаю-тайше с государевым жалованьем, с сукны и с Ермаковым пансырем». Позднее С. У. Ремезов включил в свою летопись услышанный от отца рассказ о поездке, «сказку» Аблая, легенды о Ермаке и «чудодейственном» панцире³². Дата поездки (1660 г.) и в перечне, и в летописи (соответственно 7155 г. и 18 июля 7159 г.) указана ошибочно³³. Впрочем хронологические неувязки довольно часты у нашего сибирского историка и географа.

Успешно выполнив свою миссию («и те тайши приняли в чести»), передав подарки и договор, У. Мосеев на обратном пути «оттоль вывез по упросу барабинских полоняников» — ясашных татар 31 человек с женами и детьми, которых сдал в Таре воеводе Н. И. Шаховскому, а до Тары вез на своих верблюдах и конях и «на своем корму, покупая у калмыков дорогою ценою». Понесенные Мосеевым «всякая нужда» и убытки, по-видимому, не были возмещены, и он «от той посылки оскудал и обнищал... и жизнь свою тем утратил». Вместе с тем энергичная деятельность У. Мосеева, который по отзыву его сына был «снискателен... и хитр о делех»³⁴, получила одобрение, и с 60-х годов

154 года

История

Самъ владъ дождь въ доу, а наутро въ полкъ уроча на станичъ имать иже въ
 Амуръ похороша похорожа въ раки синава Зуавна отечина Нанчире Романовъ, въ Амуръ
 въ Нартъ похорошъ въ станичъ уроча въ полкъ имать Амуръ похорошъ имать въ станичъ пох
 станичъ похорошъ: Нарадша Оубъ станичъ Бисабоиноу станичъ. ина шавъ саотъ, похорошъ ханъ шавъ.
 Амуръ похорошъ имать въ станичъ уроча наутро въ полкъ уроча на станичъ имать иже въ
 Амуръ похорошъ имать въ станичъ уроча наутро въ полкъ уроча на станичъ имать иже въ
 Амуръ похорошъ имать въ станичъ уроча наутро въ полкъ уроча на станичъ имать иже въ
 Амуръ похорошъ имать въ станичъ уроча наутро въ полкъ уроча на станичъ имать иже въ

Посольство стрелецкого сотника Ульяна Мосеева к Аблау-тайше ОРБАИ

он занимает высокую должность стрелецкого сотника с прежним окладом³⁵. Юрий Крижанич, пробывший в сибирской ссылке с 1661 по 1676 г., отмечает среди знакомых ему тоболяк Ивана Ремезова (брата Ульяна) и «известного волшебника» Юлиана Моисеевича³⁶.

В 1664/65 г. У. Мосеев совместно с исецким приказчиком Д. Андреевым и казаками Г. Залесовым и И. Воробьем совершили рекогносцировочную поездку вверх по Ишиму для «досмотру земель и соляных озер» и определения, «сколь далеко и мочно ли в котором месте острог поставить и пашня завести и не ясашных ли людей земли... и от того места сколь далеко соляные озера, и какова в тех озерах соль, и как тое соль к Ыртышу-реке возить»³⁷. 16 августа 1664 г. небольшая экспедиция отправилась из Тобольска, предварительно допросив «тутошних жильцов и окольных ясашных татар». Вверх по Ишиму за Белым городищем в степи они обнаружили два озера. В отчете о поездке сообщалось, что «соль из тех озер варят зверовщики-татаровя про себя котлами», и указывалось расстояние от устья Ишима: до первого озера — в каюке недели три, до второго — четыре³⁸.

Для решения вопроса об освоении новых пашенных земель участники досмотра избрали местность вокруг Орлова городища, считая возможным здесь «острог поставить и пашенных крестьян посадить в оброчной хлеб деревнями в розных местех семей с двесте». Мнения разделились лишь в отношении возможности устройства десятинной пашни. Казаки считали, что пашни завести негде, так как «пахотные земли в розных местех, а кругом того места зверовья тобольских и тарских ясашных татар». По «скаске» же и чертежу, «каков чертеж он, Ульян, подал в приказную избу..., от речки Серебрянки вверх по Ишиму пашенная земля и сенные покосы и под поскотину земля до Орлова городища лежит впусте и русским людям и татаром не отдана»³⁹. Чертеж У. Мосеева, составленный в качестве итогового документа при выявлении участка возможного земледелия, являлся традиционным, можно считать, почти обязательным в практике служилой колонизации, особенно со второй половины XVII в.⁴⁰ Поэтому найденное упоминание о ранее неизвестном, по обычному для того времени земельном чертеже ни в какой мере не подтверждает малообоснованного утверждения Л. С. Багрова, приписывавшего У. М. Ремезову авторство таких

документов, как «годуновский» чертеж 1667 г. и «Ведомость о Китайском государстве» 1668 г.⁴¹ С. У. Ремезов-картограф, оценивший «первый» чертеж Сибири и описавший основные службы отца, конечно, не преминул бы сообщить о таком важном событии, как составление У. Мосеевым чертежа 1667 г., если оно действительно имело место.

Поиски земель в том же степном районе, продолженные в 1665/66 г., завершились открытием с помощью татар-старожилов четырех соленых озер и составлением проекта освоения выявленных земельных участков. Семен Ремезов, подчеркивая практическое значение открытий отца, писал в 1698 г., что из озер Медвежье, Тебис (Тенис) и других берут «и ныне... соль всяких чинов слоботские жители на домовые пужды» (СК, л. 37). Осуществление ремезовского проекта связано с трехлетним правлением (1667—1670 гг.) тобольского воеводы П. И. Годунова. Ульян Ремезов сумел быстро завоевать доверие и расположение нового воеводы. По меткому определению С. В. Бахрушина, «влиятельный любимец и наушник», он становится ближайшим советником Годунова и энергичным «прибыльщиком»⁴². Поиски «прибыль» — неперемный атрибут многочисленных челобитных, которыми деятельный стрелецкий сотник буквально засыпал воеводу⁴³. В одной из них (от 3 сентября 1667 г.), начав с обычного вступления: «а ныне я... хочу... послужить и поработать, и прибыль вашей государевой казне учинить» и ссылаясь на свои разведывательные доклады, он предлагает продуманную программу освоения новых земель. В ней предусматривались: 1) посылка Ульяна Мосеева со служилыми людьми в Ишимский и Тебендинский острожки «для обереганья ясашных людей от калмыцких воинских людей»; 2) набор 50—70 человек в «охочую» службу без хлебного и соляного жалованья, но с разрешением «пахать пашню против того Ишимского острожку за рекою Иртышем на горе, тут прилегли дубровы и елани»; 3) устройство слобод и десятинной пашни в районе устья Ишима (р. Беча (Бича) — урочище Старый Иртыш) с представлением «прибранным» крестьянам льготных лет. Дополнительная прибыль усматривалась во взимании пошлин с «всяких людей», проезжавших из Тары в Тобольск и обратно и торговавших по пути с ясашным населением. Обычно же эти товары в Тобольске «не объявляются, а которые товары и объявятца, и те вполы и меньше; и в тех неявленных товарех... пошлина сгинет

напрасно». Выгода в замесе тарских «годовальщиков», служащих в острожках, служилыми людьми и крестьянами на «вечное житье» обосновывается арифметическими выкладками из городской книги. Тарских стрельцов и казаков посылали в острожки на годовую службу в числе 70 человек, и экономия от уплаты им жалованья составила бы 385 четей ржи, 280 четей овса и 105 пудов соли. В очередной челобитной У. Ремезов добавляет «для обереганья» Коурдацкий острог, просит «для поселения и заводу» служилым людям полного жалованья на 1 год, уточняет топографию земель⁴⁴. В ожидании решения воеводы он вспоминает о своей посылке в 1666/67 г. на Пелым «для выдельного хлеба и для... десятинной пашни сыску и для заумолоту», во время которой «прибрал вновь выдельного хлеба» более 88 четей и десятинной пашни «сыскал за уморных и за беглых 4 десятины в поле, а в дву по тому ж»⁴⁵. Изложением результатов пелымской поездки не исчерпывается новое сообщение. В нем содержится также просьба об очередной посылке, поскольку «прибыльщик» 27 ноября 1667 г. проведаль, что в Пелымском уезде на р. Конде в волости князя Ивана Артакова «ясашные остяки 30 человек на всякие лешые (лесные.— Л. Г.) промыслы ходят, а... ясаку и поминков не платят, а живут в избыле». Получив память и отписку к пелымскому воеводе И. Панину, У. Мосеев с подьячим В. Половым 1 января 1668 г. отправились на Пелым для сбора ясака и составления переписных книг ясашных людей, живущих в бассейне р. Конды. Вернувшись в Тобольск 22 апреля, они «подали за своими руками переписные книги»⁴⁶.

В апреле — мае 1668 г. У. Мосеев получает три «памяти» с решением об устройстве слободы. «За прежние и за нынешние службы и за работу и за раденье... велено ему, Ульяну, в Ишимском острожке на порозжей земле слобода строить и крестьян и беломестных казаков прибирать изо всяких чинов служилых и из вольных гулящих людей»⁴⁷. Окончательно был установлен район «селидбы» и слободы — участок между речками Нижний и Верхний Ик⁴⁸. Все намеченные У. Мосеевым меры, «чтоб было прибыльно и прочно и от воинских людей крепость», получили полное одобрение, а сам он назначался приказчиком Ишимского, Тебендинского и Коурдацкого острожков. Два обстоятельства особо подчеркнуты в наказных «памятях»: во-первых, перед поселением «про ту землю, где ему строить,

Самодельная таблица
Самодельная таблица

Автограф Ульяна Моисеевича Ремезова (У. Мосеева)

ЦГАДА, ф. 214, стб. 805, л. 202 об.

Валентина Ивановна
Ленина Самодельная

Автограф Леонтия Семеновича Ремезова

ЦГАДА, ф. 199, № 493, л. 112

сыскать ишимскими и окольными татарами, и та земля порозжа ли; и тому месту сыск и чертеж прислать в Тоболеск»; во-вторых, «ясашным татаром никакой обиды и палог не чинить... и в татарских угодах... никакими промыслы промышлять не велено»⁴⁹. В числе 46 «прибранных» служилых людей в «охочую» службу на «вечное житье» находились тарские и тобольские бывшие стрельцы, рейтары, солдаты, пешие казаки, казачьи дети, среди них братья Ульяна Мосеева — Петр и Иван, а также Семен Ульянов⁵⁰.

Вскоре перед «начальными людьми» Тобольска явились представители ишимского ясапного населения. Они показали, что места, выбранные У. Мосеевым, «вотчинные истары и до Ермакова взятыя Сибири... и на тех местех живем, зверей и рыбу промышляем... ясак платим», с захватом же земель под пашни «нас с юртишками разорят и от зверовых угодей и рыбных ловель отлучат и в конец погубят». В свою очередь У. Мосеев жалуется на то, что «ишимские татара рыбы в реке и в речках и в озерах ловить не дают, и птицы добывать не велят, и называют своим», что «хотят чинить убойство». Взаимные обвинения временно были прекращены решением: «на земле, что татаровя поступились, велеть заводить пашню»⁵¹.

Исполняя обязанности приказчика, 6 ноября 1668 г. Ульян Мосеев ездил в остроги, «досматривал караулу», проверял военное снаряжение, высылал ясашных людей на промыслы «для ясаку», а главное разведдал новые «пахотные земли пустые и сенные покосы и скотные выпуски». Измеренные им земли за Иртышом против Ишимского острога «тысяча сажень длиннику и поперечнику двесте сорок сажень, а меж тою землею нет ни кочкарнику, опричь излучин и наугольников», были разделены на 28 частей по 3 десятины на человека. Всего было бы разделено 79 десятин, но из-за отсутствия служилых людей, разосланных «для обереганья», 21 десятина «осталась в остатке». До февраля 1669 г. Мосеев «прибирает» к себе еще 24 человека⁵². К 1670/71 г. С. У. Ремезов относит эти поездки отца «для селидбы и описи земель», сообщая, что в Тарском уезде У. Мосеев «вновь в ясак прибрал 98 человек татар», а в устье Ишима производил «с проезжих людей таможенной всякой рухляди збор» (СК, л. 37). Но успешная деятельность фаворита Годунова внезапно прерывается. Расследование сыщиками А. Акинфьевым и И. Давыдо-

вым источников годуновских прибылей сразу же выявило серьезное недовольство служилых и посадских людей, крестьян и татар воеводой и его ближайшим окружением. Претензии тоболян подробно излагались в челобитных, привезенных в Москву 19 июня 1670 г. специальной делегацией. В перечне «обид» особо выделялось, что Годунов, «презрев» государевы грамоты, проводил несправедливое верстанье, отнимал «оклады, выслуженные дедов и отцов и родителей их, которые за кровь и за раны пожалованы», а «иным прибавливал»⁵³.

В списке приближенных восводы, от которых в Тобольске «всяких чинов людем налоги чинились», среди 9 человек, возглавляемых майором Л. Горчаковым, находились сотники П. Киев, Г. Угрюмов и У. Мосеев⁵⁴. Во время сыска, который проводил письменный голова Л. Поскочин, 673 человека подтвердили, что к Годунову и дьяку М. Постникову «маер Горчаков с товарищи на дворы ходили почасту» и что именно «по их наговору» устанавливались оклады, велено было «служить с пашен, а земель им отводу не учинено», «рейтер за челобитье многих били батоги» и т. п. При массовых показаниях (к сыску привлечено более 700 человек) значительные и мелкие «налоги и гонение» перемешались⁵⁵. Сотникам, например, припомнили и то, что они посылали своих подчиненных косить сено на луга П. И. Годунова, а 65 пеших казаков «в речах прибавили: сотник Ульян Мосеев носил на площади неведомо какую челобитную и велел им за угрозою прикладывать руки, и они-де к той челобитной рук не приложили»⁵⁶. Тарские ясашные татары в свою очередь указали, что с построением слобод и поселением крестьян «им-де жить стало негде»⁵⁷.

Царским указом и боярским приговором с октября 1670 г. отменялось большинство «реформ» П. И. Годунова, а ходатайства служилых людей удовлетворялись. Несомненно тесная связь, подмеченная еще С. В. Бахрушиным, между скорым решением правительства в пользу сибирского войска и ходом крестьянской войны под руководством С. Т. Разина. Всем служилым людям разрешалось «быть в таких же службах, где хто был допреж» Годунова⁵⁸. По грамоте 17 ноября 1670 г., всех годуновских наушников, виновных в «налогах и смуте», было решено выслать из Тобольска в разные города Тобольского разряда⁵⁹. В острожки были посланы «годовальщики по-прежнему»,

а поселенные на татарских ясашных землях казаки «с тех земель сведены». Последнее решение сопровождалось политически дальновидной мотивировкой: «чтоб ясашные татаровя штатости не учиняли и великим государем не изменяли б, к калмыком не отъехали, потому что калмыки от тех острожков кочуют по Ишиму-реке не в дальних местех»⁶⁰.

Приказчик «прибыльных» земель и слобод стрелецкий сотник Ульян Мосеев, разделивший участь П. И. Годунова и его соратников, был выслан из Тобольска в Березов с верстаньем «в дети боярские в выбылые оклады»⁶¹. Эпизодическая запись свидетельствует о продолжении служб на новом месте: он в «182-м году приискал 38 человек остяков, и те ясак платят на Березов» (СК, л. 37). По подсчету С. У. Ремезова оказалось, что его отец за все посылки «для сбора ясаку и для примирения... прибрал в новичной ясак 800 человек татар и остяков» (СК, л. 39).

В середине 70-х годов У. М. Ремезов вернулся в Тобольск; с тех пор неизменно до конца жизни о нем упоминают окладные книги по списку детей боярских⁶². В 1679/80 г. он был послан в Томский острог «на киргиз», где «бился, не щадя головы своей» (СК, л. 37, 39). Последние годы жизни У. Мосеев часто проводил в Тобольске «у порохового селитренаго дела у перекруту и учинил в пороховом деле прибыль»⁶³.

Сохранились записи о выдачах жалованья У. М. Ремезову за 1686—1689 гг., т. е. за годы «больших недодач»⁶⁴. В «московскую присыльную четь» он получил $3\frac{23}{32}$ чети ржи, $2\frac{19}{64}$ чети овса; денежные выдачи (при окладе 8 рублей): 1686 г. — 5 рублей 4 гривны («а сын ево, Семен Ремезов, деньги взял и росписался»); 1687 г. — 5,5 рублей 3 гривны 2 алтына 1 деньга, из них «для мостового дела гривна»; 1688 г. — 2,5 рубля 2 алтына 5 денег, в том числе взамен денег 5 аршин «гарусу» стоимостью по 5 алтын 3 деньга⁶⁵.

1 марта 1689 г. 70-летний Ульян Моисеевич Ремезов умер. На его погребение 4 марта в счет оклада был выдан 1 рубль, а 25 марта произведен перерасчет «заслуженного жалованья марта по 1 число» — 2 рубля 18 алтын 2 деньга⁶⁶.

Несение «государевой» службы вместо умерших деда и отца продолжили братья Ремезовы: старший — Семен и младший — Никита.

О непродолжительной жизни Никиты Ульяновича Ремезова сохранилось мало сведений. Родился он, видимо, в начале 60-х годов XVII в.⁶⁷ В 80—90-х годах его имя встречается в списках ратных людей, участвовавших в боях⁶⁸. 1 июня 1689 г. он был зачислен из неверстанных в дети боярские с жалованьем из «убылого оклада отца»: 7 рублей, 6,5 чети ржи, 4 чети овса, 1³/₄ пуда соли⁶⁹. Вне-сенный через год в переписную книгу, он предстает перед нами владельцем двора, жспатым человеком, без детей (следовательно, его сын Афанасий, привлекаемый позднее дядей к живописным работам, родился после 1690 г.)⁷⁰. В 1695/96 г. Н. У. Ремезов — приказчик Усть-Суерской слободы⁷¹. В возрасте около 40 лет летом 1699 г. Никита Ульянович умер, его оклад был передан вначале племяннику Семену Семеновичу, а затем его сыну А. Н. Ремезову⁷².

Жизненный уклад и традиции служилой семьи Ремезовых, близких к воеводам и всегда тесно общавшихся с «начальными людьми» Тобольского разряда, обильная путешествиями, встречами, впечатлениями многолетняя деятельность деда и отца, обогащенных знанием «сибирской стороны» и опытом суровой жизни,— все это не могло не оставить глубокого следа в душе будущего сибирского ученого Семена Ремезова.

С. У. РЕМЕЗОВ
НА «ГОСУДАРОВОЙ» СЛУЖБЕ

В научной литературе долгое время было принято считать достоверным предположение А. И. Андреева о дате рождения Семена Ульяновича Ремезова. Зная год верстанья в дети боярские (1681/82 г.) и полагая, что оно произошло в возрасте 18—20 лет, автор «Очерков по источниковедению Сибири» датировал рождение С. Ремезова около 1660—1664 гг.¹ Однако именно на ошибках в определении крайних дат жизни Ремезова основан и ряд других неточных положений этого ценного источниковедческого исследования. Еще в 1949 г. Ф. А. Шибанов, верно подметивший по известным литературным источникам несогласованность в определении возраста Семена Ульяновича и его детей, предложил считать более правильной новую дату — 1650 г.² Но все приближенные даты оказались неверными; послужной список 1689 г., записи переписных книг 1710 и 1720 гг. убедительно фиксируют настоящую дату — 1642 г.³

До сих пор не были найдены документы о С. У. Ремезове за 1642—1682 гг. О поступлении на государственную службу из «неверстанных детей боярских» лишь в 1690 г. (1681/82 г.) свидетельствуют автобиографические записки (СК, л. 37 об.). Но один из документов «прибыльного» дела П. И. Годунова немного приоткрывает плотную завесу над этим пока еще загадочным периодом.

10 человек, зачисленные для устройства слобод и пашен под руководством приказчика трех острожков Ульяна Моисеевича Ремезова, 13 июля 1668 г. связали себя круговой порукой:

«Се яз Офонасей Борисов, да яз Максим Борисов, да яз Софон Суркин, да яз Тимофей Одинцов, да яз Федор Строганцов, да яз Семел Балапдин, да яз Григорей Варламов,

да яз Семен Ульянов, да яз Сергей Голошубин, да яз Мосей Осипов, все мы, порутчики, поручилися есми друг по друге круговою порукою в том, что в нынешнем, во 176-м году, быть нам на государевой службе с тобольским сотником с Ульяном Мосеевым в Тарском уезде вверх по Иртышу-реке в острожках в Ышимском и в Тебендинском и в Курдацком. Будучи на той государевой службе, никаким воровством не воровать, зернь и карты не играть и з государевы службы не збежать. А будет мы на государевой службе учнем каким воровством воровать, зерню и карты играть или у нас которой с службы збежим, и на нас, на порутчиках, пеня..., что великие государи укажут...

А позади поручные записи написано: К сей поручной записи яз Сенька Ульянов вместо товарищей своих... по их веленью и за себя руку приложил»⁴. Упомянутый в поручной и подписавший ее Семен Ульянов значится также и в других документах. В «Росписи служилым людем именной, которые писались в Ышимской острожек на вечное житье с тобольским сотником с Ульяном Мосеевым», указаны братья руководителя экспедиции, а по списку «холостых» — Сенька Ульянов⁵. Грамотный молодой человек, внесенный в списки отъезжающих, охотно свидетельствует многие поручные, а на одной из них (13 июня 1668 г.) подчеркивает свое новое звание: «по их веленью ишимской казак Сенька Ульянов руку приложил»⁶. Как и другим холостякам, С. Ульянову было назначено годовое жалованье 4,25 рублей, 5,5 чети ржи, 2 чети овса и 1,75 пуда соли⁷. Положительно можно решить вопрос об отождествлении Семена Ульянова и С. У. Ремезова, пренебрегая тем, что мы не имеем в данном случае текста со знакомым по другим актам его характерным почерком — «дело» заведено в тобольской приказной палате для учета «прибылей» и содержит только копии документов. Многие факты говорят о том, что это одно и то же лицо: грамотность, возраст, холостое состояние, верстанье под начало отца. Любопытно, что, определяя сына к себе на службу вместе со своими братьями, У. Мосеев допустил известное послабление и включил его в список без обязательной при оформлении челобитной (в «деле» отсутствует челобитная только С. Ульянова). В автобиографии 1698 г. С. У. Ремезов не приводит данных о своей первой службе с отцом, и эта легко объяснимо. Описание неудачного финала деятельности У. Мосеева и его близких, окончившейся ссылкой в Бере-

зов, не явилось бы украшением ходатайства об увеличении жалованья за фамильные службы ⁸.

К моменту поступления на государственную службу 40-летний С. У. Ремезов был женат, имел трех сыновей: Леонтия (род. 1677 г.), Семена (род. 1679 г.), Ивана (род. 1681 г.).

В 1682 г. по приговору воеводы А. А. Голицына «неверстанному сыну боярскому» Семену Ульянову сыну Ремезову велено «быть в детех боярских» вместо убитого в бою Петра Заболоцкого «в том же хлебном и соляном окладе» (по 6 четей ржи и овса, 1 пуд соли) ⁹. Вместе с прибавкой из оклада Г. Вишневого первичное («новичное») жалованье Ремезова состояло из 7 рублей, 7 четей ржи, 7 четей овса, 2 пудов соли ¹⁰.

Началом разнообразных по характеру служебных «посылок» С. У. Ремезова является поездка в 1682 г. за Тару в Биргаматскую слободу «для доправки на крестьянх хлеба и денег» ¹¹. В 1683 г. он «послан был в вешнее водополье со служилыми по хлебные запасы на Верхотурье; во многом истоплении был при смерти и на мелях Туры-реки в трудности».

Найденный А. И. Андреевым столбец Верхотурской приказной избы с изложением обстоятельств участия С. У. Ремезова в снабжении сибирских городов хлебом знаменателен тем, что содержит первые документы, собственноручно им написанные. Именно с этих пор и до 1720 г. известно множество автографов ученого, которые позволяют не только проследить за возрастными изменениями его почерка, но облегчают проведение палеографического анализа при установлении подлинности ряда картографических произведений.

Весной 1684 г. Семен Ремезов с отрядом служилых людей (115 человек) совершает вторичную поездку в Верхотурье и слободы уезда «для приему и провожанья великих государей хлебных запасов» ¹². Согласно полученной от тобольского воеводы А. А. Голицына инструкции, доехав до Туринского острога, он остановился в ожидании распоряжений верхотурского воеводы М. А. Толстого, «сколько... в которую слободу порознь на дощаники... людей... послать» ¹³. Проверив подсчет «прихода» десятишного, выдельного и оброчного хлеба, М. А. Толстой для того, чтобы всем прибывшим «напрасно не ходить и оттого им... большие волокиты и проести не было», выслал 29 марта

С. У. Ремезову «память» с распределением людей по слободам. В ней указывалось послать на Тагил 21 человека, на Невью — 51, в Арамашевскую слободу — 4, Ницынскую — 8, Ирбитскую — 20, Белослудскую — 6, а самому с «достальными» людьми прибыть в Верхотурье. Ко всем приказчикам слобод С. Ремезов выслал именные списки, а верхотурский воевода — памяти¹⁴. Так, в памяти 8 апреля 1684 г. на Тагил предписывалось, чтоб приказчик М. А. Бибилов присланных из Туринского острога служилых людей «пересмотрел всех палицо против росписи, какову пришлет... Семен Ульянов за своею рукою... А на весне, как лед скроетца... с Тагила по наряду муку ржаную и крупы, и толокна, и рожь, и овес отпустил в Тоболеск на шти дощаниках»¹⁵. При проверке оказалось, что «против» росписи 15 человек «не объявилось на смотре», а 4 были «в лишке». Прибывший 12 апреля в Верхотурье С. Ремезов в приказной избе перед воеводой дал подробные объяснения. По его словам, те служилые люди, находясь еще в Туринском остроге, «учинились ему, Семену, непослушны, в Тагильскую слободу не поехали, а поехали своим непослушаньем в Невьянскую слободу»¹⁶. Наказав виновных, М. А. Толстой 26 апреля сообщил в Тобольск об отправлении хлеба с тобольскими и верхотурскими служилыми людьми во главе с Ремезовым¹⁷. Успешно завершая ответственное задание, которое обычно возлагалось на «правдивых и добрых людей...», С. У. Ремезов на обратном пути задержался в Невьянской слободе для отправки хлеба, даурских дощаников и выполнения ряда попутных поручений. Из отписки-отчета верхотурскому воеводе видно, что 4 мая он отпустил с невянскими крестьянами 3 даурских дощаника, погрузив на них, помимо хлеба, «сажен 6 без чети бутового камня да Знаменского монастыря двои жернова». Кроме 5 дощаников, отправленных ранее приказчиком И. Томиловым, 5 мая отплыли еще 7 дощаников с зерном «невьянской пахоты», ржаной мукой, толокном и крупой «в самом полном грузу»¹⁸.

Одна за другой с 1684 по 1687 г. следуют «посылки» по Тобольскому уезду «за збором выдельного хлеба, и за выбоем крестьян, и за збором оброку с гулящих людей, и описных земляных дел; и в хлебе пред прежним чинил прибыли четей по 20 и больши». К этому периоду относится неопубликованная память 1686 г. А. П. Головина «выдельщику» С. Ремезову, которая хранится в Тобольском

государственном историко-архитектурном музее-заповеднике:

«195-го года сентября в 15 день по указу великих государей память выдельщиком тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову с товарищи. В нынешнем, во 195-м году, бил челом великим государем, а в Тобольску в приказной полате боярину и воеводам Алексею Петровичу Головину с товарищи тобольской стрелец Оська Щербаков подал челобитную. А в челобитной ево написано: служит-де он, Оська, всякие великих государей службы с пашни без хлебного жалованья, а в прошлом-де, во 194-м году, послан великих государей на службу в Дауры сын ево, Ивашко, с ево окладом. А ныне-де ты хочешь с него, Оськи, взять выдельной хлеб с ево собиной пахоты. И как к тебе ся память придет, и ты б с Оськи Щербакова с ево собиной пахоты выдельного хлеба не имал и в выдельные деньги не писал, потому что ныне служит с пашни в Даурах сын его Оськин Ивашко. А в прошлых годах по нынешней, по 195-й год, с Оськи Щербакова выдельной хлеб не иман»¹⁹.

В 1687 г. Ремезов находился в посылке «вниз Иртыша на ировые * плеса для рыбные ловли», а в следующем году — «в Тобольску у выимочного дела и в объезде; и в привозех винных учинил прибыли 30 рублей» (СК, л. 37 об.).

Приведем несколько новых документальных свидетельств о выдачах денежного жалованья за 1687—1689 гг. В книге 7196 г. записано: «Семен Ульянов сын Ремезов. И декабря в 18 день великих государей жалованья ему на нынешней, на 196-й год (1687/88 г.— Л. Г.), рубль. Семен Ремезов деньги взял и росписался. Ему ж декабря в 9 день для мостового дела гривна, майя в 17 день ему ж две гривны, ему ж рубль двадцать один алтын полчетверты деньги. Сенька Ремезов деньги взял и росписался. Ему же августа в 14 день десять [алтын]. За Семена Иван Едровский деньги взял, Бориско Георгиев росписался». Другая запись 1688 г.: «Семену Ремезову три рубли двадцать пять алтын с полуденьгою августа в 27 день; то число по челобитной деньги сполна, росписка на челобитной»²⁰.

Запись книги 7197 г.: «Семен Ульян сын Ремезов. И декабря в 18 день великих государей жалованья ему на

* Ир — растение *Acorus calamus*, гавиар, айр, касатик, лепешник, татарский сабельник (В. И. Даль. Толковый словарь..., ч. 2. М., 1865, стр. 668). А. И. Копылов вместо «ировые» прочитал «правые» («Исторический архив», 1961, № 6, стр. 237).

нынешней, 197-й год (1688/89 г.— Л. Г.), десять алтын. Семен деньги взял, Тимофей Мокринский росписался. Ему ж марта в 28 день полтина. Семен деньги взял, Иван Едровской росписался. Ему же по челобитной за пометою дьяка Максима Данилова шесть рублей один алтын четыре деньги сполна, и с приему Семена Степанова росписка на челобитной. И в нынешнем, в 197-м году, августа в 21 день по приговору боярина и воевод Алексея Петровича Головина с товарищи и по выписке за пометою дьяка Герваса Столетова прибавлено ему, Семену, к прежнему ево окладу из окладу отца ево, что осталось за верстаньем брата ево Микиты, денег рубль. Ему же впредь на 197-й год восемь гривен. Семен восемь гривен деньги взял и росписался»²¹.

Несмотря на то, что официальные документы до последнего десятилетия XVII в. прямо нигде не говорят о занятиях С. У. Ремезова картографическими или иными «художественными» работами, он в «розборной» книге 1689 г. аттестуется как опытный чертежник, который «многие чертежи по грамотам городу Тобольску, слободам и сибирским городам в разных годах писал». Поэтому не являются довольно неожиданными все последующие графические и живописные работы С. Ремезова, отлично владевшего как пером, так и кистью. Теперь, следует согласиться с А. Н. Копыловым, становится более очевидным, почему позднее для составления чертежей всей Сибири выбор пал именно на С. У. Ремезова. Но это утверждение нуждается в документальном обосновании тем более, что как о начале картографической деятельности С. У. Ремезова, так и об овладении им основами мастерства чертежника, знаменщика и иконника, известно очень мало. По мнению большинства исследователей, чертежи 1696—1697 гг. являются наиболее ранними картографическими произведениями Семена Ремезова²². Высказанная мимоходом мысль Л. С. Багрова о первом ремезовском плане Тобольска, составленном в 1683 г., не была замечена²³. Никто из изучавших эту проблему не обратил должного внимания и на «роспись» Семена Ремезова к чертежу Тобольска 1701 г. Между тем именно эта «роспись» и соответствующие ей текстовые и картографические материалы первого атласа Сибири — «Хорографической книги» позволяют сделать новые выводы о раннем периоде творчества сибирского картографа.

К «Чертежу града Тоболска и посадов нагорья и подгорья с улицами» (ЧК, л. 1) 1701 г. приложена «Роспись

тобольского сына боярского Семена Ремезова, в колкократь поимов в летех по указным грамотам великих государей, писан град Тоболеск подобне сему чертежу, посад с улицами». В списке перечислено, начиная с 1683 г., восемь источников, использованных составителем плана 1701 г. Первые шесть документов охватывают период 1683—1689 гг.: 1) 28 ноября 1683 г.— «Смета» острогов и слобод, драгун, казаков и крестьян и «сколько ружья, и ход верстами»; 2) 8 февраля 1684 г.— «Смета» 32 острогов Тобольского уезда и в них «всяких чинов»; 3) 13 декабря 1684 г.— «Мера всему городу и смета, в городе сколько числом дворов и во дворах сколько всяких чинов людей»; 4) 5 июля 1686 г.— «Город писан ради Посольского двора, ныне (в 1701 г.— Л. Г.) на том месте кузницы; 5) 18 июля 1687 г.— «Город и от города на все стороны дороги»; 6) 7197 г. (1688/89 г.) — «Город писан для городского валу, построен город земляной вал». Поскольку автор этих материалов не указан, на первый взгляд кажется, что они только доказывают тщательную подготовку чертежника к выполнению задания, характеризуют полноту использования им всех доступных архивных текстовых и графических документов. Все эти же материалы не только перечислены, но в копиях приведены в более раннем атласе (ХК, л. 160 об.— 165). Здесь мы находим листы с текстом «Мера Тобольскому городу во 197-м году строению писан чертеж» (л. 160 об.), «Смета людям и острогам и слободам» 1683/84 г. (л. 161 об.) и несколько чертежей: «Чертеж описано по грамоте град Тоболеск по мере вокруг близкие места» (л. 161), «Чертеж слободам, смета людям и жилью и ружью» (л. 162), «Во 192-м и 93-м годех (1683—1685 гг.— Л. Г.) чертеж в пополнок прежнему, кои писан во 176-м году про знание жилья» (л. 162 об.), «Чертеж городского и валавого строения и обруб» (л. 163 об.). Наиболее точно можно датировать «Чертеж слободам...»: на вклейке к тексту указывается, что «писана сия смета на чертеже лета 7192-го году (1684 г.— Л. Г.) марта 1 день» (л. 161 об.). «Смета» была составлена и отправлена в Москву 28 ноября 1683 г., с дополнениями вторично — 8 февраля 1684 г. Чертеж и «смета» имели военно-оперативное значение, так как содержали подробные справочные сведения о числе людей в укрепленных пунктах, их вооружении, путях сообщения. Описаны 33 слободы по рекам Тобольского уезда. Цифровые данные о крестьянах, казаках, драгунах, числе

мушкетов, пищалей, карабинов и другого «государева оружия» соответствуют записям годовых сметных книг Разрядного и Сибирского приказов²⁴. Ясно, что в основу чертежа легли «сметные» работы, проводившиеся с 1683 г. и окончившиеся 8 февраля 1684 г., как и указывал С. У. Ремезов в росписи к плану 1701 г.

В «Хорографической книге» имеется несколько планов Тобольска. Один из них — чертеж города с окрестностями («вкруг блиские места») — довольно схематичен, но верно передает основные черты исторически сложившейся городской планировки и рельефа местности. По свидетельству подробного описания к чертежу, он составлен на базе измерений 13 декабря 1684 г. В этот день была закончена «роспись городу Тоболеску и острогу, посаду и Софейскому двору, и Знаменскому монастырю, и татарским юртам, и около города ближним местом измеряно подробно» (л. 160 об.). Описание плана довольно детально сообщает сведения о различных зданиях и сооружениях города, расстояниях между главными городскими объектами. Другой крупномасштабный чертеж Тобольска («городоваго и валаваго строения и обруб») не имеет сопроводительного текста, но он насыщен многочисленными указаниями на вновь построенные городские укрепления, их размеры, расстояния друг от друга и от старых снесенных построек²⁵. Отдельные участки укреплений сооружались силами разных категорий служилых людей: от наугольной башни «городовой и валовой стены и рву делал боярин и воевода Алексей Петрович Головин своими казенными людьми 70 сажен», далее подъячие — 20 сажен 4 аршина с полувершком, «от подъячих до Троицкой башни делали тоболяне дети боярские» — 36 сажен 2 аршина 2,5 вершка, они же и от Троицкой башни — 85 сажен 9 аршин 0,5 вершка, далее следуют «литва конные и новокрещенные», стрельцы, пешие казаки, тобольские служилые татары и т. д. Нагорная часть Тобольска в 1688 г. «кругом посаду от реки Иртыша по полю» была ограждена валом, «в ширину вала 4 сажен без аршина, в вышину 2 сажени без аршина» и рвом глубиною и шириною в 2 сажени²⁶. За постройку земляного вала вокруг посада тобольский воевода А. П. Головин получил указную грамоту «с милостивым словом»²⁷. В том же 1688 г. 26 апреля во время пожара сгорели Богоявленская церковь, торговые ряды, посольский двор, 600 русских дворов, 2 слободы, амбары. При пожаре 1690 г. были унич-

тожены житный двор, базарный мост и ряды. Эти дополнительные сведения позволяют датировать чертеж 1688—1689 гг.²⁸ Описание «Мера Тобольскому городу во 197-м году строению писан чертеж» подтверждает эту датировку и своим заголовком, и заключением. В последнем, кроме прочего, записано: «В Тобольску на горе во 197-м году всяких чинов людей 571 двор, софейских — 55 дворов, под горою 983 двора, софейских — 42, людей в них 4428 человек...»

При сопоставлении планов 1684 и 1689 гг., а также при сравнении их с последующими графическими изображениями Тобольска и его панорамным рисунком, помещенным С. У. Ремезовым в конце «Хорографической книги» (л. 164), перед нами возникает облик старинного сибирского города во всем его неповторимом своеобразии²⁹.

Необходимо еще раз подчеркнуть не отмеченный литературой факт посылки С. У. Ремезова, по его же словам, «для описных земляных дел» в 1683—1685 и 1687—1688 гг. Конечно, вместе с составлением «описей» он участвовал в «сметной» работе и проводил необходимые измерения земель. Подобные задания выполняли и другие служилые люди, например, тобольский дворянин Б. Черницын и подьячий И. Мыльников (1687 г.), тобольский сын боярский Л. Зайцев и подьячий А. Завьялов (16 июня 1687 г.) и др.³⁰ Вспоминая о своем новом назначении в 1698 г., Ремезов писал: «Велено мне быть в Тобольску у городского каменного строения по осьми грамотам» (СК, л. 37 об.). Сибирский приказ был, видимо, прекрасно осведомлен о занятиях чертежника, с успехом выполнившего все прежние указные задания, поэтому новое ответственное поручение означало и признание его заслуг по составлению планов Тобольска и карт Сибири в 80—90-х годах. Совпадение числа грамот здесь не случайно: ведь восемь указных грамот перечислены и в описании плана 1701 г., а копии чертежей, исполненных «по осьми грамотам», включены в «Хорографическую книгу». В предисловии к книге Ремезов сообщает, что в нее входят наряду «с прочими, в коих летех каковы чертежи по указом великого государя бывали писываны и посланы в коих летех к Москве и низовых многих городовых чертежей преводы (копии.— Л. Г.) к концу книги написаны, каковы посланы к Москве». Здесь четко проведено деление картографических материалов на три категории: чертежи атласа, копии ори-

гиналов, выполненных по указам («бывали писываны и посылаемы»), и «городовые» копийные («преводы»). Во второй части оглавления книги «Чертежи многие описаны по грамотам великому государю со 176 году» действительно находится перечень 31 чертежа, из которых в конец отнесены 18 «городовых» карт, а среди остальных — планы Тобольска 1684 и 1689 гг., «Чертеж слободам...» 1684 г. и карта всей Сибири. С полным основанием С. У. Ремезов мог сказать в своей автобиографии, что он «многие чертежи по присланным в разных годах с Москвы грамотам граду Тобольску с уездом и строения градскому и слободам... описал все именно» (СК, л. 39). Удивительно, как это признание почти дословно перекликается с вышеприведенной характеристикой картографа в переписной книге 1689 г.

Но особенно важным аргументом для установления авторства чертежей 80-х годов является еще одно свидетельство описания Тобольска 1688/89 г. В нем, кроме уже знакомых нам ссылок на измерения зимой 1684 г. и составление чертежа 1688/89 г., указывается, что сведения о дорогах, ведущих в разные стороны от города, заимствованы с карты, составленной в 1687 г. С. У. Ремезов включил эту карту всей Сибири в «Хорографическую книгу», поясняя, что она является дополнением к так называемому «годуновскому» чертежу 1667 г.

«Лета 7195-го (1687.— Л. Г.) году июня в 18 день написан сей чертеж всея Сибири мера от Тобольска ехать: на восток по Иртышу до Китайскаго царства, на запад по Тоболу и Туре до камени Уралу и степи, на север вниз Иртыша-реки и по Оби до Мангазейскаго и Соловетскаго и Ленскаго моря, на полдень по Вагаю и Ишиму до Хвалынскаго моря и степи калмык. Писал СР.» (ХК, л. 160 об.). Не подлежит сомнению, что под инициалами «СР.» скрывается Семен Ремезов, и писавший приведенные строки Леонтий Ремезов считал это само собою разумеющимся. Таким образом, теперь можно считать, что Семен Ремезов является не только автором планов и описаний Тобольска 80-х годов XVII в., но и составителем карты всей Сибири 1687 г., выполненной, по данным 1683—1685 гг., через 20 лет после «годуновского» чертежа ему в «пополнок». Основываясь на показаниях новых источников, остается только отказаться от высказанных нами недавно предположений о московском происхождении чертежа 1687 г. (называемом в историко-географиче-

ской литературе чертежом 1684—1685 гг.), его авторе — О. Иванове и более ранней датировке (1684—1685 гг.)³¹.

Значительным событием в жизни С. У. Ремезова явилась его поездка в Москву в 1690 г. Первому найденному сообщению об этом ранее неизвестном факте, который отвергает традиционное описание поездки 1698 г. как единственной, мы обязаны одному из подьячих Сибирского приказа, оставившему на первом чистом листе тобольского «сметного списка» следующую помету: «198-го года марта в 13 день. Таков сметной список и имянные книги присланы ис Тобольска с тобольским сыном боярским с Семеном Ремезовым. Высмотря изверить, а неисправные статьи выписать в доклад»³². Последующие поиски привели к обнаружению пяти записей расходной книги Сибирского приказа о пребывании «посыльщика» в Москве:

1) 1 марта «велено дать великих государей жалованья за сибирской приезд сибиряном тобольским: сыну боярскому Семену Ульянову выход на три рубли да казаком Ивашку Зезеву, Гришке Скибину, Ваське Кирилову, стрельцу Алешке Веснину по два рубли с полтиною собольми. Да им же всем по четыре аршина сукна шиптугу. И из Сибирского приказу Семен Ремезов и служилые люди Ивашко Зезев с товарищи пара соболей ценою три рубли, две пары по полтретья рубли, пару два рубли, две пары по полтора рубли, все с хвосты; да по четыре аршина сукна шиптугу ценою по двенатцати алтын по три деньги взяли. Дано.

А в их место и за себя росписался сын боярской Семен Ремезов».

2) 19 марта «жалованья... тобольским кормовых денег на две недели сыну боярскому Семену Ульянову по осьми денег на день, литовского списку казаком Ивашке Зезеву, Гришке Скибину по семи денег человеку, пешим казаком Ваське Кирилову, Алешке Веснину по шти денег человеку на день. Всего два рубли семнатцать алтын две деньги...»

3) 20 марта «...Семену Ульянову с товарищи пяти человеком прогонных денег по тобольской подорожной семь рублей дватцать один алтын четыре деньги...»

4) «Мая в 1 день. По указу великих государей за поместью Афонася Парфенова и по подорожной из Ямского приказу тобольским детем боярским Семену Ремезову, Василью Измайлову, пешему казаку Андрюшке Трушпи-

кову прогонных денег от Москвы до Кузмодемьянска на четыре подводы по дватцети по семи алтын на подводу. Итого три рубли восемь алтын...»

5) 2 мая выдано жалованья С. Ремезову, В. Измайлову, А. Трушникову «в дорогу кормовых денег на пять недель: детем боярским по осми денег, казаку по шти денег человеку на день. Итого два рубли дватцать восемь алтын две деньги...»³³

Стали известны также несколько кратких записей содержания грамот, отправленных в Сибирь с С. У. Ремезовым, и его расписки-автографы в получении грамот 9, 12 и 13 мая 1690 г.³⁴ Но в целом источники весьма скупо сообщают о целях его двухмесячного пребывания в столице.

От того же года сохранилась запись тобольской переписной книги: «Семен Ульянов сын Ремезов. Женат. У него дети: Леонтей 13 лет, Семен 11 лет, Иван 9 лет. Двор есть. А великих государей жалованья оклад ему: денег 8 рублей, хлеба 7 чети ржи, овса тож, 2 пуда соли»³⁵. В записи не отмечена дочь Марья, хотя она и родилась в 1690 г., скорее всего после нового года (1 сентября 1699 г.), когда книга уже была составлена; младший сын Петр родился в 1693 г. (или 1696 г.?). Содержание хлебного жалованья, показанное переписью в «старой» мере, значительно отличается от записей окладных книг с 1688/89 г., где «нынешняя» (новая) мера оклада равна $4\frac{1}{64}$ чети («по 4 чети и по полполполчетверика ржи, овса по тому ж») ³⁶.

Служебная деятельность С. У. Ремезова продолжалась и после возвращения из Москвы. В 1691 г. он был послан за Ишим «за изменники Казачьи орды, и в погоне коньми опал»; в 1695 г. в Кошутских городках Тобольского уезда «прибрал вогулич и татар 50 человек и новичной хлебной и денежной ясак с них собрал». В списке «ясашных зборщиков» в ясачных волостях он значится с 1682 по 1695 г.³⁷ Ремезов подсчитал, что «в розных годех и числах» им приискано «вновь в ясак 68 человек» (СК, л. 37 об.).

Лаконичная запись С. Ремезова о его «посылке под Воскресенское митрополье село на поимке языков Казачьи орды» (СК, л. 37 об.) в 1696 г. может быть раскрыта более полно с помощью описания похода ратных людей, посланных с тобольским дворянином Андреем Кляпиковым на «береговую» службу³⁸. Сразу же отметим, что в

послужном статейном списке среди 147 тоболян — участников боевых операций (в том числе 46 детей боярских и 23 конных казака) указаны дети боярские братья Семен и Никита Ремезовы³⁹.

Военный отряд, посланный 10 апреля из Тобольска во главе с А. В. Кляпиковым «для остерегательства слобод от приходу Казачьи орды неприятельских людей», 29 апреля 1696 г. прибыл в Ялуторовскую слободу, где к нему присоединились беломестные казаки. В течение лета осуществлялись безрезультатные разведывательные посылки небольшими группами «в проезжие станицы и на отъезжие караулы». 16 августа был совершен марш к Суерской слободе для соединения с тюменскими ратными людьми и далее на Царево городище (20 августа). 24 августа, узнав, что Воскресенский городок «обсадили», отряд выступил «на выручку», однако 27 августа, несмотря на усиленные поиски вблизи городка, «неприятельские люди» не были замечены. Лишь 29 августа «пришли Тобольского уезду на Миясе-реке к митрополю Воскресенскому городку неприятельские люди сто с полтретья». Служилые люди «вышли... на выласку и бились с воинскими людьми с лица на лицо» и, отбив атаку, «гнали их и рубили верстах на десяти». Было «побито до смерти» 50 человек и 5 захвачено в плен. 2 сентября 1696 г. отряд прошел степью в Утяцкую слободу, оттуда вновь в Ялуторовскую (10 сентября). По распоряжению воеводы (16 сентября) тобольские ратные люди отправились в Тобольск, куда и возвратились 30 сентября. Установленный факт участия С. У. Ремезова в военном походе в течение апреля — сентября 1696 г. существенно меняет давно сложившееся мнение о последовательности выполнения картографом правительственных предписаний 10 января и 17 апреля 1696 г.

Важность поручаемых С. У. Ремезову в дальнейшем графических и художественных работ свидетельствует не только о призвании, но и о признании его заслуг на этом поприще. Правда, признания талантливый художник и чертежник добился гораздо раньше, чем сам он об этом сообщает. По его словам, первые успехи «сверх служб» относятся к 1 августа 1694 г., когда «от рук художества» своего С. У. Ремезов с иконниками за четыре дня расписал «золотом с красками» выносную часовню «для поставления на реке Иртыше иорданского освящения воды», а в

1696 г. (вероятно, в начале года до похода А. В. Кляпкикова) «сработал, спил и написал мастерски х конным и пешим полкам семь камчатых знамен». Художник свидетельствует, что «завод, золото и серебро и краски держал свое на них. И за тот завод и за работу мне ничего не дано» (СЖ, л. 37 об.).

Из материалов, выполненных С. У. Ремезовым по восьми грамотам, не найден только чертеж 5 июля 1686 г. («город писан ради Посольскаго двора...»), а два составлены после 1690 г.: (№ 7) «что со 192 году по 203 год вновь построено слобод» 8 декабря 1694 г. и (№ 8) «мера всему городу» 18 декабря 1695 г.

Последнее десятилетие XVII в. по праву можно назвать «золотым» периодом творческой деятельности ученого, сумевшего создать за короткий срок ряд замечательных произведений, которые составляют своеобразную историко-географическую энциклопедию того времени. При этом поражает многогранность его кипучей деятельности. Признанный художник («иконник» и «изограф») с тонким и взыскательным вкусом, вдумчивый и образованный составитель карт-чертежей, географических атласов и описаний, любознательный историк и этнограф Семен Ульянович Ремезов вместе с тем работал «усердно, по вся дни безпокойно» и в качестве землемера, составителя проекта и архитектора Тобольска. Именно в этот наиболее плодотворный период и, как он сам признается, по данному «от бога таланта душевного» (СЖ, л. 2) им было изготовлено большинство карт и описаний, составлена «История Сибирская», подготовлено этнографическое описание сибирских народностей.

Яркая страница историко-географического изучения Сибири и творческой биографии Семена Ремезова открывается боярским приговором 10 января 1696 г., посланным 8 марта во все сибирские города с тобольским сыном боярским Д. Постниковым⁴⁰. Приговором предусматривалось: 1) составление на местах чертежей уездов размером 3 × 2 аршина с обозначением расстояний между населенными пунктами, речной сети, «ясачных волостей»; 2) в Тобольске поручить «доброму и искусному» мастеру сделать «большой» чертеж всей Сибири размером 3 × 4 аршина и описание сибирских и порубежных народов; определить поуездные границы⁴¹. О выполнении постановлений приговора Сибирского приказа в уездных городах

можно судить лишь по копиям чертежей уездов в атласах Ремезова и по отрывочным косвенным данным. В Тобольске же по указной грамоте 17 апреля 1696 г. Семену Ремезову предлагалось составить требуемые чертежи «самым добрым мастерством». Вспоминая неоднократно о начале этой работы, он подробнейшим образом описывает ее во всех своих атласах (СК, л. 28; ЧК, л. 4, 20; ХК, л. 1—1 об., 5, 6 об.). Для выполнения задачи нужно было, во-первых, «зделать в Тобольску чертеж на холстине... городу Тобольску со всяким городовым строением и острогам и Тобольскаго уезду ясашным волостям и русским селам и деревням, и рекам, и озерам, и немирных и иных владельцев землям, и сколь далеко от города Тобольска и Тобольскаго уезду ясашные волости, и села, и деревни, и неприятельские немирные и иных владельцев земли. И до них что сухим путем верст или дней ходу, также и водяным путем, и на том чертеже подписать все имянно» (ХК, л. 6 об.); во-вторых, «учинить наличной чертеж», в котором «написать степи от Тобольска до Казачьи орды, и до Бухареи Болшей, и до Хивы, и до Еяка, и до Астрахани, куды ближе и сколь далеко днями в ход пути сухим и водяным, летом и зимою, и реки числом и величиною, и корм людям и скоту безскуден бы, и переправы преходны б. и каменные горы проходны б, и урочища ведомы...» (ЧК, л. 20).

Вернувшись 30 сентября в Тобольск из полугодовой изнурительной «береговой» службы, С. У. Ремезов 28 октября 1696 г. выехал из Тобольска для рекогносцировки и съемок. В полученной им в день отъезда наказной памяти напоминалось: «И ему, Семену, приехав Тобольскаго уезду в остроги и слободы по Исете и по Нице, и по Пышме, и по Тоболу, и по Миясу, и по Туре, и по Тавде рекам, те остроги и слободы, и деревни, и ясашные волости описать со всякими урочищи и с малыми речками и озера; и написать все на чертеже» (ХК, л. 6 об.). В поездке приняли участие тобольской приказной палаты польячий Г. Пономарков и «для розсылки» пеший казак О. Злокип. Одновременно были разсланы во все слободы и остроги послушные памяти, адресованные приказчикам, слободчикам, старостам, всем крестьянам и беломестным казакам. Вместе с уведомлением об изготовлении чертежа память предписывала оказать всяческое в этом деле содействие: «И как к вам ся память приидет, а он, Семен, в которую

слободу приедет, и вы, прикащики и слободчики, давайте ему, Семену, где ему чертеж делать, постоянной двор и свечь и чернил и для указыванья всяких урочищ старожилов, беломесных казаков и крестьян. И в той описи никакой помешки ему не учинить, а посулов никаких ему, Семену, и кормов не давать. И всякие урочища и озера и речки и всякие угодыя указать, и давать ему от слободы до слободы для розсылки и в Тоболеск для посылки с отписки беломесных казаков, чтоб никакой остановки в том деле не учинилось» (ХК, л. 1). Выполняя указания, Ремезов «вверх по Тоболу рекам ездил и описал, а дальние степи по допросу написал» (ХК, л. 1 об.).

К 3 марта 1697 г. С. У. Ремезов завершил составление на «белой бязи» (холсте) размером 3×2 аршина «Чертежа Казачьи орды», в последующем авторском варианте названного «Чертежом земли всей безводной и малопроездной каменной степи». Это была первая карта, изготовленная по указной грамоте 17 апреля 1696 г.⁴² и высланная в Сибирский приказ с сотником Ф. Матигоровым и тобольским татаринном Теушко Мергенем; на уменьшенной копии чертежа отмечено, что «таков написан и послан к Москве 205-м году марта в 20 день» (ХК, л. 6, 163). Карта Тобольского района была закончена для Москвы к 1 сентября 1697 г. и 18 сентября отправлена с тобольским боярским сыном А. Денисовым⁴³. «Чертеж земли Тобольского города» имеет другой более пространственный авторский заголовок: «Часть Сибири. Тщательное изображение наличие Тобольского чертежа рек и озер и селидб русских и ясашных туземцов в гранех с прилежащими грады и немирных рода Казачьи орды. В пример ходу длины 900, а ширины 563 версты 800 сажен» (СК, л. 28 об.). Ремезовыми было изготовлено несколько уменьшенных чертежей «Части Сибири...» Один из них помещен в «Служебную книгу» с пометой, что он «писан в Тобольске в лета 7205, августа в 15 день». О другом, ныне утраченном, можно судить по оглавлению «Хорографической книги»: «67. Чертеж писан мною в розмер Тобольской земли до Казачьи орды и послан к Москве. А в пример в Тобольску таков оставлен в приказе в 206-м году. Лист 162» (ХК, л. 6). Третий экземпляр выполнен в 1699—1700 гг. «против прежняго на пример» (ЧК, л. 2).

Карта «Часть Сибири...» по своему содержанию и качеству значительно превосходила другие образцы русской

картографии XVII в. Чертеж, который, по словам его автора, «явился похвален паче иных протчих в полности мастерства», получил высокую оценку, выраженную 15 декабря 1697 г. в специальной грамоте к тобольскому воеводе. Сам Ремезов добавляет к своему чину, с полным для этого основанием, заслуженное звание «зографа» (изограф, т. е. художника), подписывая так посвящение «Хорографической книги». За «знаменную работу» последовало увеличение оклада чертежнику, совпавшее по времени с верстаньем старшего сына, который с малых лет помогал отцу в картографических делах. 11 октября 1697 г. Леонтию Ремезову устанавливается «новичное» жалованье 7 рублей, по 4 четверти ржи и овса, 3 пуда соли из оклада Алексея Сипайло, а «достальной ево, Алексеев, оклад.. отдан в придачу Семену Ремезову»⁴⁴. Через два месяца это решение подтверждается: «В 206-м году декабря 11.. прибавлено ему, Семену, к прежнему ево окладу из окладу сына боярского Алексея Сипайлова денег три рубли и учинен ему оклад: одиннатцать рублей»; «прибавлено.. четь с осминою и полдва четверика и полполучетверика и мал четверик ржи и овса тож», следовательно, хлебное жалованье всего составляло по $5\frac{3}{4}$ четверти (или 6 четей без полуосмины)⁴⁵. Не следует упускать из виду, что в этот же период художник-картограф параллельно проводил исторические и этнографические изыскания. Кроме того, не успев закончить составление последнего чертежа, он получил новое задание, связанное с благоустройством родного города.

Деревянный Тобольск часто горел. Огонь не щадил ни казенных зданий, ни церквей, ни частных дворов. После 1643 г., когда был истреблен весь город, отметим пожары 1658, 1661, 1672, 1677, 1678, 1680, 1686, 1688, 1690, 1701 гг. и др.⁴⁶ Документы неоднократно упоминают о «частых случаях пожарных», во время которых «градские люди все жители от разорения огня частого скучают...» Тобольской администрации не оставалось ничего иного, как аккуратно заносить в расходные статьи стоимость восстановительных работ «после пожарного времени»⁴⁷. Историки и сейчас ощущают невосполнимую утрату уникальных источников: вместе с приказной палатой «и всякие дела погорели не по одно время, и с того делам явилася остановка и помеха многая» (СК, л. 20).

Местные власти, кроме пожаров, были немало озабоче-

ны и «худыми» местами крепостных сооружений, постройка которых проводилась от случая к случаю; к 1697 г., отмечает Ремезов, «в Тобольску город деревянный погнил и развалился»⁴⁸. Обычно к «городовому и острожному делу» привлекалось все местное население. Еще в грамоте 1646/47 г. вместе с повелением «Тобольскому новому городу и острогу написать чертеж» и «составить подробную опись строительства предписывалось выявить, «сколько хто тобольские, какова чину люди на городовое и острожное дело против московские росписи лесу бревен и тесу вывезли и сколько городу и острогу сажен зделали и почему (сколько стоит.— Л. Г.) бревно и тесница...»⁴⁹. По другой грамоте из Москвы 28 августа 1686 г. велено в Тобольске «острог осмотреть, что худых мест, и сметить, что на ту починку надобно лесу и мочно ево прибавить и сколь»⁵⁰. В одном из тобольских «городовых» списков отмечается, что с 1697 г. Тобольск и приказную палату «велено строить каменные тобольскими и уездных всяких чинов людьми и государевою казною»⁵¹. Ряд последующих распоряжений касался финансово-экономических и организационных вопросов: о расходовании денег на строительство «из таможенного збору», о необходимости экономии средств («как дешевле подряжали б») ⁵².

Началом важного этапа в истории развития Тобольска, а вместе с ним и биографии С. У. Ремезова явилось решение Сибирского приказа 18 мая 1697 г. о разработке плана реконструкции города. В основу проекта легли две рациональные идеи: замена деревянного строительства каменных зданий каменным и уменьшение размеров города («...город меньшей каменной с башнями построить, не утесняя города») ⁵³. Изложение требований, предъявляемых к проектно-сметной документации в XVII в., представляет значительный интерес для истории техники и городского строительства. Техничко-экономическим проектом предусматривалось составление: 1) чертежа с описанием промеров объектов и их взаиморасположения, 2) сметы потребности и стоимости строительных материалов (бутового камня, кирпича, извести, песка, железа разных сортов и других «припасов»), 3) расчета стоимости и потребности в рабочей силе (каменщики, подмастерья и др.); 4) осмотр Тюмени с целью устройства «вместо острогу деревянного» земляного вала, рва, крепости ⁵⁴. С. У. Ремезов возглавил сметную работу и, будучи

«обнадежен пожалованием», начал «по размеру земли городского каменного строения розметные городские росписи и письма к строению описи» (СК, л. 37 об.). Но лишь с окончанием чертежа «Часть Сибири...» он мог целиком переключиться на выполнение обязанностей составителя сметы, городского архитектора, организатора строительных работ. Основные положения указа 18 мая 1697 г. повторялись в грамоте 29 августа — с этого дня Ремезов начал составлять смету и чертеж «каменному городскому строению».

Результаты проделанной работы, продолжавшейся около года, изложены самим Ремезовым в описании «Чертеж Тоболеск розмерян под каменное строение» (СК, л. 20). Составление сметы проходило два этапа. Вначале Ремезовым «досмотрены» и «смеряны» были «на горе малого города земли в сажени под каменное строение, под башни и стену». Затем для выяснения вопроса, «во что по смете станет всякая статья?», составлялась «розметная роспись»: «почему будет в деле числом в сажени в длину и вышину и поперег; и что копать рву, и от набивки числом свай, и что набутити бутом, и что на заливку песок и щебень, бочек извести...» и т. д. В составлении «росписи» принимали участие 13 человек, в том числе «каменных дел подмастерье» Г. Тютин⁵⁵. К 9 мая 1698 г. были завершены все подсчеты стоимости и требуемого количества «припасов для строительства»⁵⁶. В ответ на отписку из Тобольска об общей предполагаемой сумме расходов — более 44 245 рублей — Сибирский приказ грамотой 8 сентября 1698 г. напомнил о необходимости разумной организации заготовки строительных материалов, тщательной экономии средств: «казне не в великой расход, а людем бы не в тягость»⁵⁷.

В автобиографических записях под 1697/98 г. С. У. Ремезов фиксирует начало «всякому уборному строению противу розметной росписи сажен, всяким припасам и кирпичю в дело по настоящей цене наличной чертеж и роспись» (СК, л. 37 об.). «Чертеж каменного городского строения», отмеченный в оглавлении «Хорографической книги» (л. 165), не сохранился, но отыскан подлинник «Сметы тобольскому городскому каменному строению, на скольких саженьях по мере вокруг строить вновь каменной город с проезжими и глухими башнями, и Вознесенскую церковь, и приказную полату, и воевоцкой и гостинной дворы,

и хлебные житницы, и что на то строение по смете надобно каких потребных припасов по скаске каменных дел подмастерья Ганки Тютина, и во что по цене станет. И тому всему строению учинена роспись и для знаку чертеж»⁵⁸.

Для утверждения проекта и сметы «и для учения в Оружейную палату к делу строения» автор чертежа с сыном Семеном 28 июня 1698 г. выезжает в Москву. В историографии датой выезда принято считать 5 июля (по сообщению самого С. У. Ремезова). Однако в конце каждой отписки из Тобольска, полученных в Сибирском приказе от Ремезовых 11 августа, написано: «Сию отписку послали мы... к Москве с тобольским сыном боярским с Семеном Ремезовым июня в 28 день нынешнего 206-го году». Во всех случаях число «КИ» (28) вписано другими чернилами, чем весь текст, и именно тогда, когда окончательно была назначена дата отъезда⁵⁹. Официальной задачей С. У. Ремезова являлся личный доклад думному дьяку Сибирского приказа А. А. Виниусу «о всем розмере земли на горе малого города под строение каменного града и по смете росписи всего строения припасов», а также «каковым делом образец града, церкви, башен и стен, приказу воеводского и гостина двора и житниц на коликих саженех быть числом». Но вся последующая в течение почти четырех месяцев чрезвычайно напряженная работа Ремезовых в Москве показала, что эта задача не была главной.

В литературе о С. У. Ремезове до сих пор не вызывала никаких сомнений и дата приезда в Москву, основанная на показаниях самого чертежника. По его словам, «приехав к Москве того ж году августа 14 день, подал в Сибирском приказе отписки и доезд наличной чертеж со всякою вышеписанною отповедью»⁶⁰. Казалось бы, что и записи того же дня расходной книги 1698 г. о выдаче прогонных и кормовых денег подтверждают правильность этого факта. Тем более неожиданной явилась помета на обороте отписки о церковных делах тобольского митрополита Игнатия, привезенной в Москву: «206-го года августа в 11 день подали отписку тобольские дети боярские Семен Ремезов с товарищи». Повторение этой даты в резолюции дьяка на приложениях к отписке и в ответе Игнатию говорит о том, что она не была случайной опиской⁶¹. Всего найдено 29 отписок, сданных Ремезовыми в Сибирский приказ (из Тобольска — 18, из Сургута — 1, из Нерчинска — 1, из

Енисейска — 3, из Тюмени — 6), все с пометой от 11 августа ⁶². К сообщению М. Я. Черкасского 28 июня о посылке отписок с С. У. Ремезовым приложена «Роспись», перечисляющая 37 отписок, в том числе «о смете городского каменного строения» и «со статейным списком о службе Андрея Кляпикова» ⁶³. Таким образом, можно утверждать, что уже 11 августа 1698 г. Ремезовы были в Москве. Предъявив тобольскую подорожную, С. У. Ремезов со своими спутниками по поездке получил прогонные деньги «за пять подвод по рублю по четыре деньги за подводу; итого пять рублей три алтына две деньги». В расходной книге Сибирского приказа под 18 августа записана выдача «по челобитной... жалованья с приезде кормовых денег на две недели тобольским детем боярским Семену Ремезову, Викуле Хмелинину по осми денег человеку на день, да неверстаному * сыну боярскому Семену Ремезову по осми ж денег на день. Всего рубль дватцать два алтына четыре денги. Да им же за сукна по кумачю человеку, по рублю кумач, дано» ⁶⁴. Одновременно с выдачей жалованья «в оклад и в приказ корм и выход в довольство» устанавливалось местопребывание Ремезовых в московском доме тобольского воеводы М. Я. Черкасского «в пропитаньи». 27 августа в Сибирском приказе началось рассмотрение проектно-сметных материалов, предъявленных Ремезовым. Обсуждение этого вопроса несколько затянулось, и указанная грамота с решением была вручена проектировщику лишь перед самым его отъездом.

Приговором Сибирского приказа 1696 г., как известно, предписывалось изготовление крупномасштабных чертежей уездов («городовые» чертежи) размером 3 × 2 аршина и мелкомасштабной карты Сибири (4 × 3 аршина). В соответствии с этим требованием С. У. Ремезов изготовил чертеж «Часть Сибири...» (3 × 2 аршина), а для камеральных картосоставительских работ над обзорным чертежом Сибири продолжал собирать материалы, частично затем включенные в «Хорографическую книгу». Но когда 20 сентября 1697 г. состоялся новый указ «написать, на Москве бывше, всей Сибири 2 чертежа на белой китайке, другой на лощеной бязи», Ремезов не мог выполнить сразу же это задание. Во-первых, в его распоряжении находились уже устаревшие материалы; новые чертежи, и среди

* В рукописи описка: данверстаному.

По сестрицѣ Вѣрицѣ Анна Семеновна
Фунтова Пономѣева Анна Семеновна
Посольствѣ Семипалатинскѣ
Княгиня Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна
Полковникѣ Кривинѣ Яковлевѣ Семеновна

Андрей
Александръ Васильевичъ Семеновъ
Семеновъ Александръ Семеновъ

← Расписка Семена Ульяновича Ремезова в получении «кормовых» денег в Москве 18 августа 1698 г.
ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол.
кн. 242, л. 36

Автограф Семена Семеновича Ремезова

↓ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 2313, л. 100

них, например, большинство «городовых», минуя Тобольск, поступали прямо в Сибирский приказ. Во-вторых, он не мог немедленно покинуть Тобольск, связанный выполнением поручения по переустройству города. Поездка С. У. Ремезова в Москву преследовала, кроме передачи отписок тобольской администрации и утверждения проектно-сметных расчетов, и другие цели: ознакомление с новыми материалами богатейшего картографического собрания Сибирского приказа; картосоставительские работы, а также копирование новых картографических источников; наконец, «учение» в Оружейной палате и Сибирском приказе «к делу строения».

До сих пор вопрос об обстоятельствах составления в Москве «Чертежа всех сибирских градов и земель» и его копий недостаточно ясен, а мнения исследователей по этому поводу противоречивы, хотя все они основываются на сообщениях С. У. Ремезова. Обратимся к ним и мы. Рассмотрим хорошо известную текстовую часть общей карты Сибири «Чертежной книги» (л. 21). Здесь вначале указывается, что чертеж написан 18 сентября 1698 г. в Сибирском приказе со всех «городовых» чертежей «по белой китайке, длины 6 аршин, поперег 4 аршина». Из последующего изложения приказа А. А. Виниуса и указа 20 сентября 1697 г. ясно, что С. У. Ремезову было велено «выбрать с привезенных к Москве со всех сибирских городовых чертежей, писанных по парчам, на одном полотне вместить все сибирские города, остроги...» и т. д. и, «убравши, вместить на шти аршинах длины, на четырех поперешнику». По этому приказу, продолжает Ремезов, он с сыном, «снявши преводы с парчей со всех городовых чертежей 18, привезенных к Москве, и на вышеписанных полотнищах (на китайке и бязи.— Л. Г.) все вышеписанные сибирские городовые чертежи, в меру убравши, по компасу, церкильным розмером, по приказу, все вышеписанные урочища и ход всех сибирских городов и до Москвы путь вместил, подобне сему образцу, бумажному чертежу, и написавше наготово ноября 8 число 207-го году подал в Сибирском приказе».

5 октября 1698 г. дьяк М. Маскин записал распоряжение «[на крас]ку и на камедь ему, Семену, [выдать] десять алтын», так как «по указу великого государя велено сибирянину тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову сделать чертеж общей всем сибирским городам и острогам,

и [се]лам, и ясашным волос[тем] с розных сибирских чертежей»⁶⁵.

Дважды касается С. У. Ремезов вопроса о составлении общих чертежей Сибири в автобиографических записях. Так, в одном месте он объясняет, что, «будучи на Москве, по указу снял образцы со всех сибирских городских чертежей и с парчей и в Сибирском приказе написал с тех парчей всех городов обращатой чертеж на китайке белой и другой в Кремль государю пяти аршин на лощеной бязи в Верх в дубовую палату» (СК, л. 37 об.). Другая запись отличается своими подробностями: «И живучи на Москве, списал по указу со всех городских чертежей сибирских образцы 24 листа и написал на александрийской бумаге. И с тех чертежей выбрал и написал на белой китайке длины 4 аршина, поперег 2 аршина. Таков образец в сей книге на [листу 37] * и другой в Верх в дубовую палату на белой бязи длины 6 аршин, поперег 4 аршина» (л. 21 об.). Можно сделать вывод, что Ремезовы вначале сняли копии (в едином масштабе) всех «городовых» чертежей и изготовили бумажный общий чертеж, затем «наготово» к 8 ноября 1698 г. закончили еще два чертежа (на китайке и на бязи). Карта на «лощеной бязи» до нас не дошла, и Л. С. Багров вообще сомневался, была ли она когда-либо сделана⁶⁶. «Обращатой» чертеж на белой хлопчатобумажной ткани («китайке») сохранился, до 1907 г. он висел в Екатерингофском дворце; ныне хранится в архиве Географического общества СССР и экспонируется в Государственном Эрмитаже. Сохранилась легенда о том, что Петр I, ради шутки, по этому чертежу проводил экзамены по географии.

Размер этой карты (около 4 × 3 аршина) вызвал среди ученых оживленную дискуссию⁶⁷. И действительно, формат отличается как от требований указа 20 сентября 1697 г., так и от описания самого автора. В то же время этот размер отвечает заданию приговора Сибирского приказа 1696 г. Вопреки мнению большинства исследователей А. И. Андреев утверждал, что в изложение Ремезова вкралась ошибка, указ Петра I состоялся не 20 сентяб-

* В оригинале слова «листу 37» не проставлены. Этот лист в «Служебной книге» не сохранился, но в оглавление внесен как «Чертеж общей всех сибирских городов, рек и земель и украин. Писан на Москве в Сибирском приказе со всех свозных городских чертежей в 207-м году сентября 18 день» (СК, л. 4 об.).

ря 1697 г., а год спустя, во время пребывания тобольского картографа в Москве⁶⁸. Представляется, что составление «обращатого» (т. е. примерного, в качестве образца) чертежа было начато еще до приезда в Москву, а закончено в Сибирском приказе с использованием дополнительных данных. Вторая карта (на бязи), показанная царю, уже имела «указной» размер, и картограф был пожалован царским «выходом», сукном и 5 рублями. 26 октября 1698 г. дьяк А. Парфенов записал распоряжение А. А. Виниуса «дать... Семену Ремезову за ево работу, что он делал чертеж всей Сибирской стране, денег пять рублей»⁶⁹.

Высокое мастерство сибирского картографа сочеталось с удивительным трудолюбием и работоспособностью. Ремезовы за короткий срок пребывания в Москве изготовили около 30 «карт»-чертежей, включая в это число копии чертежей городов и уездов, взятых ими затем в Тобольск для последующих картосоставительских работ. А. А. Виниус, возглавлявший в то время Сибирский приказ, мог наглядно убедиться в превосходстве тобольского «изографа» над чертежниками московской «школы». Надо полагать, что С. У. Ремезов привез в Москву свои прежние работы и, конечно, предназначенную для подношения царю «Хорографическую книгу». И не Виниус ли, этот всесторонне образованный человек, хорошо знакомый со специальными вопросами картографии и географии, первым оценил по достоинству глубокий замысел умелого русского картографа, пытавшегося, пусть на несколько устаревшем материале, создать свод географо-картографических источников о Сибири. В Москве С. У. Ремезов получил новое поручение. По царскому указу и приказу А. А. Виниуса 18 ноября 1698 г. ему предлагалось «написать вновь в Тобольску на александрийской бумаге с привезенных к Москве с сибирских городовых чертежей 24 листа, подобно привозным образцом в 206-м году», а по «словесному» приказу — составить новую карту «Великопермские и Печерские, Поморские, Двинские страны по допросам... и написавши привести к Москве» (ЧК, стр. 3; СК, л. 115). Так родилась идея создания атласа, позднее получившего название «Чертежной книги».

Одновременно с картографическими работами в Москве С. У. Ремезов совершенствовал свои знания в области строительной науки и техники. Он находился «в научении в Оружейной палате, что число походить в каменное стро-

ение всяких дел», где ему была вручена «строения печатная книга фряжская в пример» (СК, л. 21 об.). Практическое обучение он проходил и в Сибирском приказе, где были показаны «на пример» мельничные колеса, а также «пространно и довольно сказано» о том, «как сваи бить и глину разминать, и на гору известь и камень, воду и иные припасы втаскивать»⁷⁰.

Обыкновенно служилые люди, прибывшие в Москву, лично подробно информировали высшие административные круги о сибирских делах и событиях. Как участник похода А. Кляпикова С. У. Ремезов представлял в Москве интересы ратных людей, находившихся на «береговой» службе; в коллективной челобитной они обратились с просьбой «для нашей скудости» наградить «сверх» денежных окладов, доверяя получение «послужного» жалованья «челобитчику нашему»⁷¹. Ходатайство не было удовлетворено, а информация С. У. Ремезова о нападениях «воинских людей» легла в основу царской грамоты 23 ноября 1698 г., посланной в Тобольск⁷². Неудачно закончилось для С. У. Ремезова и рассмотрение его челобитной об увеличении оклада «за многие службы деда и отца ево и за чертежную и знаменную работу» (СК, л. 38 об.—39). Сохранился подлинник челобитной, к которой «Сенька Ремезов руку приложил», о выдаче жалованья на 1698/99 г.:

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу бьют челом холопи твои сибиряна Тобольского города детишка боярские Сенька Ремезов, Левка Семенов Ремезов. Милосердный великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... пожалуй нас, холопей своих, великий государь, нам свое великаго государя денежное жалованье на нынешней 207-й год и по окладу нашему выдать для нашей великие скудости. Великий государь, смилуйся, пожалуй».

Челобитная, сданная в Сибирский приказ 11 октября, через месяц была рассмотрена. В своих показаниях челобитчик подтвердил, что «на 206-й год по окладом их им, Семену и Леонтью, выданы в Тобольску сполна», и просил выдать 18 рублей на «нынешней 207-й год». Заслушав выписки из окладных книг и «скаска» С. У. Ремезова, думной дьяк А. А. Виниус приказал удовлетворить просьбу картографа и жалованье «по окладу иво выдать, в том числе половину деньгами, другую кумачами с роспискою,

для того что он, Семен, пишет в Тобольску и ныне писал на Москве сибирские чертежи. И о той даче в Тобольск послать грамоту»⁷³.

Из других новых фактов пребывания и деятельности Ремезовых в Москве следует отметить выступления С. У. Ремезова в защиту своего спутника-земляка В. Хмелищина, обратившегося 24 августа в Сибирский приказ с челобитной о поверстанье сына Федора в дети боярские. Положительное решение по этому, как оказалось, запутанному делу состоялось 3 сентября 1698 г.⁷⁴ С большим вниманием в Сибирском приказе прислушивались к мнениям сибирских служилых людей по различным вопросам. Например, в связи с покупкой по торговому договору «30 бочек травы никоцыану» были заслушаны «скаски» С. У. Ремезова, якутских служилых людей, в том числе М. Мухоплева. Табак, который по царскому указу разрешено «привозить и торговать королевского величества аглинского перегрину лорд маркизу Фонкармартену», был приобретен голландцем Денисом Гоутевалем у англичанина Карлоса Гутфела на ярмарке в Архангельске и предназначался для «сибирской присылки». Мысли тобольского картографа о табаке и связанных с ним проблемах очень интересны и, видимо, сыграли известную роль при составлении указа 22 ноября 1698 г. о «кружечных дворов устроении», посланного с С. У. Ремезовым и полученного в Тобольске 1 января 1699 г.⁷⁵

«...В нынешнем в 207-м году сентября 15 в Сибирском приказе в скаске сибиренина тобольского сына боярского Семена Ремезова написано: буде по указу великого государя немецкой табак, купя в казну в нынешнем 207-м году, в посылке в Сибирские города будет, и тому табаку, чаёт он, росходу на кружечных дворах и продавать тот табак малыми статьями исподоволь. А, чаёт-де, всяких чинов люди станут пропиватца, а иные и пропились на прежнем присыльном табаке»⁷⁶.

Последняя неделя перед отъездом прошла в сборах, покупках «корму» на дорогу и различных столичных товаров. 28 ноября из Москвы посылается «память к Соли Камской и в Сибирь на Верхотурье таможенным и заставным головам о осмотру и о пропуске и о взятъе лишних покупных товаров у тобольского сына боярского Семена Ремезова»⁷⁷. Наконец, в выписках из «столпа всяких дел 7207 г.» находим под 30 ноября подорожную из Сибир-

ского приказа «о даче подвод тобольскому сыну боярскому Семену с сыном до Тобольска 2 подвод»⁷⁸. Основываясь на дате подорожной, можно предположить, что Ремезовы в тот же день выехали из Москвы.

Однако только 2 декабря «довелось дать из Сибирского приказа прогонных денег от Москвы до Тотьмы тобольским сыну боярскому Семену да сыну сво Семену Ремезовым на две подводы по рублю з деньгою на подводу. Итого два рубли две деньги»⁷⁹. Но им пришлось задержаться еще на два дня в связи с затянувшимся оформлением решения о строительстве Тобольска. Грамотой 4 декабря 1698 г. составитель проекта, плана и смет С. У. Ремезов, пройдя обучение и определенную проверку, назначался руководителем всех архитектурно-строительных работ в Тобольске, чтобы «чинить всякую в деле радетельную службу и примыслы» (СК, л. 37 об.). Видимо, уровень технической подготовки Ремезова был найден вполне достаточным для самостоятельной работы: «быть у всего каменного городского строения и всякие припасы ведать» (СК, л. 21 об.)⁸⁰. Большой интерес для характеристики сибирского картографа представляют мотивы, которыми руководствовались в Москве при утверждении его назначения. С. У. Ремезов был причислен к категории «знающих людей», которому «всякие чертежи делать за обычей» и который «для всяких нужных записок... грамоте умеет»⁸¹.

Грамотность вообще и склонность к чертежным и художественным работам являлись отличительной фамильной чертой Ремезовых. И дед, и отец картографа были образованными и грамотными. Можно предположить, что и С. У. Ремезов, и его дети, выросшие и жившие в культурном центре Сибири, в семьях служилых людей, близких к управлению этим огромным краем, получили достаточно высокое для своего времени образование. Отмеченные литературой в текстах С. У. Ремезова полонизмы и украинизмы следует отнести, видимо, за счет влияния учителей, приглашаемых в Тобольск преимущественно из Киева, тобольского высшего духовенства — воспитанников Киевской духовной академии, близкого общения с образованными пленными и ссыльными людьми западнославянского происхождения⁸². Ремезов-отец рано начал обучать своих детей грамоте и, обнаружив их склонность к «художественным делам», стал приобщать к чертежной работе,

поручая им различные задания от копирования чертежей и описаний до картосоставления. Проявившаяся у Леонтия, Семена-младшего и позднее у Ивана любовь к графическим занятиям росла и крепла под руководством опытного мастера, который не упускал возможности для совершенствования знаний своих сыновей. Поездки Семена-младшего с отцом в Москву, Леонтия в Кунгур, совместная работа над «Чертежной книгой», копии Ивана в Служебной книге» и ряд других общих трудов преследовали те же цели.

О более чем двухлетней работе с сыновьями над «Чертежной книгой» С. У. Ремезов не оставил подробных записей, поэтому мы не имеем возможности более полно проследить за процессом создания уникального картографического произведения. Он кратко сообщает о приезде из Москвы в Тобольск 1 января 1699 г. и о том, что с «городовых сибирских чертежей по указу написал в Сибирский приказ книгу на александрийской бумаге 23 листа всех по именован сибирским городов, земель, рек и озер и урочищ, степи, Китайской и Бухарской земли и Казачьи орды. И послана книга из Тобольска к Москве в Сибирский приказ» (СК, л. 38).

Точную дату начала этой новой большой работы называет авторское предисловие книги или «Писание до ласкового читателя»: «Зачал работати сию книгу с 207-го году [1699 г.] генваря с 30 числа со всяким прилежанием с детьми» (СК, л. 115; ЧК, стр. 3). Судьба книги рассматривается в следующей главе, поэтому вернемся к другим занятиям картографа, приступившего по приезде к выполнению своих обязанностей.

10 января 1699 г. С. У. Ремезов в сопровождении мастера, стрелецкого пятидесятника и пяти стрельцов выехал в слободы Тобольского и Верхотурского уездов на поиски извести для строительства. Намечалось «известной камень ломать и известь жечь на месте, где преж сего известь жгли на строение соборной церкви из Софейского двора», причем разрешалось для ломки камня, заготовки дров и для их перевозок «выбрать» из крестьян 250 человек и 100 человек с лошадьми. В задачу С. У. Ремезова входили осмотр и описание залежей извести, старых «заводов» и печей в Покровском селе. «И о вышеписанном велели ему, Семену, зделав описные книги, привесть в Тоболеск вскорее, а у наряду-де того известного дела оставить пятиде-

сятника и служилых людей»⁸³. К 28 февраля, отмечает Ремезов в своих записях, были «скованы железные снасти» (молоты, ломы и др.), необходимые для добычи извести (СК, л. 37 об.). Подобные довольно частые сообщения показывают последовательность подготовительных работ, за ходом которых внимательно следили и в Москве. В ответ на доклад тобольского воеводы об организации доставки извести Сибирский приказ 7 апреля выслал указания о порядке выдачи жалованья работным и мастеровым людям, а 14 апреля допросил приехавших «за казною» в Москву «сибирян» — тобольского дворянина Юрия Глинского с сыном и других — о готовности «к городовому каменному делу припасов»⁸⁴. О том, что подготовка заняла не только зиму и весну, но и лето 1699 г., говорит сам С. У. Ремезов, исполнявший на этот раз функции руководителя «кирпичного дела».

Поздняя весна 1699 г. несколько задержала подготовительные работы. 9 июня тобольский воевода доносил в Москву, что «с весны продолжились морозы и стужа была, и снега стояли, и земля мерзла была», по этой причине оставленные в Тобольске для строительства кирпичных сараев ссыльные люди (103 человека) начали работу только с 7 мая. После постройки новых сараев ссыльным поручалось «глину копать и уминать гораздо и в станках кирпич делать июня с 7 по 300 кирпичей на день». «У досмотру» изготовления кирпича находились дети боярские С. Ремезов, И. Явнев, И. Анисимов, два пятидесятника «да для караулу тех ссыльных» 30 человек. В своих оправданиях по поводу низкой производительности труда ссыльных, многие из которых были сосланы вместо смертной казни, воевода опирался на авторитет С. У. Ремезова и его мнение по этому поводу. «А Семен-де Ремезов сказал, что-де ссыльные люди тот кирпич делают против... указу несполна, а по 300 кирпичей на день за недоумением зделать не могут»; человек 20 делают по 200 кирпичей, остальные — по 150, 100 и меньше, а больше «не выходит, потому что им, ссыльным людем, то дело не за обычай», а «иные-де многие из них скорбны». Вполне определенным было высказывание Ремезова и о целесообразности обучения и дальнейшего использования ссыльных: «А как они, ссыльные, впредь кирпичю делать в достаток научатся и почему делать на день учнут, про то-де он, Семен, сказать не знает, также что и скованным им на чепях

кирпичю делать и глины копать и уминать невозможно. И в том-де у него, Семена, взята за рукою скаска»⁸⁵. 28 мая «к городовому строению тобольскими оброчными кузнецы скованы всякие железные угодные каменного дела снасти и крестьяны зделаны кади и ведра»⁸⁶. За это же время С. У. Ремезов «все деревянные припасы построил присыльными людьми, кои даны в работу 300 человек, и пять жилых тюремных изб с караулом, и три в обрубке колодца, и кирпичные сараи длиною под Паниным бугром на шестьсот печатных сажень... и к ним пять обжигальных больших печей». Красочный чертеж-рисунок, выполненный С. У. Ремезовым с натуры, не только иллюстрирует запись, но наглядно передает особенности местности (бугор, овраг, р. Курдюмка, озеро, огороды и др.) и пространственного размещения производственных и вспомогательных строений (СК, л. 146 об.—147). Четыре фигурки на краю Панина бугра оживляют чертеж и подчеркивают перспективу. Для лучшей организации и учета труда С. У. Ремезов «учинил из работников десятки и на десятки роздал угодные, готовые на дело снасти и припасы». Наконец, завершив подготовительные работы, он мог с удовлетворением записать: «И то каменное дело почалось мною 207-го году июня 2 день» (СК, л. 38). В отчете 16 марта 1701 г. тобольский воевода доносил в Москву, что за 1698/99 г. было изготовлено 450 тыс. кирпичей, а в 1699/1700 г.— 472 500 кирпичей и 4 тыс. бочек извести⁸⁷.

Хотя история рассудила иначе, в то время тобольские власти считали главным «делом» С. У. Ремезова отнюдь не картографические занятия, а службу «у каменного строения». При незаурядных технических знаниях и природной смекалке он глубоко вникал в сущность поручаемых ему заданий; широк был и диапазон его обязанностей: от финансовых расчетов и подрядных дел, изысканий строительных материалов и подготовки «припасов» до топографической съемки города, разработки проектно-сметной документации, осуществления своих архитектурных замыслов и строительства. Несомненно, Тобольск конца XVII—начала XVIII в. своей планировкой, строительством и архитектурным обликом во многом обязан усилиям и творчеству С. У. Ремезова. А дошедшие до наших дней его записи и графические материалы представляют уникальный комплекс архитектурно-строительной доку-

ментации, исключительно ценной для изучения истории техники и градостроительства.

Одним из пунктов грамоты 4 декабря 1698 г. предусматривалась выдача С. У. Ремезову из тобольской приказной палаты наказа «всему, что ему делать». Наказ не найден, но известно, что он был составлен и вручен С. У. Ремезову. «И в приезде в Тобольску со многих указных грамот дан наказ всему строению 208-го году мая 9 день» (СК, л. 21 об.). В тот же день, 9 мая 1700 г., в торжественной обстановке «по молебном, соборном пении» было заложено основание — «пачало каменного строения по чертежу» — каменной палаты. Имея заранее «приготовашными всяких припасов: свай, буту, песку, извести и кирпичю», в работе приняли участие 60 каменщиков, 90 казачьих детей, 50 ссыльных (СК, л. 38).

Одновременно со строительством продолжались поиски материалов, по возможности вблизи города. В июле С. У. Ремезов возглавил поиски «во близости песку». В рекогносцировке участвовали конные и пешие старожилы (Г. Вакулин, М. Шумков и др.) и 60 казачьих детей из трех полков. Отчетный чертеж «Доезд о досмотре сыскати каменному строению во близости песку», составленный 30 июля С. У. Ремезовым, показывает результаты поисков (СК, л. 148). У краев глубокого оврага, упирающегося одним концом в Иртыш, северо-восточнее в 700 саженях от городского вала (между Троицкой и Воскресенской башнями) разведчики обнаружили «к удобному строению и для предок (т. е. впредь.— Л. Г.)... многие жилы песка доброго», имеющего «слой толщины в аршин».

Кроме чертежей и описаний подготовительных работ, к проектным и съемочным материалам, включенным С. У. Ремезовым в «Служебную книгу», относятся чертежи, планы, рисунки и результаты обмеров города в целом и отдельных зданий. На плане «Град Тоболеск. Измеряно основание башен и стен. Быть каменному строению всего города вокруг 390 сажен» (СК, л. 20 об.—21) перспективными рисунками удачно подчеркнуты индивидуальные черты сооружений. Изображены фасады крепостных башен (глухих, наугольной, Спасской, Троицкой и др.), оружейной, приказной и Софийского дома палат, гостиного двора, Соборной, Воскресенской, Вознесенской и Троицкой церквей, стен и ограды Софийского дома, воеводского двора, житниц, домиков нагорного посада⁸⁸. На проектном

чертеже «Град Тоболеск. Намеряно основание башен и стен под каменное строение. Всего вокруг города убрано к строению будет в деле 352 сажени» (СК, л. 143 об.—144) рисунки отсутствуют, здания показаны в плане (вид сверху), несколько иным является взаимное размещение сооружений и элементов укреплений. Приведен линейный масштаб («розмер каменного строения»), но чертеж с ним не соразмерен; контуры снесенных («прежняя башня») и проектируемых строений («вновь житницы») изображены штриховыми линиями. Центральной части Тобольска — «городу» на горе — посвящен и чертеж-рисунок всех строений, преимущественно деревянных, до реконструкции (СК, л. 135 об.—136). Здесь более полно представлены различные строения как в «городе», так и за его пределами⁸⁹, а рисунки общего вида зданий особенно интересны для сопоставлений с проектами С. У. Ремезова и его чертежом Тобольска того же периода в «Чертежной книге». Кроме того, варианты размещения башен и строений показаны на трех схематических планах города (СК, л. 137—142). На одном из них при постройке приказной палаты предусматривались «под башню в ысподе анбары для письменных дел» (СК, л. 142).

Все чертежи обильно снабжены результатами измерений расстояний и обмеров зданий, частью существовавших, частью проектируемых. Цифровые показатели характерны не столько для чертежей, сколько для описаний к ним С. У. Ремезова, измерившего, по его словам, весь Тобольск «вкруг, вдоль и поперег». Что это высказывание не является риторическим оборотом или метафорой, а отражает действительную работу С. У. Ремезова, хорошо показывает описание к чертежу «Град Тоболеск фундаментом или основание улиц» (СК, л. 18 об.—19). На схематическом плане нанесены только линии направлений главных продольных (север — юг) и поперечных (запад — восток) городских улиц, зато отдельный текст к чертежу очень подробен. Описание результатов измерений «Мера фундамента улиц и роспись перечневая граду Тобольску и посадом вкруг, вдоль и поперег и в дробные сажени» (СК, л. 18, 19 об., 20) состоит из ряда разделов: «длинники городу по мере», «подгорной длинник», «поперешники нагорные городу», «большой городской перечень», «посад подгорной мерою», «поперечники посаду». Примерно по такой же схеме построено и другое описание «Чертеж фундамента.

Раздел городской земли Тобольского города, меж посадов, улиц и переулков имени и назвищи, мерою длины и поперег числом... сажен, аршинов и вершков наличие городское, раздел жилью...»: «основание длины улиц града на горе», «поперешники посадов», «подгорного посаду длинники», «поперешные большие меры подгорных улиц» и др. (СК, л. 25 об.—26).

В росписи обращает на себя внимание трехкратное упоминание ремезовских улиц. Давно было замечено, что в легенде известного плана «град Тоболеск» (ЧК, л. 1) упомянута улица Ремезова в числе «поперешным другому посаду», т. е. в северо-восточной части нагорья (верхний посад). На плане она разместилась между продольными Большой Воскресенской и Петропавловской улицами, упираясь одним концом в Успенский девичий монастырь; на другом конце ее изображено строение приказа конных казаков. Существенное уточнение в название улицы вносит роспись измерений одного из «поперешников» посада, проходившего «с яру чрез Троицкую на Катаево болото и Ремезову Ульяна улицу и чрез Спасскую и Большую...» Другое измерение «улиц града на горе» велось «мимо Спасскую церковь впрямь до заклюки Ремезовой улицы...» (СК, л. 25 об.). Память об отце Семена Ремезова сохранилась в Тобольске еще в начале XVIII в., во всяком случае, улица его имени существовала до пожара 1701 г. В разделе «поперешные большие меры подгорных улиц» измерения велись «с берегу от Козлова двора на Большую улицу Семена Ремезова с Монастырскою улицею уступом к Благовещенской церкви...» Несмотря на то, что на плане 1701 г. поперечные улицы подгорья нанесены, но не названы, так как в «каталоге» их наименования не уместились («поперешных улиц и переулков не вместности ради описать невозможно»), на основании описания можно определить примерное положение улицы Семена Ремезова на нижнем посаде между Знаменским монастырем и Благовещенской церковью. Даже в сухом перечне названий и цифр С. У. Ремезов кое-где оставляет следы своего индивидуального «книжного» стиля. Один из разделов описания заключается им следующим образом: «Итак, всего города основание улиц или фундамент, место валовое и острожное и башен належащая меры по тычками миллиарий суптителной в разуме смысла черт улиц и заулков в достоверность».

О занятиях С. У. Ремезова в 1699—1701 гг. свидетельствуют также планы, чертежи и рисунки отдельных зданий Тобольска. Среди них рисунки и чертежи церквей с данными обмеров, проектные чертежи зданий приказной палаты и гостиного двора⁹⁰. Строительство, развернувшееся в Тобольске в начале XVIII в., было приостановлено грандиозным пожаром, во время которого 4 июня 1701 г. было уничтожено на верхнем посаде 876 и на нижнем — 206 дворов⁹¹. Одну из попыток организации защиты от огня отражают рисунок фасада и план с объяснением технологии постройки каменных палат (СК, л. 152 об.—153). Как поясняет С. У. Ремезов, эти документы были разработаны на основании грамоты, привезенной в Тобольск 16 ноября 1701 г. Указ предлагал «всякому строить для дешевизны сим образом каменная палата», которая «на пожарный случай от великого огня будет безопасна». Можно сказать, что перед нами своего рода «типовой» проект частной постройки начала XVIII в. В многочисленных челобитных местные жители иногда добивались реального осуществления строительства по московской грамоте. Например, подъячий приказной палаты Г. Стрежнев, указывая, что «велено нам, тобольским всяких чинов жителем, вместо деревянных хором строить каменные палаты, а кирпич, известь и камень и железо велено продавать из твоей государевой казны, почему что ценою стало без прибыли», добился разрешения получить «припасы» по той же цене, что «в казну становилось, и подмастерья и каменщиков из указного корму»⁹².

Составление «Чертежной книги» С. У. Ремезов с помощью сыновей завершил к 1 января 1701 г. (ЧК, стр. 1, 3; СК, л. 1, 67, 115). Длительный срок ее изготовления легко объясним теми многочисленными служебными обязанностями, которые были возложены на руководителя тобольского «каменного строения». Не имея известий об окончании картографических работ и не получив атлас, Сибирский приказ в особой грамоте предложил Семену Ремезову приехать в Москву с чертежами всех сибирских городов⁹³. Знаменательно, что грамота была отправлена в Тобольск 18 ноября 1701 г., т. е. ровно через три года после указа о необходимости составления «Чертежной книги». В новом указе тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому напоминалось, что «в нынешнем, 1701-м году, указали мы, великий государь, тобольского сына боярского

Семена Ремезова с чертежами всей Сибири, которые ему велено сделать, прислать к Москве в Сибирский приказ по нынешнему зимнему пути в провожатые за нашею, великого государя, казною пизовых сибирских городов... и ему, Семену, с чертежами явится в Сибирском приказе к думному нашему дьяку Андрею Андреевичю Виниюсу с товарищи»⁹⁴. Грамота была получена в Тобольске 13 января 1702 г., и на следующий день С. У. Ремезов, вызванный в приказную палату, был допрошен воеводой и дьяками. Допросные речи С. У. Ремезова и несколько документов этого периода были обнаружены Б. Б. Кафенгаузом в копиях начала 40-х годов XVIII в.⁹⁵ При очень кратком изложении содержания этих ценных источников, повторенном затем Л. И. Андреевым, многие важные факты биографии С. У. Ремезова оказались опущенными⁹⁶.

На допросе С. У. Ремезов показал: «Чертежи всей Сибири, которые по указу великого государя велено ему, Семену, делать из Сибирского приказа, по указу зделаны. И послал-де он, Семен, те чертежи к Москве в Сибирской приказ с якутским служилым человеком с Ывашком Сосниным, которой послан к Москве в провожатых за якутскою ясашною казною в ноябре месяце 10 числа прошлого, 701-го году. А как-де у него те чертежи в отделке были, и об отсылке-де их к Москве и об отписке в Сибирской приказ он, Семен, ближнему боярину и воеводе князю Михайле Яковлевичю и дьяком не докладывал забвением от недоумения. К подлинному допросу Сенька Ремезов руку приложил»⁹⁷.

Столь удивлявшая всех исследователей и непонятная причина задержки до 10 ноября 1701 г. посылки «Чертежной книги», оконченной еще 1 января того же года, становится ясной — чертежи были «в отделке». Но поразителен другой факт. О выполнении важного правительственного задания С. У. Ремезов не доложил тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому, объясняя это своей забывчивостью, и, минуя официальную инстанцию — тобольскую приказную палату, самостоятельно отправил в Сибирский приказ с И. Сосниным свои чертежи и отписку. Воеводская «отписка из Тобольска о тобольском сыне боярском Семене Ремезове и о чертежах» 29 января 1702 г. была привезена в Москву подъячим Г. Стрежневым 8 марта⁹⁸. В ней М. Я. Черкасский прежде всего сообщал, что еще до получения грамоты 18 ноября 1701 г. у Ремезова «тех

чертежей, что они у него сделаны ль, спрашивали. И он Семен, нам, холопом твоим, об них говорил, что не готовы, а как-де у него те чертежи будут в готовности, и он-де их в приказной палате нам объявит». Изложив далее содержание допросных речей 14 января, воевода продолжал доклад: «А как он, Семен, те чертежи к Москве послал и с кем имянем, о том нам, холопам твоим, [ранее] не объявил. А и с чертежами б ево, Семена, к Москве отпустить было невозможно для того, что он в Тобольску у городского каменного строения у великих приемов и расходов, и в том ево считают. А от того строения он, Семен, отставлен, потому что явились ево, Семеновы, будучи у того дела, многие блудни, а какие, о том к тебе, великому государю, мы, холопы твои, писать будем впредь...»⁹⁹

Можно предположить, что из-за каких-то служебных упущений временно «отставленный» от «дел строения» и, несомненно, обиженный С. У. Ремезов, в свое время получивший задание непосредственно в Сибирском приказе, счел возможным обойти тобольскую администрацию и самостоятельно послать «Чертежную книгу» в Москву. Не настаивая на этой гипотезе, считаю необходимым вместе с тем отметить, что С. У. Ремезов в то же время продолжал выполнять многие поручения по строительству. Так, 6 ноября 1701 г. им был «измерян старой посольской двор под кузницы» (СК, л. 19 об.), а 8 июня 1702 г. составлен проектный «наличной чертеж к строению сараев на горе за земляным валом на поле» (СК, л. 147 об.). Судя по автобиографической записи, он, «будучи у того каменного городского строения с 205-го году майя в 18 день, работал усердно, по вся дни безпокойно, с начала розмеру земли под город сажен и розметной росписи и письма и чертежей и во всех припасех городовых всякаго строения, и бывши у земельных судных и сыскных и земляных описных дел седьм лет по 214-й год июля по 20 число будучи, работал, обнищал и обезножил» (СК, л. 38). Исчисленные С. У. Ремезовым 7 лет службы никак не согласуются с указанными им же датами — с 18 мая 1697 г. по 20 июля 1706 г. прошло более 9 лет. По-видимому, при подсчете он исключил время, затраченное на другие свои занятия — поездку в Москву, картографическую деятельность, посылку в Кунгур и др.

Начавшаяся Северная война ускорила строительство казенных металлургических заводов. «Для умножения си-

бирских заводов» длительную поездку на Урал и в Сибирь совершил в 1702 г. А. А. Виниус, которому было поручено возместить в кратчайший срок потерю всей артиллерии под Нарвой. После осмотра Невьянского и Каменского заводов руководитель Сибирского приказа глубокой осенью прибыл в Тобольск, где, несомненно, встречался и с С. У. Ремезовым, поставив перед последним новые задачи. Если прежние проектно-чертежные и картосоставительские работы С. У. Ремезова отвечали целям географического изучения территории Сибири, благоустройства города, военной обороны, то новое задание было связано с проблемой промышленного строительства¹⁰⁰.

Для улучшения организации перевозок «воинских припасов» с первых заводов Верхотурского и Тобольского уездов и развертывания заводского строительства в Кунгурском уезде 9 января 1703 г. состоялся указ о передаче Кунгура с уездом из Новгородской четверти в Сибирский приказ и о подчинении Верхотурью¹⁰¹. Верхотурскому воеводе А. И. Калитину предлагалось немедленно организовать в Кунгурском уезде поисково-разведочные работы и заводское строительство, чтобы «в Московском государстве железом и медью, и селитрою, и серою горячею удовольствоваться без постороннего привозу из иных стран»¹⁰². Последовавшее затем распоряжение Сибирского приказа о переписи населения и составлении карты Кунгурского уезда предлагало решить практические задачи привлечения населения к перевозке готовой продукции заводов и построения целесообразной системы речных перевозок. Из Москвы в Тобольск и Тюмень 11 февраля с енисейским сыном боярским О. Галкиным были посланы две грамоты «о высылке на Верхотурье детей боярских тобольского Семена Ремезова и тюменского Ивана Текутьева». В наказной памяти 15 февраля С. У. Ремезову, «по которой велено ему ехать на Кунгур для письма того города и уезда чертежа», предписывалось: «И ехать тебе в Кунгурской уезд и сделать всему Кунгурскому уезду, селам и деревням и рекам чертеж исправной с размером подлинным для удобного железу и иным статьям к Каме-реке провозу и описать, как тот Кунгурской уезд с Сибирским и с Уфимским сошлись, и которая река отколь взялась, и в которую сторону и куды впала, и мочно ль какими судами по ней ходить и суды на ней делать, и много ль которою рекою будет ходу легкими и тяжелыми судами,

и где какие пороги...»¹⁰³ Московский указ 15 февраля был направлен к А. И. Калитину вместе с решением выдать С. У. Ремезову за работу 10 рублей из верхотурских таможенных или приказных доходов. Послушной памятью, посланной «наперед» в Кунгур, предусматривалось обеспечение тобольского картографа проводниками и материалами: «В вожи двух человек знающих, и подводы, и бумагу, и чернила, и стоялой двор... и для розсылки и обережи... 2 человек верхотурских казаков»¹⁰⁴.

12 апреля 1703 г. С. У. Ремезов с сыном Леонтием выехал из Тобольска в Верхотурье «по последнему самому вешнему пути со льдом и многожды был при смерти и тонул» (СК, л. 38, 67). Приняв 27 апреля у воеводы А. И. Калитина наказ, деньги и память, Ремезовы на следующий день отправились на Кунгур «для учинения вновь чертежа города Кунгура и уезду рек, сел и деревень» (СК, л. 67).

Несмотря на то, что пока не найдено хранившееся в Сибирском приказе «Дело Кунгурскому городу и уезду чертежа», извлечения из которого в копии 1741 г. находятся в книге из собрания В. М. Ундольского, кунгурский период творчества С. У. Ремезова, пожалуй, наиболее полно представлен сохранившимися до наших дней источниками. Помимо официальной переписки между Сибирским приказом, тобольским и верхотурским воеводами, материалов следственного дела Кунгурского восстания 1703 г., первостепенное значение имеют подлинные документы Ремезовых. Это прежде всего «Чертеж города Кунгура и посадов», «Чертеж земли Кунгурского города», чертежное описание, легенда в картуше чертежа, а также автобиографические записи картографа¹⁰⁵. О кунгурской «посылке» Ремезов записал так: «1703-го года апреля в 28 день по указной великаго государя грамоте и по наказу послан с Верхотурья на Кунгур с сыном Леонтием для описки и учинения чертежа и уездов, сел и деревень, и с которыми города Кунгур смежен, грани и вершины рек, и очистить дорогу для провозу с железных заводов вниз Чюсовые до Камы-реки» (СК, л. 38); и в другом месте более кратко: «Был за опискою земли города Кунгура со всем уездом для проезду с железных заводов до Камы-реки судам, и тому наличной чертеж написал» (СК, л. 39 об.).

Прибытие в Кунгур Ремезовых и Ивана Текутьева совпало с начавшейся борьбой крестьян уезда против введе-

ния новых повинностей по добыче руды и перевозке заводской продукции. Правда, в самый разгар июльского восстания Ремезовы были уже в Тобольске, по их деятельность в городе и уезде в мае и июне вызывала серьезное недовольство местного населения, верно связывающего осуществление чертежных и описных работ с введением новых повинностей. Для яркого очерка о Кунгурском восстании А. А. Преображенский использовал материалы следственного дела¹⁰⁶, из которого для биографии С. У. Ремезова интересны «сказки» местных татар и челобитная земского старосты Е. Рябухина. Работа чертежника и «перепищика» проходила в напряженных условиях противодействия со стороны кунгурских «мирских» властей и «лучших» людей. И. Текутьев докладывал А. И. Калитину на Верхотурье, что с 8 мая (день приезда) ему не дали необходимых для проведения переписи книг и списков, почему «они, бурмистры, учинили всякой казны... остановку», а он живет по 15 июля «за ослушанием их без дела». В показаниях Я. Кобыкаева и М. Килдебекова упоминалось имя отставного подьячего И. Шавкунова, который «призывал их к себе на двор и говорил непристойные слова о чертешике Семене Ремезове, не велел давать писцовых книг и все-де им, лутчим людям, и татаром про речки и про озера и урочища сказывать не велел». Стремление очернить С. У. Ремезова сквозит в коллективной челобитной 23 июля «мирской» верхушки в лице Е. Рябухина, того же И. Шавкунова, подьячего Д. Веселкова, наполненной жалобами и обвинениями во взяточничестве¹⁰⁷. Несмотря на чинимые препятствия и тяжелые условия работы, служебная деятельность Ремезовых в Кунгуре проходила успешно. За два месяца они совершили объезды Кунгурского уезда, уточнили данные прежних переписных и писцовых книг, изготовили чертежи. Научная любознательность, сопровождавшая С. У. Ремезова во всех его начинаниях, любовь к истории родного края и его достопримечательностям привели неутомимого исследователя к обнаружению камней с «письмом» вблизи деревни Писанец на р. Ирбите. Отметим, что рисунок Кунгурских пещер ремезовской работы обнаружен в копии в архиве Д. Г. Мессершмидта¹⁰⁸. Другой важной кунгурской находкой была «Летопись Сибирская краткая Кунгурская», переработанная и переписанная С. У. Ремезовым, им же иллюстрированная, она дополнила (вставные

листы) историческое сочинение картографа «Историю Сибирскую».

8 июля 1703 г. С. У. Ремезов вернулся из Кунгура в Тобольск и в тот же день представлял отчетные материалы. Тобольский воевода А. М. Черкасский немедленно выслал с тюменским казаком М. Костромитиным «отписку о посылке кунгурских чертежей», полученную в Сибирском приказе 21 августа 1703 г.¹⁰⁹ Из доклада видно, что С. Ремезов «в приказной палате подал... городу Кунгуру и уездом описные книги да пять чертежей за своею рукою» и что эти документы, опечатанные тобольской печатью, 11 июля были отправлены в Москву «чрез почту». Одновременно из Тобольска в Верхотурье к А. И. Калитину с верхотурским казаком Т. Шебуниным были высланы кунгурские «книги описные, два чертежа Верхотурские, да два чертежа Кунгурские»¹¹⁰.

Оценка значения карты Кунгурского уезда, ее общая характеристика наиболее четко даны в неопубликованной отписке С. У. Ремезова, адресованной А. И. Калитину и дьяку Г. Деревнину. «В нынешнем 1703 году июля в 8 день по указу и по грамоте великого государя и по наказу из Москвы из Сибирского приказу велено для удобных з заводу перевозу припасов учинить чертеж сходство вершин сибирских рек и сколь воблизости Верхотурского городу и уезду Кунгурской уезд, села и деревни, и реки, и которую рекою... ходу до Камы-реки, и какие пороги, и в коих местех суды делать пристойно. И по вышеписанному указу зделал на Кунгуре наличной чертеж и переписные книги городу Кунгуру с посадом и что в нем строения; и другой же — городской с уездами наличие рек и урочищ для удобного провозу всяких припасов и сходство многих рек и меж ими гор, и которые реки впали в Сибирскую сторону и вокруг устьем в Каму-реку, и на них жилья сел и деревни и татарские юрты мордвы и черемис, и с окольными х Кунгурскому городу принадлежащими соседи, и которых кунгурския жители всяких чинов люди между соседы грани и меж и урочища почитают с Верхотурьем, с Уфою, с Осою, со Строгоновыми селы вокруг своей уезд, и что по чему кунгурской земли писцовых книг, и до которого места длиннику и поперешнику по смете верст налично и подлинно на чертеже написал и послал к вам книги и чертеж за рукою моею...»¹¹¹

После возвращения из Кунгура очередные службы С. У. Ремезова были связаны с работой военного ведомства, в том числе с деятельностью казенного металлургического Каменского завода, приписанного к Тобольскому уезду.

Возникновение Каменского завода относится к 28 сентября 1699 г., когда был объявлен указ «на речке Каменке завести железные заводы». Но работа шла медленно и, как отмечает одна из книг Сибирского приказа, на 24 сентября 1701 г. «в совершенство те заводы не приведены», а первые три пушки и две мортиры были отлиты в декабре того же года¹¹². Строительство завода с самого начала сопровождалось картографированием окружающей его территории. 23 апреля 1700 г. в Москву был выслан чертеж тобольского сына боярского И. Астраханцова «речке Каменке с облежаницами местами»; при расспросах тобольского сына боярского И. Салманова о Каменском заводе в Сибирском приказе 29 ноября 1700 г. ему был показан «чертеж тобольских слобод и башкирских земель Уфинского уезду для того, что железные заводы на речке Каменке в том чертеже написаны»¹¹³. Если ранее в Тобольск и слободы уезда железо для строительства и вооружение «для остерегательства от приходу неприятельских людей» доставлялось преимущественно из Москвы, то с пуском Каменского завода к тобольскому воеводе стали поступать многочисленные распоряжения об изготовлении тех или иных образцов орудий, а вместе с приказами и «обращатые пушечные чертежи». Так, 13 апреля 1702 г. из Москвы с подьячим Г. Стрежневым посланы «для излития» восемь чертежей 3-, 6- и 8-фунтовых пушек, позднее в Тобольск поступила грамота 20 января 1703 г. «фузеи делать по образцу» и т. п.¹¹⁴

Осенью 1703 г. С. У. Ремезов, начав заниматься «железным делом», по приказу воеводы М. Я. Черкасского прежде всего приступил к составлению чертежей различных орудий «на Каменские заводы для железного излития 15 штук разных преводов пушкам и мортирам по размеру ядер и против порохового содержания; також мортирных 6 разноличных длиною по аршину и по полтора по мере ядра и против порохового весу» (СК, л. 38 об.). Материалы того периода занимают значительное место во второй части «Служебной книги». В ней помещены с указанием размеров рабочие чертежи семи разнокалиберных (12-, 8-,

6- и 3-фунтовых) пушек, шести мортир, ядер к ним (л. 124—129, 130—132 об.), а также выполненные в натуральную величину (ширина и толщина) чертежи-образцы 13 видов брусчатого, полосового и прутового железа, предназначенного для пушечных станков, колес и на гвозди (л. 122—123 об., 133—134). Пояснения и размеры проставлены повсюду не рукой С. У. Ремезова, лишь на одном чертеже имеется собственноручная надпись: «1703 года сентября в 15 день написан по указу сей мортирной чертеж московские присылки с подлиннаго чертежа по розмеру во всем сходно. Писал тобольской сын боярской Семен Ремезов»¹¹⁵.

Большую ценность для истории металлургического производства начала XVIII в. представляют составленные С. У. Ремезовым в 1703—1704 гг. оригиналы чертежей, планов и рисунков Каменского завода, доменного процесса, печей и других агрегатов железодельного производства. Обзорный чертеж со схематическим изображением окрестностей (главным образом речной сети) и два крупномасштабных плана наглядно передают не только пространственное размещение источников сырья («горы железные руды»), техники доменного производства (плотины, доменный горн, чан, трубы, сливной мост и др.) и построек (мост, мельница, слобода, «дворы — живут московские мастера» и т. п.), но и детальную заводскую схему взаимодействия отдельных узлов (л. 157 об., 158 об.—159, 160 об.—161). Непосредственно производственному процессу, начиная от подвозки угля и руды и кончая литьем пушек и ядер, посвящены «Чертеж заводов железного дела и строения» (л. 158), чертеж доменной печи (л. 159 об.), чертеж-рисунок плотины (л. 156 об.—157) и чертеж-рисунок «железного дела» (л. 155 об.). Об изучении С. У. Ремезовым ряда проблем, связанных с устройством завода по добыче железа, свидетельствует оставленная им запись-конспект «Чертеж буту и слани железного дела и свай» (л. 156). В этом «Оглавлении дела заводского» намечено множество подразделов, подлежащих описанию, некоторые из них заполнены: о мастерах, подмастерьях и работных; о плотине, о доменной печи; о «снастях» — ломовых, молотовых, кирпичных, «плотинных»; об угле, дровах, извести и т. п. Другое описание или «Чертеж доменнаго и молотоваго дела, пушеннаго и гранатнаго и всякаго железнаго строю» (л. 160) касается обогащения

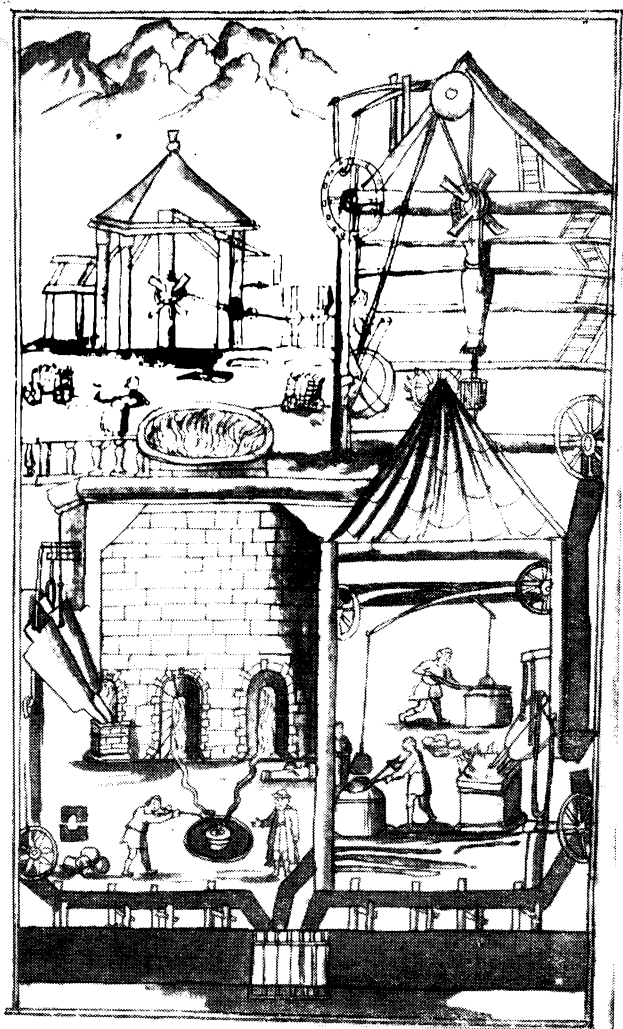
руды, устройства молотовой печи, больших и малых мехов и других вопросов. Многочисленные мелкие подробности и детали, проставленные размеры, зарисовки (например, группа работников, которые «на козлах свои бьют»), сравнение каменных чертежей с чертежом Нерчинского завода «серебряного дела» (л. 164 об.—166), где, как известно, чертежник никогда не был,— все это свидетельствует о том, что графические материалы выполнены С. У. Ремезовым с натуры при посещении им Каменского завода.

Многочисленная инженерная графика С. У. Ремезова, к сожалению, до сего времени не только не введена в научный оборот, но и не сделалась объектом всестороннего изучения специалистами. Историк графики А. И. Александров, например, считая Семена Ремезова одним из основоположников инженерной графики на Урале и в Сибири, никак не аргументировал это правильное утверждение, ссылаясь только на «Чертежную книгу»¹¹⁶. Описанный в монографии рисунок 1720—1730 гг., показывающий технологический процесс добычи железной руды для Тамгинского завода около Якутска и, по замыслу автора, иллюстрирующий период постепенного перехода от рисунка к чертежу, по своему примитивному выполнению никак не может быть сравнен, скажем, с более ранним ремезовским чертежом-рисунком «железного дела» 1703 г.

Одновременно с «железным делом» С. У. Ремезов в 1703—1704 гг. занимался поисками «селитрянных земель», проектированием и устройством порохового завода. 11 августа 1703 г. он вместе с дьяком М. Маскиным, дворянином В. Турским и подьячим В. Коряковым отправился из Тобольска на Старую Сибирь (Кучумово городище) «для досмотру селитренного дела». В «Хорографическую книгу» к чертежу Иртыша (л. 79) присоединена вклейка с подлинным ремезовским чертежом «Кучюмово городище» и описанием «по досмотру всяких урочищ вокруг Кучюмова городища Старой Сибири длиннику и поперешнику и речки Сибирки, и где быть пристойно селитренному майдану, постановки жилым избам и амбарам, казаном и чаном и подчалком. И тому учинен сей наличной чертеж и по мере...» (далее приводятся цифровые данные измерений)¹¹⁷. По надписи на другом подлинном чертеже (СК, л. 162 об.—163) узнаем о «доезде тобольскаго сына боярскаго Семена Ремезова для заводов пороховаго дела строения

меры и чертежа к удобному строению 1703 году сентября 25 день». Для устройства порохового завода в окрестностях Тобольска было избрано на берегу речки Подувалки место между деревней Денисовой и старым прудом, к которому подходили разделенные лишь заливными лугами («наволоки лесные») «покосы тобольского сына боярского Семена Ульянова сына Ремезова до потоку речки Подувалки». Так же как и при изучении доменного производства, С. У. Ремезов стремится к более глубокому познанию технологических процессов. Его конспективное описание или «Чертеж селитренного дела и всяких припасов в дело и мерою и весом 1704 года августа в 17 день» (СК, л. 162, 163 об.) содержит основные сведения «о селитре и селитренных заводах». Здесь в 17 пунктах излагается способ получения и «литрования» селитры, а также «на завод селитряного и порохового дела что надобно вещей составлять порох»¹¹⁸.

В конце 1703 г., как отмечает А. И. Андреев, Ремезовым были составлены планы («образцы») тобольских слобод¹¹⁹. Это, казалось бы, заурядное для опытного чертежника задание на самом деле имеет несколько необычное значение, которое раскрывается только при определении целей составления этих чертежей и описания к ним. Оказывается, перед нами материалы, пользуясь современной терминологией, учебно-методического характера — образец отчета о «доезде» (СК, л. 142 об.) и «образцы описных слобод» (СК, л. 143, 144 об.—145 об.). Трудно сказать, кому непосредственно адресованы эти документы, может быть, молодым чертежникам или собственным детям, но одно несомненно: обладая огромным опытом, старый мастер обучал кого-то навыкам своего искусства. Вначале С. У. Ремезов приводит учебный пример описания: «1703 года ноября в... день по указу великаго государя и по грамоте по наказу ближних имя рек велено т[обольскому] имя реку описать Тобольскаго уезду остроги и слободы, и в них всякое строение подлинно налично, и пристойные площади под строение к торгам всяких товаров, и всякую площадь длиною и поперег по мере сажен, и по рекам мосты и перевозы, и на коих реках издавна ли и в недавних летах имеют, и что с тех земель и перевознаго и мостов, и давно ли платят. И то описать все именно и у всех слободских лутчих людей взять сказки». Затем следуют записи возможных результатов «доезда» и сказок

Чертеж-рисунок «железного дела» из «Служебной
чертежной книги»

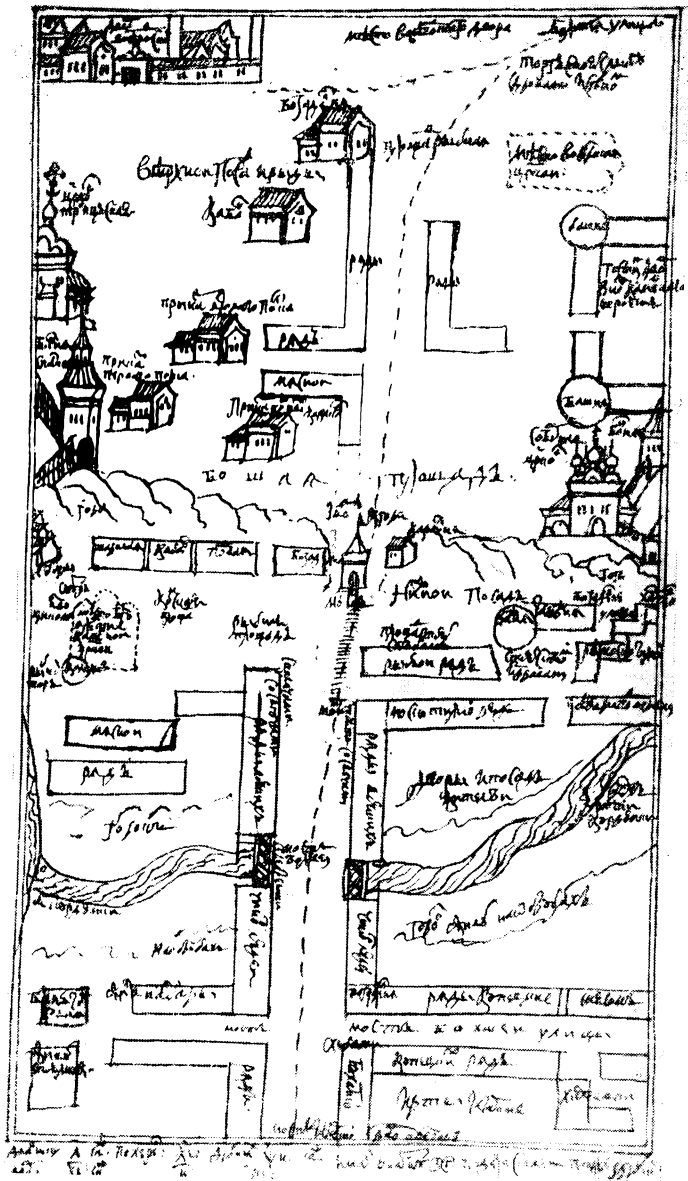
ГПБ, рук. отд., Эрмитажное собрание, № 237, л. 155 об.

«лутчих» людей (для примера взята Ницынская слобода). К тексту приложена графика: план двора с домом и хозяйственными пристройками на берегу Исети, имя условного владельца которого скрыто под инициалами «К. В. Л. М.», и 15 планов слобод — Ницынская, Туринская, Верхняя Ницынская, Чубаровская, Киргинская, Благовещенская, Белоярская, Новопышминская, Калиновская, Юрмытская, Рудная, Куяровская, Угетская, Беляковская, Буткинская. Хотя чертежи слобод имеют «учебное» назначение, все они отражают действительность и достоверно передают характерные особенности каждого населенного пункта. Видимо, они составлены С. У. Ремезовым либо по материалам тобольской приказной палаты, либо по собственным съемкам во время неоднократных посещений слобод Тобольского уезда.

Автобиография С. У. Ремезова, заполненная данными о служебной деятельности, бедна сообщениями бытового характера. Поиски подобных сведений о Ремезовых в записях различных сделок явились безуспешными. Крепостные книги по Тобольску, видимо, не сохранились, а из фрагмента одной из таких книг выявлены два незначительных факта. В одном случае С. У. Ремезов выступает свидетелем поступной записи 16 июня 1702 г. казака С. Редикорцева, поступившегося своим двором и дворовым местом за 10-рублевый долг, в другом — поручителем при займе денег 18 июля 1702 г. тобольским сыном боярским В. Измайловым с сыном Михаилом у казака А. Сутупова¹²⁰.

Из перечня «обычных» служб выделяется автобиографическая запись о том, что 4 июня 1704 г. в Тобольске С. У. Ремезов «по случаю великого пожара жителей всего нагорья отстоял город и башни, и восводской двор, и приказ, и казенные и зелейные анбары, и церкви соборные верхи, и Троицкую с приказными письмами, тритцать человек присыльными работниками городовыми, и на нижнем посаде до по конец татарских юрт русские дворы и по повокрещенных жителей улицу»¹²¹.

Среди ряда ранее не отмеченных исследователями работ С. У. Ремезова обращают на себя внимание чертеж и описание, составленные 13 декабря 1704 г. По наказу воеводы А. М. Черкасского С. У. Ремезову и сыну Леонтию было предложено описать в Тобольске «посады верхней и нижней и все торговые площади, балчюги, кресцы и постановки, где, кто, чем торгуют всяких чинов люди всяки-

«Чертеж по указу размер хресцам и балчикам» из «Служебной чертежной книги»

ми товары, хлебом и всякими припасы, и где ставятся судами и возами, и саньми, и с мехами безоброчно, и в коих местех они торгуют и с чьими землями смежны, и преж того на оброке ни за кем не бывали [ль]. И те измерять в сажени печатные и положити в дробные, и со всякой дробной сажени имать пошлины по деньге с сажени верно»¹²². Отчетный чертеж и описание «Чертеж по указу розмер хресцам и балчикам» (СК, л. 24 об.—25), выполненные с фискальными целями, являются интересными источниками отчасти и экономического содержания. Переданные графически сведения о торговой жизни Тобольска, наглядное изображение размещения элементов, составляющих торговый центр города, не могут быть подменены любым, даже самым подробным описанием. Выполняя наказ, Ремезовы провели вначале проверку «по описке и меры прежней», затем новые измерения («по моей мере»), в основном торговых площадей, например, «площади с хлебом — становятся от таможни длины 16 сажен, поперег 6 сажен, дробных 96 сажен», «площадка при Богоявленской церкви рыбных прасолов...», «площадка при кабаке и под валу съезд извощикам и с телегами...» и др. На чертеже, кроме основных показателей городской топографии (мосты, здания и др.), видны рыбные площади, торги («стоят с рыбою, с дровами и сеном», с калачами, со свечами, с хлебом, с мясом), ряды — москательные, мясные, «купецкие» и т. п.

Как было показано, картосоставительские и другие поручения С. У. Ремезов часто исполнял с своими старшими сыновьями — Леонтием и Семеном, служебная деятельность которых падает в основном на XVIII в. (Л. С. Ремезов поверстан в дети боярские в 1697 г., а Семен-младший — в 1699 г.). В 1702 г. на «государеву» службу поступают еще два представителя ремезовской фамилии: Иван Семенович и Афанасий Никитич Ремезовы. «Новичное» жалованье было установлено: Ивану Ремезову — из «убылого окладу» сына боярского И. Неприпасова 7 рублей, по 7 четей ржи и овса «в старую меру», 2 пуда соли¹²³; А. Н. Ремезову — «из выбылого окладу отца ево, Микиты Ремезова, денег 7 рублей, хлеба 7 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли, которой отдан был [ранее] брату ево двоюродному Семену Ремезову»¹²⁴. Вместо прежнего жалованья С. С. Ремезову «учинен» оклад, слагасмый из «убылого окладу» сына

Великодушный Семеновича Семеновича Семеновича Семеновича

Автограф Ивана Семеновича Ремезова. ЦГАДА, ф. 199, № 493, л. 136

Семеновича Семеновича Семеновича Семеновича

Автограф Семена Ульяновича Ремезова 1710 г. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 755

Семеновича Семеновича Семеновича Семеновича

Автограф Петра Семеновича Ремезова. ГАТО, ф. 661, № 29, л. 351 об.

боярского И. Сливинского (5 рублей, по 5 четей ржи и овса, 2 пуда соли) и части оклада И. Неприпасова (1 рубль, по 1 чети ржи и овса), благодаря тому, что «Иван Сливинской по челобитью ево постригся, а Иван Неприпасов отставлен за ево затейные слова и в народ возмущения»¹²⁵. 24 марта 1705 г. Семену Ремезову-младшему были «прибавлены» из оклада К. Едвалова 1 рубль и «осмина и полчетверика и мал четверик ржи, овса тож в нынешнюю меру». Таким образом, его жалованье сравнялось с окладом младшего брата Ивана и составило 7 рублей, по $4\frac{1}{64}$ чети ржи и овса и 2 пуда соли¹²⁶.

За 1705—1712 гг. А. И. Андреев насчитывает только два факта служебной биографии, отмеченных самим С. У. Ремезовым¹²⁷. Но это не совсем так. 29 июня 1705 г. С. У. Ремезов «изымал» бежавших из Томска «в крытой лодке с ружьем» и грабивших ясачных людей трех ссыльных, которые были пойманы, привезены в Тобольск и посажены в тюрьму (СК, л. 38). Оконченная, согласно записям чертежника, 20 июля 1706 г. «городовая» служба, однако, продолжалась и позднее. По приказу тобольского воеводы С. У. Ремезов должен был «розмерять нижней посад в сажени и веревкою стосаженною не по одному месту, где пристойт быть земляного города вал з башнями, и ров учинить по образцу московскому, роскат ширины и вышины и болгарков с острыми железными ребрами, и что болгарок длины, вышины и ширины, стойки полкам и пушкам... И всему тому учинить чертеж розмерной всему наличной» (СК, л. 10). Для выполнения задачи он «поперег весь нижней посад в сажени и веревкою розмерял и описал и чертеж всему тому меру и роспись написал». Проектный чертеж и описание крепостных сооружений для неукрепленной ранее части Тобольска — «Чертеж посаду розмер по указу под валовое строение» (СК, л. 10—11) и рисунок «Образец роскату и з болгарки и с пушками и постанова полкам» (л. 11 об.) — С. У. Ремезов представил 27 апреля 1709 г. Предложенный им вариант направления укрепленной линии от устья Тобола до Панина бугра (1130 сажен) основывался на трехкратных измерениях. Два варианта были отклонены: первый — из-за того, что «в ломанье дворов многим градским людем разстроение»; по второму — «останется за чертежем 98 дворов». И хотя во «всех тех трех мерах останется в улицах осьми многое число дворов и огородов для валового дела очистить пло-

щадь», третья «мера» была оптимальной, так как за валом («за чертежем») оставалось 73 двора. На последнем варианте и основан ремезовский чертеж, схематично изображающий городскую топографию части верхнего и всего чижнего посадов (речная сеть, мосты, рельеф, лес, церкви, окрестные деревни), на фоне которой проведена линия проектируемого вала, «болгарков» и раската. Тогда же, 27 апреля, С. У. Ремезов составил «Доношение о строении» (СК, л. 24), своего рода исторический очерк с выписками из книг тобольской приказной палаты о проведении «всякаго давних лет городского строения». По содержанию запись сходна с допросными речами С. У. Ремезова в Сибирском приказе в 1698 г. В этом обзоре основное внимание уделено организации работ по устройству «земляного городу вала» в 1637/38, 1677—1679 и 1688/89 гг.

В то время как С. У. Ремезов занимался проектированием укреплений Тобольска, его старший сын Леонтий, находясь на «береговой» службе, принял участие в походе ратных людей во главе с тобольским дворянином Ф. Толбузиным (1 мая — 14 ноября 1709 г.) «для остерегательства Тобольского уезду крайних слобод от приходу всяких воровских башкирцов». В бою 12 августа по дороге к озеру Чебаркуль под ним была ранена лошадь¹²⁸. Другой поход 19 февраля — 16 мая 1710 г. московского дворянина Л. И. Парфеньева, которому поручалось «быть головою на битве против изменников башкирцов, татар и на немирные орды промысел чинить», до мельчайших подробностей описан в «Служебной книге», вероятно, со слов участника боев Леонтия.

По записи этого доезда (СК, л. 46—46 об.) и другим источникам С. У. Ремезов составил несколько чертежей военно-оперативного назначения: «Степь, откуда приход бывает под слободы воинских людей на три дороги» (л. 44 об.—45), «Чертеж, колико приходов под слободы и с кою стороны по дорогам и сакмам¹²⁹ из одного места» (л. 47 и уменьшенная копия, выполненная Леонтием Ремезовым, — л. 49а), чертеж по доезду с изображением путей отрядов Парфеньева и мест сражений (л. 47 об.—48). К ним, по-видимому, примыкает и недатированный «Чертеж межевой Башкирской земли с слободами в споре и таков подлинной за руками» (л. 49—50).

В 1892 г. историк Н. Н. Оглоблин обнаружил в Сибирском приказе книгу, скрепленную на нижних полях листов

подписью: «К сим сметным именным книгам тобольской сын боярской Семен Ульянов Ремезов руку приложил»¹³⁰. Переписная книга составлена по наказу воеводы И. Ф. Бибикова, который предписал произвести перепись в Тобольском уезде «всяких чинов людей духовного чина и у мирских приходских дворы, слободы, села и деревни, чином и в лета мужеска полу и женска, старых и младенцев имени, и митропольи две слободы Тавдинскую и Покровскую, и монастырские погосты» (СК, л. 38 об.). Перепись проводилась С. У. Ремезовым в марте — июле 1710 г.; ее основные итоги включены «перепищиком» в «Служебную книгу»: «Переписка людем... в подгородных деревнях и острогах, и слободах, и в митропольских и в монастырских вотчинах, и служилых и захребетных татарей и бухарцов, и всякого чина жителей духовного чину»¹³¹.

Новые ценные сведения о семье Ремезовых дала переписная книга по Тобольску 1710 г. Привожу эту запись.

«Двор купленной сына боярского Семена Ульянова сына Ремезова.

Иконник сказал себе шесъдесять семь лет, у него жена Ефимья Митрофанова дочь пятидесят пяти лет, сын Леонтей тритца[ти] трех лет, сын боярской же, у него — жена Варвара Васильева дочь тритцати лет. У него, Леонтья, дети: Алексей семи, Леонтей пяти лет, Федор году.

У него ж, Семена, сын Семен, сын боярской же, дватцати семи лет, у него жена Ульяна Григорьева дочь дватцати пяти лет, сын Никифор полугоду.

У него ж, Семена, дети: Иван, сын боярской же, дватцати шти лет, а ныне он в сибирских низовых городех, Петр, четырнатцати лет, дочь Марья, девка дватцати лет.

У него ж, Семена, приданая женка остяцкой породы Анна Иванова, тритцати лет, у ней дочь Ирина — году.

Государева жалованья им: Семену денег одиннатцать рублей, хлеба ржи пять четвертей с осминою и з двумя четверики, овса тож число, соли три пуда, а детем ево, Леонтью, Семену, Ивану, денег по семи рублей, хлеба ржи по четыре четверти, овса тож число, соли по два пуда человеку.

В государеву казну платит он, Семен, с того двора в канцелярии банных по пяти алтын, подымных по осми денег на год.

При сей переписе великого государя указ и подтверждение под казнию, как о том писано выше сего, их бла-

говещенского приходу попов с причетники Семен Ремезов слышав, сказал.

Семен Ремезов руку приложил»¹³².

В официальную государственную перепись С. У. Ремезов внесен как икошник, по роду основной своей деятельности. Интересно также, что все семейство Ремезовых, насчитывающее 15 человек, жило в одном дворе, купленном, надо полагать, после пожара 1701 г. Довольно точно можно установить его местоположение. Двор помещался на нижнем посаде по Мостовой Знаменской улице Благовещенского прихода в середине участка между Соболевым и Кузнецовым переулками. С обеих сторон к нему примыкали дворы рядовых казаков и посадских людей, справа — двор пещего казака М. Иванова, слева — двор посадского человека Алексея Иванова сына «прозванием Титов Котельник».

Продолжая несение «государевой» службы, С. У. Ремезов в течение 1712 г. провел перепись Тюменского уезда. Эти переписные книги пока не отысканы, но о содержании их можно судить по записи «перепищика», который по наказу воеводы В. А. Мещерского «на Тюмени и Тюменского уезду деревни и Евлуторскую слободу, и три слободы по Пышме-реке, и Сингульские юрты, и десять слобод свидетельствовал по Тоболу-реке. И в тех слободах духовного чину и приходских дворы по именом и в лета мужска полу и женска, старых и младенцов, и что им жалованья, и что оброку, тягла и податей, промыслу и рукоделья» (СК, л. 38 об.). В заключение он подчеркивает, что «за тем переписным делом был целый год во всякой скудости без жалованья». Последнее обстоятельство, видимо, послужило основанием для просьбы о выдаче «в прибавок» к окладу. В челобитной 2 декабря 1712 г. 70-летний С. У. Ремезов как бы подводит итоги своей 30-летней (с 1682 г.) служебной деятельности, вкратце описывая также главные службы деда и отца. В ней выделены: 1) «отъезжие степныя и городовыя всякия службы со своею братьею», т. е. обычные посылки служилых людей, в том числе ясачный «збор»; 2) семилетнее «городовое строение»; 3) «сверх тех служеб» художественные и чертежные работы (изготовление семи знамен, роспись выносной часовни, «многие чертежи по присланным в розных годех с Москвы грамотам» Тобольска и уезда, сибирских городов с уездами, «степи земли Казачьи орды»¹³³; 4) кунгурская посылка.

«Тобольской по выбору дворянин», — так подписывает С. У. Ремезов свою челобитную¹³⁴. Основание для увеличения оклада «за службы деда и отца моего Ульяна и мои» он усматривает и в том, что за «вышеписанную сверх своей братьи городовую службу и за письмо рук художества своего в те лета ничем не пожалован» (СГ, л. 39 об.).

4 февраля 1713 г. из тобольских дворян и детей боярских были вызваны 43 человека, в том числе и С. У. Ремезов, в Большую Тобольскую канцелярию, где им было вручено «государева жалованья для посылки в слободы... по рублю»¹³⁵. По объяснению С. У. Ремезова, он был послан «за рекрутами на Тобол в три слободы и до Тюмени тех рекрут отправил и в московскую посылку отдал с рук в целости»¹³⁶. В эти дни в Тобольском уезде набором солдат занимался и Леонтий Ремезов, получивший 17 февраля в счет жалованья 10 рублей «для посылки за рекрутными солдатами к Москве»¹³⁷. Пользуясь случившейся оказией, С. У. Ремезов послал челобитную 2 декабря 1712 г. со своим старшим сыном, который в начале апреля сдал ее в Сибирский приказ. 9 апреля у тобольских «приводцов» Л. Ремезова, В. Кобякова и И. Бобровского в Москве были приняты «высланные из Сибири» 415 рекрут, поставленных на квартиры в Даниловском и Покровском монастырях¹³⁸.

Семен Ремезов-младший, унаследовавший от отца склонность к «художеству», в начале 1713 г. изготовил серебряную печать для Шадринска, а с 8 марта вместе с отцом и двоюродным братом Афанасием Ремезовым занялся «писать картины живописным письмом в губернаторской дом». Руководителю работ старому мастеру С. У. Ремезову сибирский губернатор М. П. Гагарин 12 марта распорядился выдать 20 рублей «на покупку красок на дело в губернаторском доме чертежей»¹³⁹. Из челобитной С. С. Ремезова о невыдаче кормового поденного жалованья видно, что работы продолжались до 13 июня 1713 г., за это время было написано «в готовность» 18 картин. В прилагаемом к челобитной списке работники делятся на три разряда: «живописцы, которые малюют наготово», «которые подмалевывают», «которые краски трут». С. У. Ремезов в этом перечне не значится, а себя Семен-младший относит к 1-му разряду с 46 «работными» днями¹⁴⁰. За последующие годы отметим посылку С. С. Ремезова 16 фев-

раля 1716 г. в Воскресенское село «для правезу с крестьян»¹⁴¹.

Приступая к выполнению очередного поручения, 4 и 5 августа 1713 г. С. У. Ремезов получил 5 рублей 7 алтын 4 деньги для покупки красок, масла и кистей «к пушечным станкам и колесам на письмо». Из других документов этого периода сохранились челобитная Семена Ульяновича, его сына Семена и племянника 14 апреля 1713 г. о невыдаче им жалованья за 1712—1713 гг., справка Тобольской канцелярии о размерах окладов и получении ими за 1712 г. товаров на 8 рублей 22 алтына и 3 деньги, записи расходных книг. Среди последних запись 15 декабря о выплате годового жалованья 18 рублей С. У. Ремезову и сыну Семену и запись 1 декабря о получении Иваном Ремезовым «для свадебного случая» в счет оклада 7 рублей¹⁴².

Во втором десятилетии XVIII в. С. У. Ремезов не оставлял близких его сердцу картографических занятий и, часто пересматривая свои прежние работы, не упускал возможности дополнить их новейшими данными. Так, в «Хорографическую книгу» к чертежу Тобола (л. 11) была вклеена небольшая схема межеванья, составленная им по челобитью татар 18 мая 1711 г., а «Служебная книга» пополнилась чертежом похода И. П. Козыревского на Камчатку, изготовленным после 1713 г.¹⁴³

Год смерти С. У. Ремезова неизвестен, но на основании материалов «Служебной книги» А. И. Андреев заключил, что сибирский ученый — географ и картограф — умер в последние месяцы 1715 г. Это заключение, базирующееся на тонком источниковедческом анализе, прочно укрепились в научной литературе. Но насколько оно ошибочно, показывает найденная недавно запись № 636 тобольской переписной книги 1720 г.

«Во дворе тобольской дворянин Семен Ульянов сын Ремезов сказал себе от роду семидесят осми лет. У него сын Петр двадцати семи лет. У Семена внучата: Алексей пятнатцати, Никифор семи, Яков шести лет. У него на подворье сын боярской Алексей Мокринской пятидесяти пяти лет. А больши у него в доме мужеска полу и подданных людей не сказал. А ежели он, Семен, сказал ложно или кого утаил, и за тое ево ложную скаску и утайку указал бы великий государь учинить ему смертную казнь.

Д[в]орянин Семен Ульянов сын Ремезов сказал и руку приложил»¹⁴⁴.

Вторая запись той же книги 1720 г.:

«Во дворе тобольского дворянина Семена Ремезова, а в нем живет сноха ево, Варвара Васильева, у нея сын Леонтей шестнадцати лет, Федор десяти, Иван четырех лет. А больше у нея мужескаго полу и поданных людей нет»¹⁴⁵.

При сравнении сведений переписных книг 1710 и 1720 гг. о Ремезовых можно отметить некоторые несоответствия в возрастах внуков Семена Ульяновича¹⁴⁶. Но не это главное. Гораздо заметнее и значительнее те разительные перемены, которые произошли за десятилетие в этой большой и дружной семье. В старом доме на нижнем посаде остался глава семьи с младшим сыном Петром, внуком Алексеем (сын Леонтия Семеновича) и двумя сыновьями Семена-младшего; во втором новом дворе — жена Леонтия Семеновича и ее три сына. К сожалению, нельзя пока дать точного ответа на многие вопросы: что произошло с другими членами этой фамилии? Куда забросила их судьба? Имеющиеся у нас последние данные о пребывании в Тобольске С. С. и И. С. Ремезовых относятся к февралю 1716 г., отдельные записи рукой Л. С. Ремезова в «Служебной книге», как полагал А. И. Андреев, сделаны около 30-х годов XVIII в. Обнаружены эпизодические известия и о младшем сыне Петре: о его женитьбе в 1719 г. на Василисе, дочери тобольского дворянина Василия Аврамова; о крепостной П. С. Ремезова, взятой «в приданые з закладною крепостию в пятнатцати рублях», его автограф (10 августа 1734 г.) на заявлении в тобольскую полицмейстерскую контору и «публичный указ» 13 августа 1734 г. «во всенародное известие о сыску сына боярского Петра Ремезова беглой от него крепостной ево девки Парасковьи Мосеевой дочери»¹⁴⁷.

О встрече в 1721 г. в Томске с одним из сыновей С. У. Ремезова, по-видимому, Леонтием или Семеном, рассказывает запись в дневнике путешественника по Сибири немецкого ученого Д. Г. Мессершмидта: «11 мая. Капитан Табберт ходил сегодня с корнетом Иористом к одному художнику по фамилии Ремезов, у которого видел раскрашенную масляными красками карту Томского уезда. Он просмотрел карту, но не нашел ее выполненной правильно. Кроме того, художник владел ценными сведениями о живущих здесь народах, почему капитан Табберт просил его сообщить некоторые из них, на что он согласился»¹⁴⁸.

Пленный швед Филипп Табберт, впоследствии Страленберг, живший в Тобольске, занимаясь географией и картографией Сибири, неоднократно встречался и с С. У. Ремезовым. Кроме копий многих ремезовских чертежей, приобретенных Страленбергом, а через него попавших и к Мессершмидту, имеются прямые свидетельства этого знакомства.

В своей известной историко-географической книге 1730 г. Страленберг, отмечая любознательность многих русских людей, давно стремившихся дать картографическое изображение сибирских земель, вспоминает о С. У. Ремезове. «Я могу свидетельствовать, что нашел в Тобольске старого художника, который изготовил партикулярные карты всех провинций Сибири и пограничных с ними земель; но он был настолько скрытен и недоверчив, что я получил от него разрешение только посмотреть на карты. И этого оказалось мне достаточным убедиться в том, что он не был географом, а только художником; между тем он все же по своему разумению чертил города, земли и реки»¹⁴⁹. Об этой характеристике мы будем говорить при оценке картографического наследства «старого художника», но любопытно иное — эта запись, как и другая, приводимая ниже, не была замечена исследователями ранее¹⁵⁰. Второе сообщение Страленберга передает рассказ «старого художника по фамилии Ремезов, проживавшего в Тобольске». В присутствии Мессершмидта, Страленберга и «многих других» С. У. Ремезов сообщил о находке целого скелета мамонта в 36 локтей, обнаруженного им с 30 товарищами вблизи озера Чапы в Барабинской степи между Тарой и Томском. Мамонт был настолько велик, что Ремезов, «стоя внутри скелета и имея в руках длинную секиру, не смог все же достать верхнюю часть скелета над своею головой»¹⁵¹. Нет сомнения в том, что встреча С. У. Ремезова с Мессершмидтом могла произойти в 1720—1721 гг. во время пребывания последнего в Тобольске (между 24 декабря 1719 г. и 26 июня 1720 г. или между 30 декабря 1720 г. и 1 марта 1721 г.).

Новые документальные материалы со всей очевидностью показывают необходимость внесения существенных поправок в биографию Семена Ульяновича Ремезова.

HABENT SUA FATA LIBELLI *

Национальное достояние русской науки и культуры — творческое наследие С. У. Ремезова — представляет собой уникальный и малоизученный комплекс ценных источников второй половины XVII — первой четверти XVIII в. по истории географических знаний, картографии, этнографии и истории народов Сибири. Примечательны происхождения и судьба его основных картографических и исторических работ: трех чертежных книг (атласов), «Истории Сибирской», «Описания о сибирских народах и граней их земель» и хронографа.

«Хорографическая чертежная книга» 1697—1711 гг.

Еще до Великой Отечественной войны советским историком А. И. Андреевым на основании найденного в «портфелях Миллера» оглавления неизвестного географического сочинения было высказано предположение о существовании рукописного описания Сибири XVII в.¹ Длительное время рукопись считалась утерянной, хотя с 1914 по 1955 г. были опубликованы некоторые чертежи, входящие (судя по оглавлению) в состав «пропавшего» описания. Среди них: копия «годуновского» чертежа 1667 г. (ХК, л. 4)², карта Амура А. Бейтона (ХК, л. 147)³, карта Сибири 1687 г. (ХК, л. 162 об.)⁴, план Кучумова городища⁵, «Чертеж Ленскаго севернаго угла непроходимых мест с усть Лены до усть Амура» (ХК, л. 152)⁶. Лишь в 1952 г. историк русской картографии эмигрант Л. С. Багров сообщил о хранящемся у него труде С. У. Ремезова «Описание Сибири, начатое им в сен-

* Книги имеют свою судьбу (лат.)

тыбре 1696 г.», который в 1954 г. тот же Багров именуется уже как «Хорографическую чертежную книгу» Сибири и вслед затем предпринял ее фототипическое издание⁷. В крупнейшие библиотеки СССР эта публикация поступила лишь к концу 1959 г., и по этой причине о ней не упоминают исследователи истории русской картографии А. И. Андреев и С. Е. Фель в работах, вышедших в 1960 г. Позднее только небольшие журнальные сообщения отметили факт опубликования нового источника⁸. Между тем можно с уверенностью сказать, что отечественное сибиреведение и историческая география давно не получали столь ценных материалов, какими являются чертежи и описания первого атласа Сибири.

При изучении этой рукописи С. У. Ремезова, ныне хранящейся в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского колледжа (США), мы пользовались микрофильмом, любезно предоставленным нам историком М. И. Казаниным⁹. Фотокопия точнее и полнее, чем текст голландского факсимильного издания 1958 г. Следует также отметить существенные недостатки публикации: отсутствие научно-справочного аппарата, в том числе транскрибированного текста и указателей. В вводной статье Л. С. Багров, оторванный от источниковедческой базы русских архивов и исследований советских историков, не сумел дать объективного анализа этого исторического источника, ограничившись лишь формальной характеристикой отдельных чертежей.

Представляется, что сначала «Хорографическая книга» хранилась в семье Ремезовых в Тобольске. И как видно из текста ее «Начала настоящей в виде хорографической мудрости нам похвальной отдревле и донныне и впредь идущие веки», книга предназначалась для подношения Петру I. В посвящении, написанном самим С. У. Ремезовым, приведена краткая характеристика «снискательной хорографической чертежной книги». Названия первого русского географического атласа Сибири, предложенные А. И. Андреевым, — «Описание Сибири» и Л. С. Багровым — «The Atlas of Siberia...», следует признать неточными, необходимо восстановить авторское заглавие ремезовского произведения — «Хорографическая чертежная книга»¹⁰. Еще Птолемей и римляне термином «хорография» (в противоположность термину «география», т. е. мировая карта) обозначали карты и описания отдельных стран и районов, этим

же термином неоднократно правильно пользовался и С. У. Ремезов¹¹. Посвящение книги датировано 1 сентября 1696 г. (7205 г.) и, по-видимому, ошибочно. С. У. Ремезов вернулся из похода «к вершине Миясу» в конце сентября 1696 г., приступив к сбору материалов в Тобольском уезде с 28 октября того же года. Поэтому можно согласиться с Л. С. Багровым, когда он считает, правда, без доказательств, что С. У. Ремезов просто ошибся, забыв исправить дату «7205» на «7206» г.¹² Во время посещения Москвы С. У. Ремезов не решился поднести царю свой труд: знакомство с картографическим фондом Сибирского приказа наглядно показало, насколько его атлас был основан на устаревшем материале. О том, что книга не была поднесена, говорят и позднейшие ремезовские чертежи-вклейки, относящиеся к 1703—1711 гг. и свидетельствующие о том, что Ремезов продолжал заниматься картированием Сибири и после составления своей «Чертежной книги» 1701 г.

«Хорографическая книга» имеет «Оглавление: количество статей и рукодельство знай и в дело приводить и от разума не зазор службы», копия которого была снята для Г. Ф. Миллера во время его путешествия по Сибири. Таким образом, Г. Ф. Миллеру была известна первая сводная работа С. У. Ремезова, но местонахождение самого атласа в то время остается для нас загадкой. Позднее он был обнаружен в коллекции Воронцовых, с которыми Г. Ф. Миллер был хорошо знаком. На обороте последнего листа «Хорографической книги» стоит овальный штамп «Главной конторы по имениям графини Е. А. Воронцовой-Дашковой». Пометы на некоторых листах книги свидетельствуют о том, что она побывала до Л. С. Багрова у нескольких владельцев, один из которых оставил восторженную надпись: «Конец сия древняя история, честь и похвала тому за трудолюбие, в потомство незабвенности вечность». К чертежу Иртыша (л. 82), на котором крестом отмечено «кладбище Ермаково», подклеен лист с текстом о месте погребения Ермака, судя по почерку, конца XVIII в. Над штампом Воронцовой-Дашковой помещена архивная заверительная надпись уже XX в.: «18 стран. предисловия. 162 карты, незаполнен. 10 стр. Ю. Линдем. 10 апреля 1912 г.» До 1914 г. атлас находился в Археографической комиссии, откуда был взят Переселенческим управлением при подготовке к изданию «Атласа Азиат-

ской России». Автором предисловия к атласу был Л. С. Багров. Вместе с последним книга попала в Германию, затем в Швецию, наконец, перекочевала в США. Оставляя в стороне рассмотрение политического лица Л. С. Багрова, в 1918 г. бежавшего из России, а в 1945 г. из Берлина в Швецию, хочу обратить внимание на этическую сторону незаконного присвоения частным лицом уникального памятника русской науки и культуры XVII в., по праву принадлежащего советскому народу.

Уже с 1926—1927 гг. Археографическая комиссия АН СССР и ее ученый секретарь А. И. Андреев вели усиленные поиски «пропавшего» атласа¹³, находившегося, как стало теперь известно, в руках Л. С. Багрова около 40 лет. Для оправдания Л. С. Багрова друзья последнего после его смерти выдвинули версию о покупке «Хорографической книги» у московского букиниста в 1923 г. по просьбе Л. С. Багрова на средства миллионера Гуго Стиннеса¹⁴.

«Хорографическая книга» открывается «памятью послушной» и описаниями «доездов по грамотам великаго государя», где излагаются задания С. У. Ремезову (17 апреля и 28 октября 1696 г. и др.) и результаты их исполнения (л. 1, 1 об., 3, 6 об.). Тексты об изготовлении «наличного чертежа» 3 марта 1697 г. и «хорографического чертежа» 1 сентября 1697 г. позднее с незначительными изменениями станут чертежными описаниями карт «всей безводной и малопроездной каменной степи» и «земель» Тобольска. На отдельном листе изображены два полушария или «круги вселенныя в познании хорографии» и «Надписание», наполненное характерными для стиля С. У. Ремезова риторическими оборотами и прославляющее знания (л. 2—2 об.). На оборотной стороне л. 3 книги имеется карандашная помета: «Вслед за этим листом шел вклеен[ный] лист — копия рукопис[ной] к[арты] Годунова. Мною удален, т. к. портится в сложенном виде. Находится в отд[ельной] папке. Л[ев] Б[агров]. 8.VII 1927 г.» И действительно, в публикации л. 4 занимает известная по многочисленным воспроизведениям копия «годуновского» чертежа Сибири 1667 г. За рамками (37,5 × 30,5 см) карты находится текст, написанный С. У. Ремезовым.

В предисловии, которое С. У. Ремезов считал обязательным для своего атласа, «понеже никакая вещь не начинается без некоего орудия, сиче ни единая книга без

предисловия своего еще и начнена» (л. 5), рассматриваются принципы и приемы составления книги. Особое внимание уделено вопросу географического описания речных систем, приведена примерная схема такого описания. Рядом с орнаментированной рамкой текста посвящения помещен также в орнаменте рисунок гербов («гербуцы») России и Сибири, окруженных аллегорическими фигурами Правды, Веры, Надеи, Любви, Огня, Воздуха, Земли, Моря. Далее следует небольшой план-рисунок, который называется в авторском оглавлении «Богоспасаемый град Тоболеск», и статьи, свидетельствующие об уровне картографических знаний в конце XVII в.: «Матка путевая» (в авторском оглавлении «Матка по знакам ветров») — компасные направления; «О розмере» («Мильлиарии розмер») — сведения о масштабе; «Каталог» («Знаки урочищам») — перечень условных обозначений (л. 8 об.— 9).

В оглавлении книги указано 175 листов, сгруппированных в 92 главы и разделенных на две части. После 61 главы (л. 1—158) помечено: «Конец оглавлению рек». Второй раздел составляют копии чертежей (л. 159—175), исполненных по царским грамотам в разные годы. 26 чертежей названы в оглавлении, но в книге отсутствуют¹⁵. Фактически в первой половине атласа 150 чертежей речной сети Сибири с вклейками (21 чертеж и 3,5 страницы текста) к ним; во второй части 16 чертежей. Текстовая часть книги занимает 24 страницы. Таким образом, все документальные материалы атласа можно подразделить на: 1) текстовые материалы, 2) чертежи рек, 3) обзорные «карты»-чертежи и городские планы.

Чертежам рек предшествует текстовой материал: «Описание Сибири», «Богоспасаемый славный... град Тоболеск», «Дорога Московская чрез Тюмень в слободы и в степь» (л. 9 об.— 10). Затем следуют чертежи, оборотная сторона которых предназначалась для сопроводительного текста, но она везде оставалась свободной от текста, за исключением нескольких начальных листов (л. 10 об.— 14 об.): «Описание херографии от града Тобольска, Тобол-река с облежащим течением с устия и до вершины, речки и озера, и источины, и с селидьбами слободы, лесы, луги и дубровы налично размером и в листу длиннику и поперешнику по 50 верст». Следовательно, почертежное описание выполнено С. У. Ремезовым по намеченной им схеме только для первых пяти чертежей Тобола. Многие

чертежи состоят из нескольких листов. Каждый лист размером около 23×17 см (размер книги $30 \times 19,5$ см). Масштабы чертежей различны, известные реки (ближе к Тобольску) вычерчены в более крупном масштабе, например, Иртыш (4451 км) занимает 33 листа, Обь (4249 км) — 14 листов, Лена (4270 км) — 5 листов и Амур (4367 км) — 3 листа. В книге помещены чертежи: «Река Тобол описана с устья от Тобольска до вершины и с малыми речки и озера и с селидбы» (12 листов), р. Миасс (4 листа), р. Синара (1 лист), р. Ница (2 листа), р. Исеть (8 листов), р. Пышма (9 листов), р. Тура (8 листов), р. Тавда (8 листов), р. Кюнда (4 листа), р. Иртыш (33 листа), «Стень Калмытская с урочищи и с жильями калмытскими» (1 лист), р. Вагай (6 листов), р. Ишим (5 листов), «Вершина Ишиму... стень написана с урочищи» (1 лист), «Стень. Казачья орда, Бухарея» (1 лист), р. Яик (1 лист), «Море Мангазейское с урочищи самоедских жилья» (1 лист), р. Обь (14 листов), р. Томь (2 листа), «Поморие Туруханское» (1 лист), р. Енисей (8 листов), р. Ангара (1 лист), р. Н. Тунгуска (1 лист), р. Илим (1 лист), «Море Байкал с урочищи» (1 лист), р. Селенга (1 лист), «Свидетельство даурскаго полковника Афонасья Иванова сына Байдона» (1 лист), р. Амур (3 листа), «Китайское царство с грады и с урочищи...» (двойной лист), «Чертеж Ленскаго севернаго угла» (1 лист), р. Лена (5 листов), р. Алдан (1 лист), р. Олекма (1 лист), р. Колыма (1 лист)¹⁶.

«Карты»-чертежи густой речной сети явились прочной основой для составления тех замечательных обзорных карт Сибири и ее частей, которые позднее были включены С. У. Ремезовым в «Чертежную» и «Служебную» книги. Изображения рек и других топографических данных, выполненные с различной степенью подробности и достоверности и охватывающие огромную территорию, отвечали определенному уровню географических представлений русских людей о Сибири в конце XVII в.

Во втором разделе атласа за 150 чертежами рек следуют копии обзорных карт Сибири, чертежи, относящиеся к работам по строительству Тобольска в 1684—1689 гг., и копии карт городов с уездами. Среди них: мелкомасштабная карта Сибири 1687 г. (л. 162 об.), чертежи Казачьей орды 1697 г., Исецких слобод 7203 г., Тобольского и Верхотурского уездов 1697 г. Автором последнего чертежа, как установлено, был тюменский иконник Максим Стрекалов-

ский. В книгу включены из 18 намеченных копии только 6 «городовых» чертежей (Тюмень, Тара, Березов, Томск, Кузнецк, Магазея — л. 166—169), поступивших в Тобольск до 1698 г.

О позднейших дополнениях новыми данными свидетельствуют многочисленные текстовые и графические вклейки. Многие из них в отличие от чертежей рек датированы: доезд Б. Струнина 7203 г. (л. 18), чертежи 11 августа 1703 г., 18 мая 1711 г. Среди вклеек к чертежам рек Иртыша, Оби, Томи, Енисея, Лены: «Река Демьян с урочищи», реки Таз, Сосьва, Вах, Васюган, Кеть, Чулым, Вилюй, рисунок острожка, план волока от Кети до Енисея 7201 г.¹⁷ В печатном издании книги не воспроизведена оборотная сторона вклейки (к л. 130), на которой находится заметка о классификации сибирских народов, написанная обычной скорописью С. У. Ремезова, почерк которого давно хорошо известен. Этот же почерк встречается почти на всех вклейках атласа (например, л. 137). Рукопись «Хорографической книги» позволяет установить основные разновидности ремезовского почерка, графика которого менялась в зависимости от назначения того или иного текста. Географические наименования и пояснительные надписи многих чертежей, названия и разделы описательных статей, зарамочные заголовки чертежей выполнены печатными буквами, напоминающими полууставное письмо (л. 67, 79, 153, 156—160 и др.), либо каллиграфической скорописью (предисловие, посвящение, часть оглавления, л. 8 об., 9, 101, 108, 113, 114, 133, 142, 148, 149 и др.), либо в их сочетании (л. 47). Несомненно, что вся рукопись, за малым исключением, написана самим С. У. Ремезовым. Другим, отличным от первого, почерком выполнено незначительное число графических и текстовых материалов, например, часть оглавления, чертеж А. Бейтона, копии карт во втором разделе книги (л. 160 об. и др.), описания (народов в бассейне Амура — л. 147 об.). Второй почерк также хорошо известен и, безусловно, принадлежит Леонтию Ремезову.

Указанные различные сочетания обычной и каллиграфической скорописей, печатных букв, написанных одним и тем же автором — С. У. Ремезовым, имеют большое значение для последующих палеографических сопоставлений, особенно нужных там, где, во-первых, каждая из разновидностей не проявляется столь ярко («История Сибир-

ская») и, во-вторых, имеются близкие по графике начертания (печатные буквы сыповей Ремезова в «Служебной книге»).

Введение в научный оборот первого русского атласа Сибири явилось крупным событием в истории русской науки, получившей новый источник по исторической географии, истории картографии и этнографии XVII в. Новые документы существенно расширили круг источников о сибирском «снискателе». С появлением «Хорографической книги» восстановлено, наконец, недостающее звено, необходимое для изучения эволюции творчества С. У. Ремезова.

«Чертежная книга» Сибири 1699—1701 гг.

Если первый атлас С. У. Ремезова стал доступен для изучения лишь недавно, то «Чертежная книга» Сибири, изданная в размер подлинника фотолитографически в 1882 г., давно приобрела всемирную известность как драгоценный историко-географический памятник¹⁸. Составленная, как известно из биографии, С. У. Ремезовым с сыповьями между 30 января 1699 г. и 10 ноября 1701 г. «Чертежная книга» в первой половине XIX в. была приобретена Н. П. Румянцевым и впервые в 1842 г. описана А. Х. Востоковым¹⁹. Сводка основной немногочисленной литературы об атласе приведена А. И. Андреевым, к ней можно добавить небольшое ценное исследование М. И. Казанина и последнее по времени описание «Чертежной книги» в работе С. Е. Феля по истории русской картографии XVIII в.²⁰

Рукописный атлас (с раскраской) размером 38,5 × 53 см (по обложке) имеет орнаментированный заглавный лист²¹, на оборотной стороне которого также в орнаменте помещены «Надписание чертежей», «Оглавление книги сея» и «Каталог». Следующий лист занимает «Писание до ласковаго читателя» — своего рода историческая справка о создании атласа и использованных источниках. Составитель особо подчеркивает, что работа проходила при содействии и поддержке А. А. Виниуса, его «снисканием и трудолюбным прилежанием», а сама «сия чертежная книга совершился, яко зеркало зрящим показующе удивление вещей, тако и сибиряном великое разумение — повсюду мера...» Полюбившимся сравнением С. У. Ремезов

Предисловие к «Чертежной книге» Сибири
ГБЛ, ф. 256, № 346, л. 2

оканчивает и общую характеристику ее в «Надписании»: «Снискательное изображение наличие всей Сибирской стране 23-х чертежей градов и сел русских и волостей ясашных тоземец, всяких урочищ, рек, и озер, и лесов, и степи калмыков, и немирных родов кочевых орд, с прилежащими землями соседских жилищ и городов внутренней Сибири и украин, яко в зеркале в книге сей ясно видим и пространно чтем, о них же zde писание належит». Затем следует план «Чертеж града Тоболска и посадов нагорья и подгорья с улицами» 1 января 1701 г. (л. 1), «городовые» чертежи: земель Тобольска или «Часть Сибири» (л. 2), Тары, Тюмени, Туринска, Верхотурья, Пелы-

ми, Березова, Сургута, Нарыма, Томска, Кузнецка, Туруханска, Енисейска, Красноярска, Илимска, Якутска, Иркутска, Нерчинска (л. 3—19). Кроме первых двух чертежей, в атлас помещены еще четыре карты, автором которых, как достоверно известно, был С. У. Ремезов. Это: «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (л. 20), «Чертеж всех сибирских градов и земель» (л. 21), составленный в 1699—1700 г., «Чертеж вновь Великопермские и Поморие Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со окрестными жилищи» (л. 22) и этнографическая карта «Чертеж и сходство паличие земель всей Сибири, Тоболскаго города и всех розных градов и жилищ и стони» (л. 23). Следует отметить одну особенность: чертежные описания включены в атлас только для оригинальных ремезовских карт (к л. 1, 2, 20, 21, 23), за исключением карты северной части России. Таким образом, в соответствии с оглавлением и «Надписанием» атлас содержит 23 чертежа, вычерченных на развернутых листах формата 73 × 52 см; из них 17— уменьшенные московские копии. В автобиографических заметках также отмечается посылка в Москву книги на александрийской бумаге из 23 листов (СК, л. 38). Но это число не отвечает ни предписанию указа 18 ноября 1698 г., ни другому сообщению самого автора, который начал работу в Тобольске «со всяким прилежанием с детьми, и по допросам написал вновь 7 листов, да с прежних образцов городовых сибирских низовых чертежей с привозных и снятых на Москве 17 листов» (ЧК, стр. 3; СК, л. 115—115 об.). Заметим здесь же, что в 1698 г. при составлении в Сибирском приказе общего чертежа Сибири С. У. Ремезов с Семеном-младшим сняли копии «со всех городовых чертежей 18, привезенных к Москве»²². Противоречивые данные о числе карт в книге (23 или 24) и «городовых» чертежей (17 или 18) давно требовали объяснений. Исходя из своей общей концепции — о копияности «Чертежной книги», о которой будет сказано далее, А. И. Андреев называет 24-м чертежом атласа карту Кунгурского уезда 1703 г., считая ее же 7-м чертежом, принадлежавшим С. У. Ремезову²³. О том, что Кунгурский чертеж был послан в дополнение к атласу, рассказывает чертежное описание. В нем С. У. Ремезов объясняет, что «написан вновь сей лист в Чертежную книгу к прочим дватцети трем чертежам, которая книга сделана к Москве по указу великого государя 1701-го году

генваря в 1 день на александрийской бумаге» (СК, л. 67). По мнению А. И. Андросова, после 1703 г. к подлинной «Чертежной книге» были присоединены Кунгурский чертеж и предисловие к книге (лишь в нем говорится о 24 чертежах). Но, как известно, Кунгурского чертежа в атласе нет, он был, вероятно, присоединен к неотысканному пока в Сибирском приказе «Делу Кунгурскому городу и уезду чертежа». Естественно, что атлас, полученный в Москве к концу 1701— началу 1702 г., не мог содержать более поздних известий о карте 1703 г. Из приведенного объяснения также неясно, для какой цели предисловие — «Писание до ласковаго читателя», составленное вместе с атласом к 1701 г., было включено в книгу якобы дополнительно только после 1703 г.

Есть иное решение вопроса о 24-й карте. Ею, по-видимому, была первоначально карта Кетского уезда. Обратившись к оглавлению «Хорографической книги», мы увидим там среди 18 «городовых» чертежей (кроме Тобольского уезда) в главе 85 «Чертеж грани Нарымскаго города с уездами», а в главе 86— Кетского. Эти чертежи в копиях Ремезовы привезли из Москвы для последующей переделки в размер александрийского листа «Чертежной книги». Примерно в те же годы произошло присоединение Кетска с уездом к Нарымскому уезду, и, по мысли Л. С. Багрова, С. У. Ремезов, говоря о числе сделанных чертежей, просто забыл внести соответствующие исправления в предисловие к атласу²⁴. К удачному предположению, почему-то обойденному исследователями, нужно добавить еще один аргумент. В оглавлении «Служебной книги» значится «Чертеж земли Нарымскаго и Кецакаго города», а сам чертеж (л. 77 об.—78) идентичен «Чертежу земли Нарымскаго города» из «Чертежной книги» (л. 10). Найденное объяснение о 17 (из 18) «городовых» чертежах нельзя приложить к решению вопроса о седьмой оригинальной ремезовской карте, поскольку протооригиналы «городовых» чертежей неизвестны. Можно только предположить на основании приведенных сведений, что для «Чертежной книги» С. У. Ремезов составил из двух карт (Нарым и Кетск) один общий чертеж, которого в 1698 г. еще не было в Сибирском приказе.

Атласу, русскому по своему происхождению, необычный вид придают голландские надписи, сделанные почти на всех чертежах параллельно с русскими географически-

ми названиями. Но транскрибирование надписей и перевод пояснительных текстов не были доведены до конца. Крупнейший исследователь сибирского источниковедения и знаток ремезовских материалов А. И. Андреев тщательно изучил происхождение «Чертежной книги». С его основными выводами согласились все советские историки географических знаний. Особенно убедительно, несмотря на отсутствие прямых свидетельств источников, было показано назначение «Чертежной книги» на русском и голландском языках с частично подготовленным описанием атласа (нумерация рек, притоков, населенных пунктов на некоторых чертежах). Косвенные данные дали основание считать, что рукопись «Чертежной книги» по инициативе А. А. Виниуса готовилась на русском и голландском языках для печатного издания в амстердамской типографии И. А. Тессинга. До сих пор нельзя дать удовлетворительного ответа на вопрос об авторе голландских надписей и переводов. А. И. Андреев приводит мнения Л. Н. Майкова и Г. Каана, указавших на Н. Витсена, или И. Идеса, или А. А. Виниуса как возможных авторов надписей, но сам осторожно замечает, что «их сделал кто-то, знавший голландский язык, может быть, знавший его недостаточно...»²⁵ Различны суждения по поводу предполагаемого издания и участия в нем А. А. Виниуса. С. Е. Фель усматривает здесь «какие-то скрытые цели» корыстного характера. Л. С. Багров полагает, что А. А. Виниус и С. У. Ремезов были в сговоре, и «Чертежная книга», якобы увезенная за границу, никогда не поступала в Москву²⁶. Что касается последнего утверждения, то его легко опровергнуть. В середине 1702 г. в Сибирском приказе была начата подготовка к копированию нескольких чертежей, после чего атлас был переплетен. «Мая в розных числах по указу великого государя за пометою дьяка Афонася Гарасимова куплено в Сибирской приказ для письма Поморского, Верхотурского, Тобольского чертежей бумаги три листа александрийской десть тонинькой на снимку тех чертежей, да масла орехового на масление тое бумаги». 1 июля 1702 г. подьячий Иван Петелин принял атлас у переплетчика Власа Ерофеева и выдал ему полтину «за переплет русских и сибирских всех городов Чертежной книги по договору от дела и за товар». 26 июня 1703 г. чертежник Артиллерийского приказа Иван Матвеев, копиравший карты в Сибирском приказе, обратился с чело-

бительем о выдаче жалованья. Из показаний челобитчика и по приказной справке устанавливается, что он «с прежних сибирских чертежей холстинных переводил на бумагу Верхотурской городу и уезду большой чертеж, да с того чертежа делал два малых чертежей на бумаге... сверх-де того делал он с Тобольского большого холстинного чертежа чертеж на бумаге, да с Книги чертежей, что делал Семён Ремезов, списывал 4 чертежа — Верхотурской, Тобольской, Красноярской, да Поморским городам, да пушечных 10 чертежей»²⁷. Но так или иначе, остается сожалеть, что «Чертежная книга» не увидела свет в начале XVIII в.: со смертью И. А. Тессинга в 1701 г. и уходом из Сибирского приказа в середине 1703 г. А. А. Виниуса работа по подготовке атласа Сибири к изданию прекратилась. О последующей судьбе рукописи вплоть до ее появления в Румянцевском музее ничего не известно.

Решение вопроса о голландских надписях в «Чертежной книге» привело А. И. Андреева к удивительному открытию: эта рукопись из Румянцевского собрания является лишь копией XVIII в. той неизвестной доньне «Чертежной книги Сибири», которая была составлена С. У. Ремезовым с сыновьями в 1699—1700 гг. на 23 листах; к последним в 1703 г. был добавлен 24-й лист (Кунгурский чертеж). Доказательства и выводы в пользу такого происхождения «Чертежной книги» были безоговорочно приняты всеми последующими исследователями и прочно утвердились в советской историографии. Выступая против возражений Л. С. Багрова по этому вопросу, я первоначально не усомнился в совершенстве стройной цепи логичных выводов моего учителя А. И. Андреева²⁸. Но последующие занятия по сопоставлению текстов и почерков трех чертежных книг и других автографов С. У. Ремезова и его сыновей поколебали прежнюю уверенность.

Рассмотрим утвердившиеся в литературе выводы.

1. Существующий экземпляр «Чертежной книги» является не подлинником (оригиналом), а представляет собой копии чертежей, сделанных по распоряжению А. А. Виниуса в Москве для подготовки к изданию.

2. «Работа по снятию копий с чертежей, вошедших в „Чертежную книгу“, была начата еще до получения в начале 1701 г. от Ремезова „Чертежной книги“»²⁹, — имеется в виду, что в Москве с 1698 г. были изготовлены копии с поступивших чертежей сибирских городов. Копирование

для атласа было закончено в 1703 г. после получения от С. У. Ремезова книги с чертежами, сделанными им дополнительно к полученным в 1698 г. в Сибирском приказе.

Более решительные выводы из доводов А. И. Андреева, которые будут рассмотрены ниже, делает С. Е. Фель, без оговорок считавший, что весь «румянцевский атлас представляет свод копий, сделанных в Москве неизвестным автором до присылки С. Ремезовым в Москву своего Атласа 1701 г. ...Румянцевский атлас создавался в Москве параллельно с атласом, над которым работал Ремезов в Тобольске. После 1703 г. неизвестный автор Румянцевского атласа к картам присовокупил всю ценную текстовую часть, исправленную Ремезовым после добавления в свой атлас карты № 24 (Кунгура и его уезда...)»³⁰. Удивительно в этом суждении одно, как сумел «неизвестный» московский автор включить в свой атлас некоторые чертежи, которые «параллельно» составлялись в Тобольске (например, план города, карта северной части России), и почему в «свод копий» составитель «присовокупил» только текстовую часть, а Кунгурский чертеж исключил?

Для большей убедительности А. И. Андреев привлекает для сопоставлений им же впервые описанную «Служебную чертежную книгу». Он объясняет отличия одноименных карт «Чертежной» и «Служебной» книг тем, что в первой из них помещены копии «тех чертежей, которые имелись в архиве Сибирского приказа уже к приезду Ремезова в Москву в августе 1698 г., а им впоследствии были включены в „Чертежную книгу“ в несколько измененном виде». Копии «измененных» чертежей остались в «Служебной чертежной книге», а в румянцевском экземпляре — копии с неисправленных чертежей. В качестве примеров таких отличий указаны чертежи земель Енисейска, Тюмени, Нерчинска и Якутска. Сличение этих чертежей приводит нас к иным выводам. Конечно, более тщательная техническая отделка и мелкий масштаб карт «Служебной книги» отличают ее от «Чертежной книги». Но по содержанию, например, Енисейский чертеж «Служебной» (л. 85 об.—86) и «Чертежной» (л. 14) книг показывает полное совпадение географических и картографических данных. Такое же совпадение, за исключением ориентирования, можно отметить и для «Чертежа земли Тюменского города» (соответственно л. 59 об.—60 и л. 4). Некоторые отличия по содержанию можно обнаружить

лишь для чертежей Нерчинска и Якутска. Но и они не могут служить вескими аргументами для обоснования выводов А. И. Андреева. Дело не в том, что в «Служебной книге» имеются некоторые авторские копии «исправленных» карт. Во-первых, материалы «Служебной книги» свидетельствуют о многолетней работе С. У. Ремезова по уточнению, в ряде случаев по коренной переделке чертежей на основе новых данных. Этим, например, можно объяснить, что в «Служебной книге» находятся две карты Якутского уезда (л. 95 об.—96, 97 об.—98), из которых одна совершенно не соответствует одноименной карте из «Чертежной книги». Если же следовать выводам А. И. Андреева, то в «подлинной» «Чертежной книге» должны были быть две карты Якутского уезда. Также очевидно, что во многих случаях отличия вызывались только техническими затруднениями. В силу законов картосоставления более мелкий масштаб чертежей «Служебной книги» требовал, применяя современную терминологию, генерализации некоторых данных. В первую очередь работа коснулась пояснительных текстов на чертежах. Эти, порою довольно обширные, пояснения в «Чертежной книге», размещенные на картах в местах, свободных от каких-либо других показателей, при уменьшении выносились С. У. Ремезовым за рамки чертежей, составляя в «Служебной книге» отдельные текстовые приложения (см. для сравнения чертежи Тары, Нарыма, Енисейска, Красноярска, Илимска). Попутно отметим, что в этом, вероятно, кроется одна из причин создания распространенных в XVII в. так называемых чертежных описаний. Так же, видимо, поступили в Тобольске еще в 1667 г. при уменьшении «годуновского» чертежа и, посылая в Москву мелкомасштабную копию, приложили к ней чертежное описание («роспись против чертежу»), т. е. пояснительный текст, не уместившийся при уменьшении на чертеже. Во-вторых, копии «городовых» и ряда других чертежей «Служебной чертежной книги», как показано далее, изготовлялись не ранее 1702 г. и, естественно, не могли быть оригиналами чертежей, выполненными в 1701 г.

Рассматривая мнение А. Ф. Миддендорфа о составлении сохранившейся «Чертежной книги» самим С. У. Ремезовым при содействии сыновей, А. И. Андреев опровергает его следующими соображениями: 1) первоначальная «Чертежная книга» была иного размера; 2) на ней не было

голландских надписей; 3) и, главное, «надо еще доказать, принадлежат ли Ремезову или кому-либо из его сыновей те русские надписи, которые имеются в „Чертежной книге Сибири“ в собрании Н. П. Румянцева».

Первые два тезиса не убедительны ввиду того, что, во-первых, ни один из известных источников не говорит о размерах чертежей книги, кроме упоминаний об «александрийском листе», не имевшем, кстати, в конце XVII — начале XVIII в. определенного (стандартного) формата. Во-вторых, сам А. И. Андреев нигде в своей работе не приводит размеров этих карт, почему его высказывание «об ином размере» несколько неожиданно. Совершенно естественно также, что на картах не было вначале голландских надписей, так как они появились только после поступления «Чертежной книги» из Тобольска в Сибирский приказ в конце 1701 — начале 1702 г. Если большая часть атласа могла составляться в Москве до получения «Чертежной книги» от С. У. Ремезова, то вообще непонятно, для каких целей тобольский картограф должен был составлять свой атлас, а Сибирский приказ — неоднократно требовать точного выполнения указа. И почему тогда задание не было ограничено составлением только новых оригинальных чертежей, не имевшихся в Москве. Ответы на эти вопросы, вероятно, могли бы дать ненайденные пока письма А. А. Виниуса осенью 1699 г. в Тобольск «к воеводе и к архиерею о Ремезовых чертежах»³¹.

А. И. Андреев много внимания уделил палеографическому исследованию оригиналов Ремезовых, и упреки М. С. Багрова о недостаточном изучении почерка, конечно, беспочвенны³². Другое дело, что этот анализ основан прежде всего на интуиции, огромном опыте и знаниях, но не на объективных критериях сравнительного метода научной графологической экспертизы. Доказывая, например, в одном месте своей книги, что надписи (печатными буквами) воеводского древа не принадлежат С. У. Ремезову, двумя страницами ранее А. И. Андреев пишет об обратном: «Имена и фамилии воевод и губернаторов писаны до 52-го включительно самим Семеном Ремезовым»³³. Огромная сложность установления тождественности печатных букв разных текстов. Но, к сожалению, до сих пор теорией и практикой палеографии и источниковедения не разработаны научные основы идентификации графики обычной скорописи и печатных букв, обычной и каллиграфической

скорописей и т. п. Особые трудности возникают именно тогда, когда необходимо, например, установить принадлежность одному и тому же лицу текстов, написанных различными способами. Сказанное во многом объясняет противоположность результатов палеографического анализа одного и того же текста разными исследователями. Предположение С. В. Бахрушина о С. У. Ремезове или его сыновьях как авторах вставок в основной текст «Истории Сибирской» А. И. Андреев отвергает и считает, что «кем сделаны эти вставки, неизвестно», оставляя вопрос «пока открытым». Подчеркивая, что почерк надписей в «Чертежной книге» принадлежит одному лицу, но не С. У. Ремезову, А. И. Андреев все же отмечает, во-первых, удивительное сходство почерка книги и текста вставных листов Ремезовской летописи, вставок, нумерации и колонтитулов других листов той же летописи и, во-вторых, что почерки «Чертежной книги» и вставных листов летописи не встречаются в «Служебной книге», где имеется несколько почерков, принадлежащих Ремезову и его сыновьям³⁴. Колебания А. И. Андреева понятны: только теперь, с опубликованием неизвестного ему первого атласа, стало очевидно, что вставные листы, нумерация, колонтитулы Ремезовской летописи выполнены С. У. Ремезовым точно так же, как большая часть надписей «Хорографической книги», нумерация и многие тексты «Служебной книги».

Издание первого атласа С. У. Ремезова принесло доказательства подлинности его «Чертежной книги». Сличение текстов «Надписания чертежей», «Оглавления», «Каталога», «Писания до ласковаго читателя» и чертежных описаний «Чертежной книги» с многими текстами «Хорографической книги» показало идентичность графики каллиграфической скорописи Ремезовых. Сходство в начертаниях букв надписей географических названий на картах обеих книг, буквальное совпадение в выполнении многих условных знаков (особенно характерно изображение леса) и сокращений позволяют предположить, что в том и другом случае авторами были одни и те же лица — Семен Ульянович и Леонтий Семенович Ремезовы. Вместе с тем нельзя сказать, что почерк надписей в «Чертежной книге» всюду однороден. Надписи чертежей, например, Нерчинска и Илимска отличаются по графике от других карт; печатные буквы первого близки к почерку Семена-млад-

шего, второго — Ивана Ремезова. Последнему к 1699 г. исполнилось 17—18 лет, т. е. примерно столько же, сколько его брату Семену, когда тот помогал отцу в картографических работах в Москве. Вполне возможно, что по семейной традиции Ивану Ремезову, в то время еще неверстанному сыну боярскому, было поручено копирование оригиналов, составленных отцом и старшими братьями. И на самом деле обстоятельства, которые сложились в семье Ремезовых в 1699—1701 гг., мало благоприятствовали систематической работе над «Чертежной книгой». Старшие сыновья были в частных «посылках», например, Леонтий в 1700 г. на «береговой» службе с Д. Я. Меином, а С. У. Ремезов, находясь на службе у «каменного городского строения», не мог уделять много времени картосоставлению.

Но общая компоновка атласа, изготовление шести новых оригиналов, составление текста предисловия и некоторых чертежных описаний, корректирование «городовых» чертежей принадлежат С. У. Ремезову. Занятые на «государевой» службе Ремезовы сумели изготовить атлас только более чем за 2,5 года³⁵. Видимо, в условиях постоянной спешки были допущены ошибки и неточности, а карты оказались не всегда выверенными.

Поступивший из Тобольска атлас в течение 1,5 лет находился в Сибирском приказе. За это время была проведена подготовка к голландскому изданию, а чертежник И. Матвеев снял для Сибирского приказа копии четырех карт, в том числе нового чертежа «Поморским городам». Исчезновение атласа в 1703 г. обычно связывают с увольнением А. А. Виниуса, но прямых свидетельств источников об этом не найдено.

Вместе с установлением тобольского, а не московского происхождения «Чертежной книги» и ее подлинности появилась настоятельная необходимость проведения комплексных палеографических исследований всех ремезовских произведений историками-палеографами совместно со специалистами графологической экспертизы, используя для этого успешно применяемый в криминалистике единственно научный метод — учение И. П. Павлова об условных рефлексах и понятие о динамическом стереотипе³⁶.

В 1911 г. хранитель рукописного отдела Публичной библиотеки И. А. Бычков готовил сообщение о рукописной «Служебной чертежной книге», но не выполнил своего намерения. Четверть века спустя ее изучением занялся А. И. Андреев и вскоре ввел в научный оборот неизвестный ранее атлас Сибири, наиболее полно представляющий биографические и творческие материалы Ремезовых. Рукописный атлас был использован А. И. Андреевым и для доказательства копияности «Чертежной книги». Придерживаясь иной точки зрения в последнем вопросе, обратимся вначале к истории создания нового, третьего атласа.

В результате долгих лет работы в семье Ремезовых отложилась большая коллекция оригиналов и копий различных карт, планов, рисунков и описаний. Естественное стремление к упорядочению этого личного «архива», видимо, натолкнуло С. У. Ремезова на мысль о комплектовании сборника, объединившего материалы служебного, «сверхслужебного» и личного характера. Завершающий основную часть атласа текст, заключенный в цветной (желто-зелено-коричневый) картуш овальной формы с орнаментом, кратко характеризует последнее картографическое произведение Ремезовых: «Окончение с богом чертежныя книги навселенней внутренней Сибири с царственнаго града Тобольска и розряда ведомости градов, слобод, острогов и погостов, сел и деревень и всяких по именов урочищ, моря в различии, имены рек, озер и речек, гор и холмов и степи и протчих, особо между Азии, Европы и Америки стран, древле неописанных, понеже умному окончению несть описати» (л. 116 об.). Для нового атласа был избран удобный и портативный размер «Хорографической чертежной книги», имевшей продолговатую форму (длина листа меньше его ширины) типа альбома. В отличие от первого атласа «книга сия служебная чертежная», которую «писал Семен Ремезов з детми» (л. 1), состоит из тех же листов александрийской бумаги размером 20×31 см, но сброшюрованных в книгу (длина больше ширины). Эти размеры позволили получить копии на развернутых листах книги (не более 38×29 см) с имевшихся разноформатных карт-чертежей.

Судя по «Первому надписанию», которым открывается

атлас, его формирование началось 1 января 1701 г., т. е. совпало с окончанием составления «Чертежной книги». Отсюда А. И. Андреев заключает, что «начало» «Служебной чертежной книги» следует отнести к 1699 г., поскольку она якобы содержит «оригиналы тех чертежей, которые отчасти вошли в „Чертежную книгу Сибири 1701-го года“, пачатую 1699 г.»³⁷ Но в «Служебную книгу» в копии помещен и «Чертеж Тобольского города» (или «Часть Сибири») с пометой «писан в Тобольске в лета 7205-го августа 15 день». Следуя приведенному заключению, и книгу следовало бы отнести к 1697 г. На таких основаниях, конечно, нельзя считать начальной датой ни 1697 г., ни 1699 г., хотя, по случайному совпадению, в книге, в ее второй, механически присоединенной к основному составу части, находится авторский чертеж С. У. Ремезова, составленный после 20 июня 1699 г. (чертеж-рисунок кирпичного производства — л. 146 об.—147). Не следует также полагать, как это делает Л. С. Багров, что в «Служебной книге» собственноручно занумерованные материалы размещались С. У. Ремезовым «без всякой системы — что-то, что случайно пришло ему в голову в тот момент...»³⁸ «Оглавление главизн», наоборот, свидетельствует о продуманном и логичном плане построения атласа. В нем после вводных статей (главы 1—3) следуют статьи — обоснования картографических приемов (главы 4—7), сходные с описаниями в «Хорографической книге», затем идут главы — справки о церковных и светских властях (главы 8—10). Картографические и текстовые материалы, относящиеся к Тобольску, занимают главы 11—20, ко всей Сибири и ее частям — 21—36. Вслед за документами военных доездов (главы 37, 39, 40) помещены: большая группа чертежей земель городов (главы 41—63), карты далекой Камчатки и пограничных земель (главы 64—69) и «Надписание всем» (глава 70).

В оглавлении атласа (л. 4 об.—5) указано 76 листов, помещенных в 70 главах. Но фактически «Служебная книга» состоит из 167 листов с двумя вклейками (л. 49а, 56а) и довольно четко разделяется на две части. Материалы второго раздела не перечислены оглавлением и, следовательно, были присоединены к «Служебной книге» после формирования ее основной части. Эти малоизвестные источники, характеризующие занятия С. У. Ремезова преимущественно в 1700—1704 гг. (проектирование зданий и

строительство города, пороховое и железное дело), описаны в главе 2.

Первое обстоятельное описание «Служебной книги», прекрасно выполненное А. И. Андреевым, вызвало одно серьезное замечание: по описанию невозможно четко представить себе содержание всего атласа и последовательность расположения текстовых и графических материалов³⁹. Этот упрек, не имеющий большого значения для двух печатных чертежных книг, важен в отношении рукописного неопубликованного атласа. При сличении «Оглавления» с содержанием рукописи нетрудно убедиться в том, что ряд листов был утерян еще при комплектовании. По мнению А. И. Андреева, из 14 отсутствующих карт лишь половина может быть восстановлена. Проведенное сравнение трех чертежных книг позволило восстановить большинство из 15 недостающих чертежей; только в двух случаях трудно определить по заголовку, какой чертеж С. У. Ремезов имел в виду. 10 чертежей восстанавливаются довольно точно: 1) «Гл. 13. Богоспасаемый град Тоболск с каталогом и описью» — это «Чертеж града Тоболска» (ЧК, л. 1); 2) «Гл. 15. Тобольской град валоваго городского строения» соответствует «Чертежу городского валоваго строения и обрубу» из «Хорографической книги» (л. 163 об.); 3) «Гл. 28. Чертеж округлости Тобольска от приходу воинских людей» — ему, вероятно, должен соответствовать «Чертеж опасной града Тобольска» в той же рукописи (л. 26 об.—27); 4) «Гл. 31. Чертеж сметы людям и слободам и всякому ружью» — это одноименный чертеж в «Хорографической книге» (л. 162); 5) «Гл. 33. Чертеж общей всех сибирских городов, рек и земель и украин. Писан на Москве в Сибирском приказе со всех свозных городовых чертежей в 207-м году сентября 18 день» соответствует одноименному чертежу «Чертежной книги» (л. 21); 6) «Гл. 34. Чертеж наличие и сходство земель соседях» — это так называемая этнографическая карта «Чертежной книги» (л. 23); 7) «Гл. 37. Чертеж доезду Христофора немчина крайним слободам от приходу воровских воинских людей» соответствует, как теперь установлено (см. гл. 4), «Чертежу Тобольского и Верхотурскаго уездов» (ХК, л. 165 об.); 8) «Гл. 38. Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи» соответствует одноименному чертежу «Чертежной книги» (л. 20) и в той же «Служебной книге» (л. 51 об.—52) — «Чертежу всех с

каменей потоки рек имени наличия, снискательно бывалцы и уроженцы»; 9) «Гл. 47. Чертеж Кунгурских пещер» — копия этого чертежа отыскана А. И. Андреевым в бумагах Д. Г. Мессершмидта; 10) «Гл. 50. Чертеж земли Пелымского города» соответствует одноименному чертежу «Чертежной книги» (л. 7). Среди утерянных чертежей были обзорные карты Сибири; 11) «Гл. 25. Чертеж земли всей Сибири; писан с немецкого печатного листа. Наличие особо». Можно предположить, что здесь указана карта Н. Витсена, которая стала известна С. У. Ремезову после поездки 1698 г. в Москву; 12) «Гл. 27. Чертеж посланника Елизара Избранта», о котором дает представление карта 1704 г., приложенная к голландскому изданию описания путешествия Исабранда Идеса; 13) «Гл. 29. Чертеж Сибирские страны в пример бывальцов чином»; 14) «Гл. 30. Чертеж всея Сибири»; 15) «Гл. 32. Чертеж всея Сибирской земли и Казачьи орды». А. И. Андреев полагал, что последнему соответствует «Чертеж земли Тобольскаго города», имеющийся в той же рукописи (л. 28—29) и в «Чертежной книге» (л. 2). Это предположение, видимо, не соответствует действительности, так как на указанных чертежах изображена только «Часть Сибири». Близка к утерянному чертежу, вероятно, карта 1687 г.: «во 192-м и 93-м годах чертеж в пополнок прежнему, кои писан во 176-м году про знание жилья» (ХК, л. 162 об.).

Разнообразные по содержанию и по времени составления материалы собственно «Служебной книги» (кроме ее второй части) можно условно разделить на три группы: тексты, рисунки и картографические материалы.

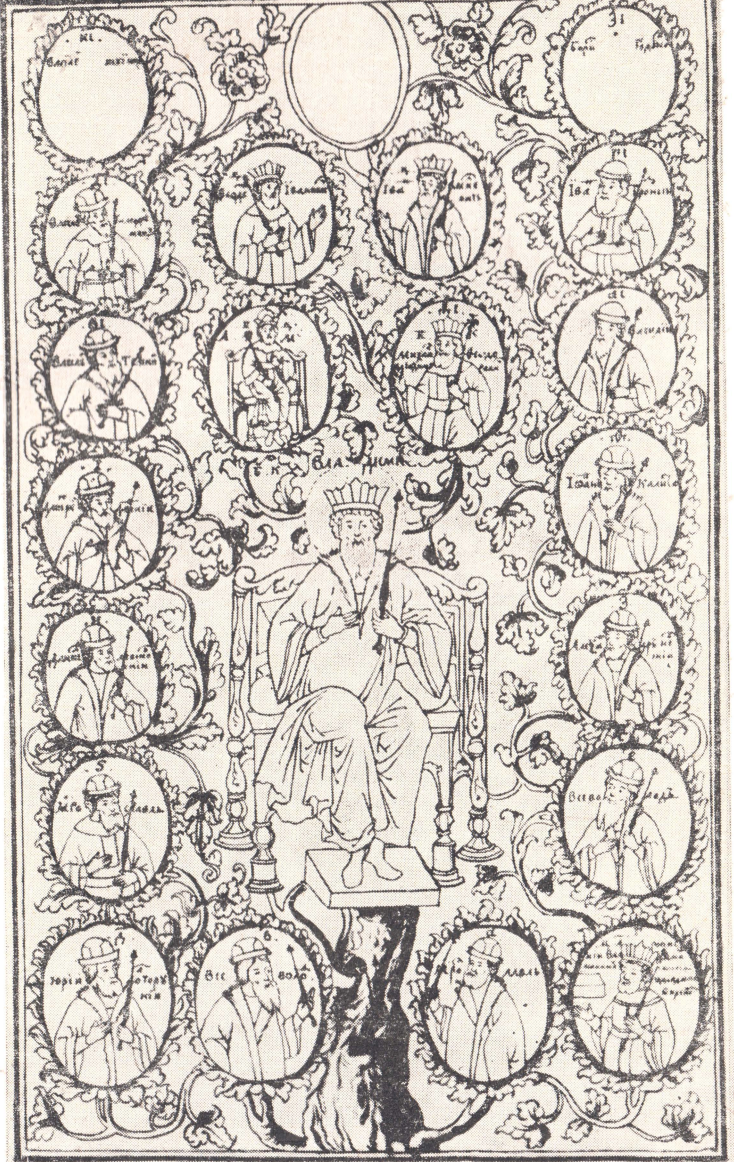
Кроме текстов, относящихся к чертежам и составляющих с последними единое целое, в «Служебной книге» помещены многие сведения автобиографического характера. Это прежде всего обширная «Выписка служб Семена Ремезова, деда и отца», написанная С. У. Ремезовым и продолженная Леонтием; в «Доношении о строении» описаны работы по строительству Тобольска; результаты переписи 1710 г. в Тобольском уезде — в «Переписке людям». Кроме ранее упомянутых текстов «Первое надписание» и «Окончение», укажем на «Писание до ласкового читателя», весьма схожее с аналогичным текстом «Чертежной книги». Для выяснения круга исторических представлений и идей С. У. Ремезова большой интерес

представляют «Предисловие до ласковаго чптателя», хронологические списки «История Тобольскаго града...» (сибирские митрополиты и краткая характеристика каждого из них) и «Роспись летописи Сибирской...» (перечень воевод, начиная с Ермака), выписка из архивной «росписи... сибирским печатем» (л. 9 об.), «Чертеж: победа на Кучюма царя. Очищение Сибири»⁴⁰. Общие географические представления С. У. Ремезова, сочетавшиеся с его образным религиозно-художественным мышлением, отчетливо выражены в статьях «Уподобление Сибирские страны» (л. 12—12 об.) и «Подобие града Тобольска» (л. 14 об.). Обе статьи представляют собой великолепный сплав тонкой художественной метафоры (сравнение Сибири и Тобольска с мирным ангелом и описание-обоснование найденного образа) и реалистического историко-географического обозрения Сибири.

О художественной манере Ремезовых позволяют судить не только встречаемые в рукописи заставки, картуши, виньетки, вязь, орнамент и другие украшения, но и целый ряд рисунков. Среди них наиболее интересны: сюжетный многокрасочный рисунок к тексту о победе над Кучумом, овалы медальоны-портреты князей и царей в «Статье державств российских», аллегорический рисунок «Привилегия Сибири», генеалогическое древо тобольских воевод с текстом на 61 клейме-листе, рисунки 17 печатей сибирских городов, наконец, «Образец роскату...» Последний рисунок (л. 11 об.), несомненно, принадлежащий С. У. Ремезову, был выполнен в 1709 г. в связи с работами по укреплению нижнего посада и проектированию «роската» на Панином бугре.

46 чертежей первой части «Служебной книги»⁴¹ по содержанию можно разделить на несколько групп: 1) чертежи Тобольска — 4 и его окрестностей — 2; 2) чертежи, составленные в связи с военными действиями и разведывательными операциями, — 6 (л. 44 об.—49, 53—56); 3) мелкомасштабные чертежи всей Сибири и пограничных земель — 9, в том числе копии «чертежа греческого преводу» Московского княжества с пограничными землями, «годуновского» чертежа 1667 г., карта А. А. Виниуса; «Чертеж межевой Башкирской земли с слободами», «Чертеж всех с каменей потоки рек имены»; три карты Юго-Восточной Азии, к одной из них — «Imperii Sinarum nova descriptio» — прилагается скопированная С. У. Ремезовым

Статья державств российских Архив И:

«Статья державств российских» из «Служебной чертежной книги» ГПБ, ф.рук. отд., Эрмитажное собрание, № 237, л. 6 об.

«Ведомость о Китайском государстве» 1668 г.; карта «Тартария или великого хана повелительство»; 4) чертежи Камчатки — 4; 5) «городовые» чертежи (сибирских городов и уездов) — 20, в том числе северной части России, Тобольского уезда, 2 — Якутского, Кунгурского. К последней группе примыкает план города Кунгура.

На некоторых листах «Служебной чертежной книги» скопированы чертежи первых лет XVIII в., но комплектование атласа произошло позднее 1709 г. Указанные в оглавлении один из чертежей «Посад под горою...» (л. 10—11) и рисунок печати с гербом Сибири (л. 9 об.) датируются соответственно 27 апреля 1709 г. и не ранее 1710 г. Естественно, что оглавление составлялось (и атлас комплектовался) после этих дат. Тексты на клеймах древа воевод доведены до 1706—1707 гг. одним почерком и одними и теми же чернилами, из чего можно заключить, что рисунок и основной текст к нему относятся к периоду не ранее 1706—1707 гг. (на клеймах имеются и позднейшие приписки вплоть до 1730 г.). «Чертеж вновь Ка[мча]дальские земли и моря» (л. 103—104) составлен после 1713 г. Вместо перечисленных оглавлением, но отсутствующих чертежей (главы 25, 27—34) в книгу включены не отмеченные перечнем текстовые материалы: «Переписка людем нынешнего 1710-го года...» (л. 34—36 об., 40—44), «Доношение о строении...» 1709 г. (л. 24), «Выписка служеб...» с дополнениями 1712 г. (л. 37—39 об.) и чертежи с описаниями по доезду Л. И. Парфеньева 1710 г. (л. 46—48). Характерна и другая подробность. В «Начале» книги, помеченном 1 января 1701 г., С. У. Ремезов именуется тобольским дворянином. Напомню, что еще в 1710 г. он значился тобольским сыном боярским (запись городской переписи и собственноручная скрепа в переписной книге Тобольского уезда) и только в конце 1712 г. подписывался тобольским по выбору дворянином. Таким образом, можно заключить, что «Начало» или «Первое надписание», так же как и составленные одновременно с ним «Оглавление» и «Окончение», написаны между 1710 и 1712 гг. Что касается приведенной даты 1 января 1701 г., то, во-первых, она фиксирует окончание работы над «Чертежной книгой» (хотя «отделка» продолжалась и позднее) и, во-вторых, отмечает рождение нового замысла — «Служебной чертежной книги». Основную часть собственно «Служебной книги» составляют авторские копии ра-

боты сыновей Ремезова преимущественно тех чертежей, которые когда-либо составлялись отцом или совместно с ним, копии карт других авторов, а также некоторые оригиналы С. У. Ремезова⁴². К последним, например, относятся чертежи: доездов 1710 г. (л. 47 об.— 48), «Степь, откуда приход бывает под слободы воинских людей...» (л. 44 об.— 45), «хресцам и балчикам» (л. 25), составленный по указу 1704 г., два чертежа Камчатки (л. 102 об., 103 об.— 104), «опасной града Тобольска» (л. 26 об.— 27). Тщательная отделка большинства чертежей, которые А. И. Андреев называет «беловыми», высокое качество и точность их выполнения, четкие, каллиграфически выполненные, судя по почерку, Иваном Ремезовым надписи и чертежные описания — все это, на первый взгляд, подтверждает мнение о соотношении «подлинников» и их копий в «Служебной» и «Чертежной» книгах. Но для правильного объяснения происхождения третьего атласа Ремезовых следует пересмотреть общепринятую версию о «Служебной чертежной книге» как атласе, начатом в 1699 г. и имеющем в своем составе ряд подлинников тех чертежей, которые вошли в «Чертежную книгу»⁴³.

Удивительное совпадение ряда признаков, таких, как единая исполнительская манера и оформление, одни и те же краски и чернила, почерк, бумага для 28 (из 46) чертежей «Служебной книги» заставляют думать, что эти чертежи были составлены (скопированы) специально для нового атласа в один и тот же период. Среди единых по времени составления 28 копий находятся 19 «городовых» чертежей, по одной карте Китая (л. 105 об.—106) и Камчатки (л. 99—100), два чертежа доездов Д. Я. Меина, карта А. А. Виниуса, «годуновский» чертеж, «историческая» карта — «описание древнее и маловедомо разных язык» (л. 22), чертежи Башкирской земли и «всех с камней потоки рек». Очевидная одновременность оригиналов чертежей еще более подчеркивает хронологическую общность изготовления их копий. Как известно, «годуновский» чертеж составлен в 1667 г., межевой башкирский чертеж (или «мера Исецким слободам») — в 1694/95 г., «степи» — 3 марта 1697 г., «городовые» чертежи — в 1697—1698 гг., доезды драгунского полковника Д. Я. Меина по Тоболу и Миассу совершены в октябре 1700 г., чертеж северной части России составлен в 1699—1700 гг., Кушгурского уезда — летом 1703 г. Понятно, что составленные в один и

тот же период копии указанных чертежей, вошедшие в «Служебную чертежную книгу», могли быть выполнены не ранее самой поздней даты, т. е. в 1703 г. или позже.

Привлекая в качестве датирующего признака бумагу атласа, обратимся к ее филиграням. Водяные знаки бумаги наиболее четко прослеживаются на 70 листах атласа. Чаще всего встречаются листы голландского и немецкого происхождения с филигранями нескольких разновидностей герба Амстердама и головы шута (foolscap). Повторяющаяся на 34 листах атласа филигрань с гербом Амстердама и литерным сочетанием AG владельческого характера (A. Galiar) датируется 1702—1722 гг.⁴⁴ Бумага самым наглядным и убедительным образом подтверждает предположение об общности происхождения 28 чертежей: каждый из них имеет описанную филигрань и, следовательно, не мог появиться ранее 1702 г. Такой же водяной знак виден еще на нескольких листах: план Тобольска (л. 19), кунгурские «тавры» (л. 69), план Кунгура (л. 65). Два последних документа свидетельствуют о том, что чертежи на бумаге не ранее 1702 г. могли изготовляться и во второй половине 1703 г., т. е. после поездки С. У. Ремезова с Леонтием в Кунгур. Наконец, во второй части атласа та же филигрань встречается еще на двух листах (л. 156 и 162). Подлинные чертеж и текст С. У. Ремезова точно датированы 25 сентября 1703 г. и 17 августа 1704 г. Таким образом выясняется, что александровская бумага с филигранью не ранее 1702 г. применялась Ремезовыми в 1703—1704 гг.; к этому времени и следует отнести составление большинства чертежей-копий «Служебной чертежной книги». Остальные чертежи, в том числе и датируемые приблизительно, изготовлены позднее, в основном в начале второго десятилетия XVIII в.; они резко отличаются от 28 чертежей по почерку, оформлению и другим признакам (качество бумаги, филигрании и др.). Проведенное впервые исследование филиграней «Служебной чертежной книги» приводит к выводам, которые не увязываются с общепринятой теорией копияности «Чертежной книги», но полностью согласуются с новыми предположениями.

1. «Служебная чертежная книга» составлялась Ремезовыми после изготовления «Чертежной книги» Сибири 1699—1701 гг., а не одновременно с ней.

2. В основе двух атласов лежат одни и те же несохранившиеся источники: разноформатные подлинные черте-

жи С. У. Ремезова и его сыновей, составляемые с 80-х годов XVII в. на холсте, «парче» и бумаге, а также собранные ими (в кошнях) картографические материалы, начиная с чертежа всей Сибири 1667 г., «этнографической» карты 1673 г. и т. п.

3. Копии переработанных и несколько измененных «городовых» чертежей «Служебной чертежной книги», выполненные с 1703—1704 гг. на александрийской бумаге с филигранью не ранее 1702 г., не могли служить оригиналами (подлинниками) для одноименных чертежей, изготовленных не позднее 1701 г. и составивших большую часть «Чертежной книги».

4. Выводы о более позднем изготовлении и комплектовании «Служебной чертежной книги» являются одним из веских аргументов в пользу тобольского происхождения и подлинности «Чертежной книги» из Румянцевского музея.

Принятые в историографии крайние даты формирования атласа — 1699—1730 гг. — можно сохранить, если условно считать атлас, составленный из двух различных частей, единым произведением. В этом случае датирование объединенных собственно «Служебной чертежной книги» 1702—1730 гг. и сборника ремезовских материалов, в котором самые ранние документы относятся к 1699—1700 гг., а большинство — к 1703—1704 гг., совпадет с общепринятым.

В 1730 г. один из сыновей Ремезова заполнил последний лист-клеймо генеалогического древа тобольских воевод. С этого времени «Служебная чертежная книга» исчезает и появляется в 1764 г. в личной библиотеке Екатерины II, а после 1775 г. — в иностранной библиотеке Эрмитажа, где хранились и русские рукописные книги. Отсутствие каких-либо прямых известий о судьбе ремезовского атласа за 1730—1764 гг. восполняется различными догадками, которые, как и любые другие научные предположения, имеют своих сторонников и противников. Наиболее распространено мнение, выраженное А. И. Андреевым, что «Служебная книга» была поднесена царице после конфискации у казненного в 1764 г. В. Я. Мировича — сына одного из братьев Мировичей, сосланных в Тобольск в 1732 г. по делу их отца — сподвижника Мазепы. У одного из них, П. Ф. Мировича, историк Г. Ф. Миллер приобрел в Тобольске рукопись Ремезовской летописи; не исключена вероятность, что Мировичи были владельцами

и других произведений Ремезова. С. Е. Фель, соглашаясь с возможностью приобретения «Служебной книги» Мирovichами, вместе с тем считает маловероятным ее длительное сохранение у нищих братьев⁴⁵. Этот вопрос до сих пор неясен. Г. Ф. Миллеру атлас остался неизвестным. Тобольский ямщик-летописец И. Черепанов в 1760 г. заимствовал кое-какие тексты атласа, но в его руках могли быть или копии текстов, или источники, общие для атласа и для летописи.

В составе Эрмитажного собрания «Служебная чертежная книга» в 1852 г. была передана в Публичную библиотеку, в рукописном отделе которой с тех пор и хранится.

* * *

Причудливыми и во многом загадочными были происхождение и судьба трех первых русских атласов Сибири. Созданные современниками русских великих географических открытий, они прошли долгий и извилистый путь, прежде чем стали достоянием русской науки и культуры — ценнейшими источниками отечественной истории и географических знаний. Изданная в 1882 г. Археографической комиссией «Чертежная книга Сибири» до последнего времени была единственным общедоступным для изучения картографическим произведением С. У. Ремезова и его сыновей. Лишь недавно, в 1958 г., введен в научный оборот наиболее ранний атлас — «Хорографическая чертежная книга». Но, изданная за рубежом, она остается мало известной советскому читателю. Оба издания, конечно, не снимают задачи публикации подлинных чертежей Ремезовых в составе рукописной «Служебной чертежной книги».

Ремезовская летопись («История Сибирская» и «Летопись Сибирская краткая Кунгурская») 1697—1710 гг.

В 1744 г. Г. Ф. Миллер, возвратившийся из путешествия по Сибири, передал академической библиотеке драгоценную рукопись. Он назвал ее «особенной, которую необходимо отметить отдельно», в отличие от «обыкновенных» летописей, часто встречающихся в списках у «любителей истории в России и Сибири»⁴⁶. Рукопись, впоследствии широко использованная Г. Ф. Миллером для

«Истории Сибири», вначале была им названа по месту приобретения «Тобольской летописью», а затем — по имени составителя Ремезовской. «Тобольская летопись, — писал знаменитый историограф, — кроме того, что она настоящий подлинник, имеет еще и сие преимущество, что в ней многие приключения обстоятельнее пред прочими летописями описаны... Величиною она писана в десть наподобие нотных книг, и на каждой странице имеет по две статьи с рисунками, плохим мастерством деланными, для изъявления в описуемых в ней приключений»⁴⁷. «С похвалою» упоминает Г. Ф. Миллер о решительном содействии Тобольской канцелярии в приобретении иллюстрированной летописи «за сносную» цену у владельца, «не хотевшего лишиться сего сокровища»⁴⁸. Но имя хозяина рукописи нигде не указано. Только через 15 лет после поступления летописи в библиотеку Академии наук, в рукописном отделе которой она хранится и сейчас, на внутренней стороне переплета кем-то из библиотекарей была сделана следующая запись: «А господин профессор Миллер достал сию книгу в Тобольске от коллежского асессора и провинции Енисейской воеводы Петра Федорова сына Мировича и оную книгу подписал 1759 году августа 20 числа, будучи в библиотеке и спрося об оной у содержателей библиотеки». Запись явилась единственным основанием для утверждения нескольких поколений историков, что П. Ф. Мирович был тем владельцем, от которого Г. Ф. Миллер получил рукопись. Нисколько в этом не сомневался ни Н. М. Карамзин, ни члены Археографической комиссии, участвовавшие в подготовке фотолитографического воспроизведения рукописи (А. И. Тимофеев, А. Ф. Бычков), а также в публикации «списка Мировича» (Л. Н. и В. В. Майковы и др.) в «Сибирских летописях»⁴⁹. Особенно детально и тщательно обосновал роль Мировичей как хранителей ряда ремезовских работ А. И. Андреев. Но найденный среди недавно описанных материалов ЦГАДА подлинник преамории Г. Ф. Миллера в Сибирскую губернскую канцелярию 13 марта 1741 г. прямо называет имя владельца рукописи. Г. Ф. Миллер пишет: «Понеже я нашел у тобольского посадцкого человека Федора Пименова книгу рукописную — Летописец о сибирской истории с рисунками, которая к моим делам потребна, и впредь надлежит ее охранить в императорской библиотеке для справки, того ради тре-

буется, чтоб соблаговолено было оную книгу Летописец у него, Пименова, купить и выдать ему из казны десьги по настоящей цене, по которой он, Пименов, сам ее купл. А имянно: он за нею дал рубль тридцать копеек. И той цены та книга Летописец стоит, хотя и до полтора рубли. А книга находится при мне»⁵⁰. Более вероятно теперь предположить, что знакомый Г. Ф. Миллеру по академической гимназии П. Ф. Мирович только помогал ему в поисках интересных материалов и, зная об иллюстрированной летописи, содействовал ее покупке. Этим можно объяснить противоречивые свидетельства записей 1759 и 1741 гг., причем в последней обращает на себя внимание то, что рукопись уже являлась ранее предметом сделки и Ф. Пименов не был ее первым владельцем. Надо признать вообще, что 30-е годы XVIII в., сыгравшие печальную роль в «распылении» материалов Ремезовых, являются «белым пятном» для исследователей.

Создание С. У. Ремезовым свода исторических известий о начальном периоде колонизации Сибири не случайно. Его картографическая и географическая деятельность всегда тесно переплеталась с изучением ряда исторических и этнографических проблем. Выступая как историк и художник, С. У. Ремезов предстает перед нами пытливым исследователем и незаурядным иллюстратором.

Благодаря фотолитографическому воспроизведению Ремезовская летопись хорошо известна. Но сличение оригинала и печатного издания обнаруживает множество дефектов последнего, из них основными являются серьезное искажение почерка и утеря ряда мелких деталей (исправление нумерации и т. п.).

На каждом из 39 листов (или 77 страниц — последняя не заполнена) рукописи помещено по две статьи, общая нумерация которых, судя по почерку, несомненно, сделана С. У. Ремезовым, так же как и колонтитул с названием летописи — «История Сибирская». Отдельная статья состоит из рисунка, текста к нему, номера и колонтитула (общего для двух смежных статей). Всего пронумеровано 157 статей, но фактически в оригинале находятся 154, так как С. У. Ремезовым ошибочно пропущены номера 83, 88 и 103. Первая же источниковедческая критика рукописи, проведенная Г. Ф. Миллером, установила, что летопись написана двумя почерками и состоит из основных статей и «прибавлений», включенных в трех

местах⁵¹. Рисунки и текст вставных листов (л. 2, 13, 19, 20, 25, 35, 36) отличаются по стилю, характеру графики и почерку от основной части — «Истории Сибирской». Несмотря на различные мнения исследователей о лицах, писавших тексты летописи, вопрос об ее авторе вполне определенно, как давно установлено, решает «конечная» статья с литтореей. Расшифровка содержания тайнописи основана на особенности древнерусской азбуки, где почти все буквы имеют цифровое значение. Например, сочетание МКК, равное в сумме 80, в свою очередь соответствует букве П и т. д. Литторей полностью была раскрыта А. Ф. Бычковым для издания 1880 г.⁵² Центральная надпись: «писал Семен Ремезов», слева: «Леонтеа Семенова», «Ивана Семенова», справа: «Семена Семенова», «Петра Семенова». Под каждой надписью помещен щит с инициалами: центральный медальон — ПСУР (писал Семен Ульянов Ремезов), слева — СЛР (сына Леонтия Ремезова), СЛР, справа — ССР, СПР. Возражая В. В. Майкову, который допускал участие в составлении летописи сыновей Ремезова, А. И. Андреев придерживался точного истолкования надписей, а именно: сочинял «Историю Сибирскую» один С. У. Ремезов, хотя переписывал ее кто-то другой, а «указание на его четырех сыновей в родительном падеже отмечает принадлежность рукописи этим четырём сыновьям»⁵³. Заключительная статья летописи также указывает на одного автора — коренного жителя Тобольска, имя которого раскрывается в литторее: «Имя же мое знаком сим зовом с природными прослытии в Сибирьстей стране в начальном граде». Здесь же С. У. Ремезов сообщает краткие сведения о своем сочинении: «Аз же в Сибирьстей бытия о единомудушных казацех вкратце глаголах, налично всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескритно: аще и языка светлоречиваго не стяжах, еже железным ключем отверзох, а златыи впредь уготовах ко утешней всенародной ползе»⁵⁴.

Итак, С. У. Ремезов — автор, сочинитель летописи. Но почерк ее основной части, по мнению исследователей, знакомых только с почерками известных чертежных книг Ремезовых, едва ли можно отождествлять с последними. С этим, конечно, нужно согласиться: подобного почерка ни в «Чертежной», ни в «Служебной» книгах нет. Полное совпадение почерка прослеживается только при сравнении летописи с ранее неизвестной «Хорографической чер-

«Конечная» статья с литореей из «Истории Сибирской»

ОРБАН, 16.16.5, л. 39

тежной книгой», т. е. при сличении наиболее близких по времени составления, если не одновременных, произведений, написанных С. У. Ремезовым и его старшим сыном Леонтием, но почерком, отличным от повседневной скорописи.

О процессе создания рукописи можно сказать пока только предположительно. 1) В некоторых статьях (37

43, 51, 64, 66, 89, 100, 131 и др.) видно, как текст, не уместившийся на отведенной для него заранее части листа и отделенный от рисунка линией, переходил эту границу. Затруднительно определить (при выцветших частично чернилах) de visu последовательность выполнения работ. Но если вначале были составлены рисунки, значит для определения сюжетов рисунков отдельных статей имелся либо общий план, либо оригинал (или черновик) текста. Однако текст, например, с рассказом Аблая, услышанный С. У. Ремезовым от своего отца, мог быть им внесен непосредственно в рукопись или продиктован. 2) Первоначально на месте текста статьи 139 ошибочно был вписан текст «О посылке к Москве полуну Кучюмовского»⁵⁵ и как не отвечающий содержанию рисунка заклеен текстом «Ивление возсия Сибире и прославися» (л. 34 об.). Ошибочно вписанный текст повторял содержание ранее внесенной статьи 131, но сравнение одноименных статей обнаруживает значительные редакционные изменения. Следовательно, если бы имелся оригинал (или черновик), то первоначальная статья 139 должна точно повторять, а не варьировать текст статьи 131. В данном случае безусловно авторское вмешательство в изменение редакции текста, возможное только тогда, когда автор либо сам писал текст, либо в процессе работы редактировал черновик. 3) Как отмечено выше, составитель основной части рукописи нередко размещал тексты за пределами отведенных графлением мест. Эта несоразмерность также, вероятно, вызвана отсутствием оригинала, при наличии которого нетрудно было бы рассчитать объем отдельной статьи и соответственно изменять число строк, интервалы между ними и размеры букв. Но если вопрос об основном тексте можно было разрешить с опубликованием первого ремезовского атласа, то почерк вставных листов давно и хорошо известен. Это весьма характерный почерк обычной скорописи С. У. Ремезова. Таким же точно почерком заполнены многие страницы «Служебной чертежной книги», большинство позднейших вклеек «Хорографической книги», отдельные листы Ремезовского хронографа. Неясно, почему А. И. Андреев, опубликовавший несколько листов с текстом «позднего» Ремезова, в то же время отрицал верное предположение С. В. Бахрушина, что вставки были произведены самим С. У. Ремезовым или его сыновьями⁵⁶.

Довольно сложно определить авторскую принадлежность рисунков основной части и вставных листов, которые отличаются друг от друга по стилю и манере исполнения. Первые исследователи (Г. Ф. Миллер, Н. М. Карамзин) отозвались об изобразительной центральной части летописи как о «худых рисунках». Последующее их изучение привело к более объективным оценкам. А. И. Андреев, например, подчеркнул исключительную ценность для историка и этнографа «единственных рисунков XVII в. безусловно русского происхождения»⁵⁷. С. В. Бахрушиным дана точная и конкретная характеристика рисунков, в которых «поражает сочетание условной стилизации, свойственной XVI—XVII вв., с большим реализмом». По его словам, рисунки на вставных листах «менее вырисованы, зато отличаются большей живостью: несколькими штрихами передается впечатление фигуры, движения; в них меньше стилизованности, они реалистичнее, в них больше чувствуется таланта»⁵⁸. В последнее время историк архитектуры В. И. Кочедамов, отмечая преимущественно светский реалистический характер рисунков основной части летописи, указал на зависимость композиции листов от современной С. У. Ремезову иконописной традиции. В частности, «в его рисунках практикуется принятое тогда соединение наружного вида здания с интерьером, а отдельные детали чрезвычайно сходны с рисунками из „Царственной книги“ или Хронографа»⁵⁹. Полагаю, что рисунки Ремезовской летописи в целом вполне оригинальны, хотя элементы заимствований прослеживаются в некоторых случаях и не только в деталях. Например, рисунок с библейским сюжетом и древнееврейской надписью в статье 138 «Благословение жизни с небеси сибиряном» почти без изменений взят из «Синописа» Иннокентия Гизеля⁶⁰. Иллюстрации Ремезовской летописи (или как озаглавил повесть на обороте последнего листа неизвестный ее владелец XVIII в.— «Житие Ермаково, как Сибирь взял с дружиною своею») характерны для конца XVII — начала XVIII в. своим сложным переплетением библейско-церковных мотивов в нравоучительных статьях, проникнутых христианской идеологией, и этнографически точных жизненных зарисовок, своеобразным сочетанием старого художественного языка и элементов реалистического искусства.

Но кем сделаны рисунки? Прямых и определенных

сведений пока не найдено. Ответ должен быть подсказан исследованием художественного творчества Ремезовых специалистами-искусствоведами. Решение осложняется незнанием индивидуальных особенностей художественного мастерства и навыков членов ремезовской семьи, из которой каждый мог быть причастен к созданию рисунков летописи. Достоверно известно, что, кроме картографических, различными художественными работами в разное время были заняты иконник и изограф С. У. Ремезов, его старшие сыновья Леонтий и Семен, племянник Афанасий и, вполне возможно, младшие сыновья Иван и Петр. Но к середине 90-х годов XVII в. иллюстрации основной части летописи могли быть созданы только ее автором, Леонтием или, что менее вероятно, 16-летним Семеном-младшим. Однако прямое свидетельство «конечной» статьи, указывающей на С. У. Ремезова как автора рисунков основной части («аз... налично всположих...»), вызывает некоторые сомнения. Рассматривая иллюстрации, нельзя не обратить внимания на одну удивительную подробность: деревья (лес) не вырисованы, а показаны условным знаком зеленого (желто-зеленого) и местами коричневого цвета. Сопоставление рисунков летописи и карт атласов показало полную тождественность характерных условных обозначений леса. Заполняя рядами одиночных деревьев свободные места иллюстраций, С. У. Ремезов тем самым исправлял композиционные промахи рисунков, на которых лес — этот существенный элемент сибирской топографии — сначала почти везде отсутствовал. В редких случаях (статьи 47, 53, 57) эти же условные знаки добавлены и там, где на рисунках лес уже был ранее нарисован и изображен по-иному (аналоги — СК, л. 12 об., 14, 15 об.). Характерные ремезовские значки — «деревья» чертежей, перенесенные при корректировке картографом на художественный рисунок, заметно выделяются на фоне других, однородных по стилю элементов изображения. Представляется, что рисунки, выполненные вначале Леонтием, затем корректировались С. У. Ремезовым. Немногочисленные рисунки последнего в «Хорографической» и «Служебной» книгах по характеру выполнения не схожи с рисунками основной части летописи⁶¹.

На основании сходства стиля рисунков вставных листов и чертежа «железного дела» из «Служебной книги» (л. 155 об.), авторство которого не установлено точно,

Богдан Бряга у Рачева городища. Фрагмент вставного листа из «Летописи Сибирской краткой Кунгурской»

ОРБАН, 16.16.5., л. 19 об.

А. И. Андреев полагал, что автором иллюстраций летописи мог быть один из младших сыновей Ремезова или его племянник Афанасий. Но по манере выполнения, кроме указанного чертежа, к рисункам вставных листов близки еще два чертежа «Служебной книги» (л. 146 об., 157), автором которых был, несомненно, С. У. Ремезов. Поэтому вполне достоверно, что создателем иллюстраций, так же как и текста к ним, был С. У. Ремезов. Все статьи

вставных листов заполнены стремительной ремезовской скорописью и беглыми, но живыми зарисовками старого художника.

Время составления основной части Ремезовской летописи большинство исследователей определяет довольно приблизительно и относит к концу XVII в. Только А. И. Андреев указал более точную дату — 1696/97 г. В начале 5-й статьи, которой открывается повествование на вставных листах, приведено название второй части исторического иллюстрированного сочинения С. У. Ремезова «Летопись Сибирская краткая Кунгурская» (статьи 5—8, 49, 52, 73—80, 99—102). Вставки статей 140—147 слабо связаны с историей Сибири; в них даны поучительные рассказы из русской и всемирной истории о христианских чудесах (статьи 140—141 — о молитве Андрея Боголюбского, статья 142 — видения царя Константина, статьи 143—144 — битва князя Дмитрия с Мамаем, статьи 145—147 — об осаде персами «Нисивии»). Пытаясь уточнить крайние даты создания вставок, А. И. Андреев предположил, что они «по бумаге и по почерку могут быть отнесены к 1715—1734 гг.», т. е. составлены после смерти С. У. Ремезова и до перехода рукописи к Г. Ф. Миллеру⁶². Но эти основания нельзя считать верными: С. У. Ремезов умер после 1720 г., вставки сделаны им, а приобретение летописи Г. Ф. Миллером в 1734 г. спорно. Филологическое обоснование датировки выбрано тоже не совсем удачно. Встретив в статье 5 упоминание «слова и дела», А. И. Андреев отнес эту «формулу» к 30-м годам XVIII в., а следовательно, и «время, к которому относятся вставки в Ремезовскую повесть (1703—1734 гг.), можно сократить и считать, что вставки были сделаны после 1730 г., но не ранее первой половины 1734 г., когда рукопись попала в руки Миллера». Однако о «слове и деле государевом» известно гораздо раньше XVIII в., о нем, например, упомянуто в «Житии» Аввакума (между 1672 и 1675 гг.)⁶³. Вставные листы, конечно, более позднего происхождения, чем основная часть Ремезовской летописи, но нет никаких оснований относить их создание к 30-м годам XVIII в. Кунгурская летопись стала известна С. У. Ремезову, видимо, во время пребывания с сыном Леонтием в Кунгуре. Если это считать доказанным, значит «История Сибирская» составлена до 1703 г., а «Летопись Кунгурская» — после 1703—1704 гг.

Заметно прослеживающиеся возрастные изменения почерка С. У. Ремезова позволяют указать на необычайное сходство графической структуры его почерка 1709—1710 гг. («Служебная книга») и почерка вставных листов Кунгурской летописи. Водяной знак бумаги вставок (например, л. 19) может быть отнесен к 1708 г.⁶⁴ Таким образом, есть основания полагать, что «Летопись Кунгурская» С. У. Ремезова составлена около 1709—1710 гг.

«Описание о сибирских народах и граней их земель» 1697—1698 гг.

В 60—80-х годах XVIII в. тобольским любителем истории ученым ямщиком И. Л. Черепановым (1724—1795 гг.) был составлен летописный свод сибирской истории, начатый с похода Ермака и законченный 1782 г.⁶⁵ Среди источников, использованных для своей «Летописи Сибирской», И. Л. Черепанов называет «сочиненной Летописец тобольским дворянином Ремезовым, которой профессор Миллер получил в Тобольску и отдал оной в императорскую библиотеку», а также «Описание о сибирских народах и граней их земель по грамоте и по наказу сочинено того же году тобольским сыном боярским Семеном Ульяновым Ремезовым в лета от Адама 7206, от рождества Христова 1698 г., взятыя Сибири 118. В сей же Летописи оная Вторым описанием Ремезовым будет упоминаться»⁶⁶. Первое сочинение С. У. Ремезова хорошо известно: «История Сибирская» дважды опубликована и основательно изучена. Используя иллюстрированную летопись, И. Л. Черепанов несколько иронически замечает, что «прежде в старину обыкновенно было писателям увеличивать военные дела славою и чудными повестями удивлять читателя. Подражая сему обыкновению, Ремезов старался боле прочих украсить такими прилогами свою летопись»⁶⁷. При сличении выписок И. Л. Черепанова с оригиналом ремезовского труда можно убедиться в достаточной точности изложения. Заимствованные тексты обычно нетрудно обнаружить, так как он наделяет эти записи ссылками на «Ремезовскую историю», «первое описание Ремезово», «Ремезов летописец», «Летопись Ремезову» или указывает: «по Ремезову», «тобольский летописец Ремезов описывает», «описатель истории Ремезов употребляет так», «сочинитель летописца примечает»,

«по объявлению Ремезову» и т. п.⁶⁸ Вставки из второго сочинения также сопровождаются ссылками и могут быть легко выделены: «историописатель Ремезов во Втором описании», «другое Ремезово описание»⁶⁹. В тех случаях, когда И. Л. Черепанов прямо не называет второй труд, а ссылается просто на «Описание Ремезово» или излагает «по Ремезову», или как «историк Ремезов описал», принадлежность выписок к «Описанию о сибирских народах» определяется их содержанием и отсутствием аналогичных текстов в «Истории Сибирской»⁷⁰. Основываясь на довольно точном изложении, а иногда дословном цитировании ряда источников, можно полагать, что и для «Второго описания» И. Л. Черепановым не было сделано исключений, его летопись содержит близкие к оригиналу обильные выписки из несохранившегося труда С. У. Ремезова. Это основание позволило А. И. Андрееву судить о содержании большей части «Описания о сибирских народах» и наметить пути к его реконструкции⁷¹.

В приводимых И. Л. Черепановым отрывках С. У. Ремезов выступает как этнограф, который собрал не только этнографические, но топонимические, исторические и географические данные. В статьях помещены: генеалогия сибирских ханов, границы расселения и происхождение сибирских народов, объяснения названий городов, рассказы «о древних приключениях, в сих местах бывших по разным историям». Повествование насыщено легендами о различного рода видениях и чудесах, «предвозвещающих о падении татарского владения в Сибири»: о воздушных «явлениях», кровавой воде в Иртыше, «огненных столпах», крылатых воинах и др. В отличие от «Истории Сибирской», посвященной в основном походу Ермака, С. У. Ремезов уделяет главное внимание происхождению народов, населявших Сибирь до Чингис-хана и Кучума: «по Ремезову описанию о начале в Сибирской стране татар, начальство их ханов производится от персов и Вавилона»⁷². И. Л. Черепанов, усомнившись в правдоподобности татарских сказаний, которые «начало происхождения» татар относили к таким древним временам, что «из европейских народов некоторой так похвалиться не может», надеялся получить «известие от второго Ремезова описания, которое бы можно положить от самых тех времен, как на всеобщей смешение языков и рассеяние людей было, но только родословия их ханов к такому времени будет

мало»⁷³. С. У. Ремезов же «полагает начало произшествия народов в Сибири от красноярских ханов», ссылаясь на старинные «татарские истории», которые «возвещают о великом хане Татаре, иже первой обретется в Сибири...»⁷⁴ Во «Втором описании» затем пространно описана история красноярских ханов от Татар-хана и его сыновей Девлета и Къзылтина, их преемников (Ебаркуля, Юваша, Бахмура, Ишима, Ихшимета, или Ахшимета, Мамсета и др.) до Онсона, «от которого все сибирские летописцы начинают свои истории и ханские родословии». Среди них отметим любопытное известие о хане Юзаке, при котором «во всех улусах начали пахать хлеб и сеяли овес, полбу и ячмень, что перешло к ним от Казачьей орды; при том же приняли и закон магометанской и грамоте обучились. До сего времени все роды сии чужь слыла, а с сего времени стали называться бусурманы»⁷⁵.

Повествование об ишимском хане Оне (Онсоне) и его потомках И. Л. Черепанов начинает по Ремезовской и Есиповской летописям, но затем следует подробное изложение из «Второго описания». В основе рассказов лежат легендарные татарские истории о пленении Чингис-ханом Иртышака, сына Она, о внуке последнего Тайбуге, вскормленном дворецким Чингис-хана, о роде Тайбуги: сыне Ходже, внуке Марь, брате Тоболаке и племяннике Салтысаране⁷⁶. Тут же приведены легенды об основании ряда городов, причем С. У. Ремезов всюду стремится увязать старинную и современную ему топографию: «Егда Тайбуга показал заслуги своей верности хану Чингису и и по даровании от него вольности, пошел Тайбуга со своим родом и построил город на Липовом яру по просьбе жены своей, понеже ей на оной горе поглянулось то хорошее место, и назвали оной город Яшил-тура, ныне там воблизости находятся Бехтерские юрты...»⁷⁷ Тоболак, приехавший с устья Исети, построил на Долгом яру крепость Тобол-тура, а Салтысаран основал город, названный его именем, где «ныне находится сие место под селидбою Салтысаранской слободы». Выписка оканчивается сообщением о том, что в «Яшиле же городе Марь власть свою имел, у казанского хана Упачи или Упака дочь, иные пишут сестру, взял себе в жену». «Отселе историки все в сих местах разгласно описывают,— замечает И. Л. Черепанов, но продолжает опять,— по Ремезову: тестя своего Упака Марь убил и обладал Ка-

занью много лет»⁷⁸. Следует заметить, что И. Л. Черепанов редко подвергает критике заимствованные им источники, но в данном случае замечает, что по сравнению с выписками из Пролога и хронографов за 1395 г. (о Чингис-хане) «оних лет Миллеровых недостанет близко двухсот, а по Ремезову еще более, чего ради и родов тех, что последующих потомков Тайбуговых, недовольно будет к наполнению толь великого времени»⁷⁹. Продолжение родословной татарских ханов до Кучума И. Л. Черепанов ведет по «Второму описанию», предваряя длинную выписку осторожной оговоркой: «Будет Ремезову можно последовать». Здесь тобольский ямщик нашел истории от Мара и его сыновей Адера и Абалака до хана Сейдяка, сына Бекбулата. Значительное место отведено описанию деятельности «великого» хана Синбира (Сибира), который после похода в Туралинскую землю учредил столицу Сибирь-туру, «стал быть славен, силен и богат; и от того случаю получила вся страна Туралинская имя то себе Сибирь»⁸⁰. Хан Сибирь покорил Саргацкое царство на Ишиме, при нем «племя саргачиков присечено стало», брал ясак с Казани, построил «город Чюващ, что ныне просто называется оной мыс Подчюваши, близ города Тобольска находится». С. У. Ремезовым отмечены также ханства Махмета, Казея, Касима, Бекбулата и Едигера (Етыгера), последний из них «подать уже российскому государству платил».

Древние татарские истории, сказания, предания и легенды С. У. Ремезов, несомненно, слышал от самих татар, иногда он сообщает их имена. Так, окончив запись повести о потомках хана Мара, С. У. Ремезов отметил, что «все вышеописанное засвидетельствовал татарской мурза именовем Девлет-бай, которой жил на Панине бугре против Тобольска в городке, называемом Бицик-тура»⁸¹. Во время посещения татарского города на Иртыше он услышал и записал местное предание о происхождении названия поселения: «...Летом, как тамошние татары называют, пал с неба камень на дороге, видом кругол, красен, человеку в пояс. А в подъем пошевелить с места надо человекуам седьми. Когда ево с места пошевелят, и в тот час буря великая восстанет и дождь велик и силен бывает целые сутки, и для того слово Ташаткан»⁸².

По «историям калмыцким» составлена статья «О начале нижних калмык», о которых С. У. Ремезов «известие

получил по отправленному в 206-м году посольству»⁸³. Судя по этой и другим упоминаемым датам, «Описание о сибирских народах...» написано С. У. Ремезовым в Тобольске в 1697—1698 гг. до поездки в Москву, вероятно, одновременно с изготовлением «Хорографической чертежной книги». Фольклорные источники, использованные для «Второго описания» в приводимой С. У. Ремезовым редакции, как отметил А. И. Андреев, остаются малоизвестными в исторической литературе, но ценными для историка и этнографа Сибири местными легендами⁸⁴. Если записанные истории «о начале происшествия народов в Сибири» имеют историко-этнографическое и топонимическое значение, то вторая группа статей «Второго описания» заполнена оригинальными этнографическими и географическими наблюдениями С. У. Ремезова. Из известий «О обычаях сибирских народов» И. Л. Черепанов выписал четыре статьи: об остяках, вогуличах, татарах и калмыках. А. И. Андреев несколько не сомневался в том, что С. У. Ремезовым были описаны и другие народы Западной Сибири, в том числе, например, самоеды, а отсутствие выписок о них из «Второго описания» объяснял тем, что И. Л. Черепанов нашел и использовал для своей летописи более полный источник (очерк Г. Ф. Миллера)⁸⁵. Это утверждение вполне согласуется с доказанными фактами наличия у С. У. Ремезова к 1697—1698 гг. обильного материала о западносибирских народах, но оно все же не дает возможности прямо сказать, что «Описание о сибирских народах...» содержало статьи о самоедах и других народах, кроме приведенных И. Л. Черепановым. Более определенно можно говорить об отсутствии во «Втором описании» статей о народах Восточной Сибири, сведения о которых С. У. Ремезов получил позднее. И. Л. Черепанов, пожелавший «описать при строении города Красноярска об обычаях народа кыргызского», не смог этого сделать, так как, по его словам, «в том у нас письменного известия не нашлось»⁸⁶.

Содержание четырех статей «о обычаях сибирских народов» довольно однородно. И. Л. Черепанов вводит эти очерки в тех случаях, когда тот или иной народ впервые упоминается в его повествовании. Например, в запись под 1598 г. о «строении города Верхотурья, яко в Вогульской земле построенному» им внесена «от описания Ремезова статья о вогуличах, вере и жильях их».

«Вогуличи собою возрастом средня, волосов не бреют, лицом походят на вотяков... бегают же от соседства вдаль в темности лесов на единство жпти, как и ныне живут в малопроедных местах. Имеют веру: боготворят древа и кусты... Грамоты и закона не имеют, обычаем скарественны, ко имепию не стяжательны, упадчивы и ленивы, диковаты. Оружие их: лук и стрелы, ездят на конях и скотом довольны. Кумиру платье делают от кож звериных и скотских. Рыбы же у них в скудости, дорогих зверей промышляют у жилищ в диких лесах по Каменю, в своей земле.

Грани же земли их: от усть Демьянки-реки вниз по Иртышу на Конду-реку, и по Конде вверх чрез Камень до Чердынского узду, и Чердынским до межи вотяков и черемисы и до Башкирския земли до камени Уралу на межи с татарами туралинскими или тобольскими.

В земле же их: город Верхотурье и город Пелым»⁸⁷.

В очерке «о татарских законах», придерживаясь единообразия в построении статей, С. У. Ремезов сообщает сведения о религии, одежде, грамоте, обрядах, молитвенном ритуале татар. Подчеркивается, что «егда переменялся древний чюдский народ босурманством, прежде кланялися и жряху жертвы кровавые кумиром, пришед же Кучум от Казачьи орды и дал им закон Магомета...» В заключение читаем: «еда их: ячмень вареной, сухая рыба и мяса кобыля и курмач. Похлебство имеют складынею, также и свадьбы. Оружие их: лук и стрелы, копя и сулемы. Ездят и зверуют на конях. Скотом не весьма изобильны, хлебом довольны и пахотными землями изобильны.

Грани же татарской земли: еже от Великия Тартарии и сии слыша Туралы от барабинских озер с калмыки и вниз по реке Иртышу, по реке Демьянке до ея устья с остяками Пегой орды сургутских и нарымских; оттуда чрез реку Иртыш вверх по реке Вачимке и сакмами на Тавду реку с вогуличи до Лабутинского городка. Из Лабутинского городка чрез Тавду до Епанчина на Туру, где ныне город Туринск стоит. И по Туре до усть Тагилу с вогуличи, и Тагилом же чрез Ницу и Исеть до башкир своих на Урал камень, и камнем копчагами до вершин Тоболу и Ишиму и Иртышу, и калмыков подле Калмыцкую Дербецкую землю. А в татарской земле четыре горо-

да: Тобольск, Тара, Тюмень и Туринск. Слобод же и острогов в последующие лета более семидесяти»⁸⁸.

Более подробны статья «Об остяках Пегие или Золотые орды» и выписка «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе..., о их свойстве и вере». Этнографическое описание каждой статьи завершается справкой географического характера о «межах» (или «гранях») земель. Ранее, когда исследователи не знали о существовании «Хорографической чертежной книги», они связывали географическую часть «Второго Ремезова» с его этнографическим чертежом 1700—1701 гг., считая тексты «о межах» описанием последнего⁸⁹. Но это предположение, кроме хронологического несоответствия, убедительно опровергается сопоставлением известий с чертежами первого атласа Сибири: во всех случаях содержание текста и данные чертежей совпадают полностью. Трудно сказать точно, но весьма вероятно, что «Описание о сибирских народах...» составлялось если не параллельно, то почти одновременно с «Хорографической книгой».

Изучение Черепановской летописи показывает, что структура этнографического сочинения С. У. Ремезова была более сложной, чем две группы известий, указанные нами вслед за А. И. Андреевым. Можно выделить еще две группы выписок. К третьей группе относятся статьи, касающиеся деятельности Ермака. И. Л. Черепанов, сличая показания источников о встрече бухарского каравана и походе Ермака из Ташаткалы к Атбашу, записал: «Ремезов объявляет, что Ермак для принятия каравана ехал до Агицкого городка, но под сим именем при реке Вагае ни о каком месте неизвестно, то лучше последовать прочим летописцам, в которых Адбаш, яко последнее место Ермакова пути описывается. В другом Ремезовом описании шли до речки Черной»⁹⁰. Становится ясным, что «Описание о сибирских народах...» содержало также сообщения о Ермаке. Но отличались ли они от соответствующих статей Ремезовской летописи? Касаясь «жития» Ермака, И. Л. Черепанов ограничивается изложением его по «первому» Ремезову и другим летописцам. Указанное выше разночтение ремезовских сочинений о Ермаке в Черепановской летописи является единственным, хотя при описании иных сюжетов тобольский историк добросовестно отмечает все расхождения источников. Видимо, текст «Описания о сибирских народах...» С. У. Ремезова в отно-

пении Ермака и Кучума был близок по содержанию соответствующим статьям Ремезовской летописи.

Отдельную группу статей Черепановской летописи составляют тексты без обозначения источника. Дважды И. Л. Черепанов приводит выдержки из сочинений С. У. Ремезова, но не указывает их автора. Несмотря на то, что тексты слегка перефразированы и модернизированы ученым ямщиком, они без труда могут быть отождествлены с двумя ремезовскими статьями, помещенными в «Служебной чертежной книге». В летопись под 1687 г. внесена статья, скомпонованная из трех частей: 1) начала статьи С. У. Ремезова «О грани и межах всей Сибири» («Тобольской град и Сибирь отстоит от среды мира — от града Иерусалима...»); 2) ее продолжения («Воздух над нами весел и в мерности здрав...»); 3) начала другой ремезовской статьи «Уподобление Сибирские страны» («Всякий град и страна изначала века...») ⁹¹

В другом месте под 1698 г. И. Л. Черепанов помещает извлечение из той же ремезовской работы «О грани и межах всей Сибири» («Починается же славная Сибирь...») ⁹². Представляется, что «Служебная книга» осталась И. Л. Черепанову неизвестной, так как она не названа им в числе использованных источников. Если это было действительно так, то обе ремезовские статьи входили в состав «Второго описания», откуда и заимствованы: автором — для атласа Сибири, И. Л. Черепановым — для летописи.

Не найденное до сих пор в целом виде, но известное по фрагментам в переложении «Описание о сибирских народах...» отражает важный этап творческой работы С. У. Ремезова по сбору и систематизации материалов, относящихся к этнографии, истории и географии Сибири. Хронологически этот период совпадает с картографическими работами по созданию первого географического атласа Сибири.

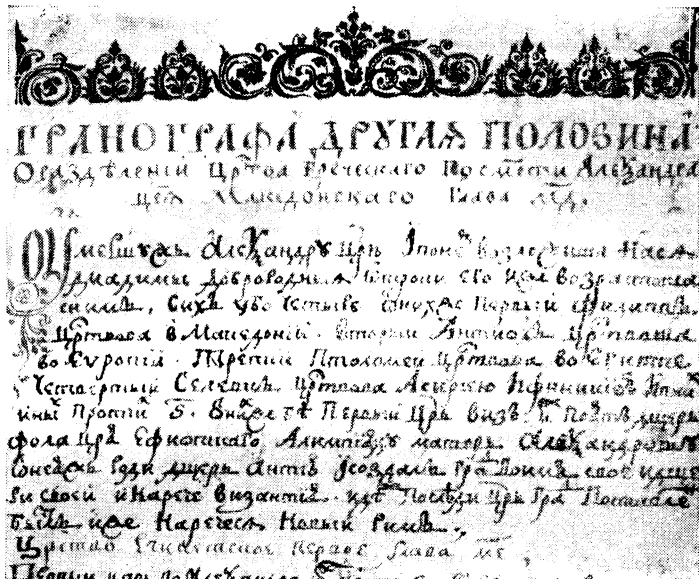
Ремезовский хронограф 80—90-х годов XVII в.

Документальные материалы XVII и первых двух десятилетий XVIII в. в Тобольском архиве, как известно, почти не сохранились ⁹³. Поэтому, предприняв поездку на родину сибирского ученого, я не мог рассчитывать на выявление новых источников. Тем более удивительной

оказалась находка в 1964 г. в отделе рукописей Государственного архива Тюменской области (Тобольск) ранее неизвестной рукописной книги, связанной с именем С. У. Ремезова⁹⁴.

Небольшую коллекцию рукописных сборников XVII—XVIII вв. Тобольского архива составили материалы, поступившие на государственное хранение в 1929—1930 гг. из тобольской духовной семинарии, епархиального древлехрамилища и Знаменского монастыря. Состав коллекции долгое время оставался малоизвестным и лишь после Великой Отечественной войны был кратко описан В. И. Малышевым⁹⁵. Но в перечне ничего не сказано об интересующей нас книге, хотя в разделе «Исторические произведения» отмечен ряд сборников, в той или иной степени повторяющих ее содержание: две летописные «Повести о взятии Царьграда» (№ 38 и 224), «Хождение Трифона Коробейникова» (№ 38), «Сказание о новом свете и Христофоре Колумбе» (№ 39), отрывки из русских сказаний о Иерусалиме (№ 29 и 237) и др. В архивном же «Списке рукописных книг Тобольского государственного архива по состоянию на 1 января 1948 г.» уже отмечен под № 83 «Хронограф. Рук., к. XVII в.»

Рукописный хронограф в кожаном переплете (16,4 × 20,8 см) отлично сохранился. На внутренней стороне переплета почерком середины XVIII в. имеется помета «Сия книга табольского мещенина», но фамилия владельца не указана. Позднее эта надпись была заклеена библиотечной этикеткой, частично сорванной. На втором (от переплета) чистом листе проставлен инвентарный номер (243/10), на обороте листа — «№ 51», на корешке переплета — бумажная наклейка с номером (209/10), поверх ее современная — «№ 83. XVII в.» По орнаменту сохранившейся части этикетки и характеру индексов (сопоставив их с книжным фондом библиотеки Тобольского музея) можно совершенно точно сказать, что рукопись в свое время была зарегистрирована и хранилась в Тобольской фундаментальной библиотеке духовной семинарии. Книга состоит из 168 пронумерованных листов (один лист между 107 и 108 ошибочно не занумерован). Названия и нумерация глав, а также подзаголовки выделены кинovarью. Прослеживающиеся филигранные бумаги — голова пута (л. 155, 156) и герб Амстердама (л. 1, 2, 3, 38) — позволяют датировать рукопись не ранее 80—90-х годов

Заглавный лист Ремезовского хронографа. Фрагмент
ГАТО, рукописи, № 83, л. 1

XVII в. Рукопись открывается 44-й главой «О разделении царства Греческого по смерти Александра царя македонскаго» и заканчивается главой 170 «Царство государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России». На первой странице, украшенной сверху орнаментом, указано название сборника: «Гранографа другая половина». Таким образом, найдена только вторая часть рукописи. Поскольку ее содержание и деление на главы очень близки к одному из сохранившихся хронографов, также разделенном на две части (с 44-й главы), тексты первой половины тобольской рукописи, видимо, могут быть восстановлены⁹⁶.

Список хронографа из Тобольска написан двумя почерками второй половины XVII в., причем один из них хорошо известен по многим автографам и безошибочно может быть определен как почерк С. У. Ремезова. Его рукой написаны окончание 47-й главы «Царство Египетское

граф; отличается от опубликованного И. Сахаровым, но повторяет вариант Столяровского списка¹⁰⁰. Здесь, несомненно, внимание С. У. Ремезова привлекли сообщения историко-географического характера о Грузинской, Кызылбашской и Турецкой землях, о вечно снежных Араратских горах и т. п. Большой интерес для историографии и филологических исследований представляет написанная С. У. Ремезовым историческая повесть «О взятии града Азова у турецких людей» (л. 163—165 об.), отличающаяся стилистическим своеобразием и иной редакцией распространенных вариантов сказаний об «Азовском сидении»¹⁰¹.

Несомненна связь Ремезовского хронографа с другими его произведениями. Хронограф, доведенный, так же как Столяровский список, до 1667 г., не содержит в отличие от последнего обширной «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи» (1668 г.)¹⁰². С. У. Ремезов справедливо считал более логичным включить «Ведомость...» в «Служебную чертежную книгу» в качестве детального описания к соответствующим чертежам. Рисунки-медальоны русских князей и царей из того же атласа, безусловно, являются иллюстрацией к русским известиям хронографа. Сведения этого обзора всемирной истории С. У. Ремезов использовал и при составлении «Истории Сибирской» (заметки о Константине Великом, Андрее Боголюбском, Дмитрии Донском, императоре Мануиле, царе Савории и др.).

Несмотря на то, что Ремезовский список хронографа в целом нельзя отнести к числу оригинальных произведений тобольского ученого, он заслуживает самого внимательного изучения. Имея самостоятельное историографическое значение, хронограф также свидетельствует о систематическом изучении С. У. Ремезовым не только русской, но и всемирной истории, расширяет наши представления о круге привлекаемых им источников. Последующим анализом, несомненно, можно будет установить влияние идейной направленности хронографа на мировоззрение сибирского географа. Наконец, в хронографе С. У. Ремезов впервые предстает перед нами как писатель-историк, создавший патриотическую повесть.

ТВОРЧЕСТВО С. У. РЕМЕЗОВА —
ЭТАП В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАРТОГРАФИИ
И ГЕОГРАФИИ СИБИРИ

Великие русские географические открытия в Сибири происходили в тот «новый период» русской истории, который, по определению В. И. Ленина, начинался примерно с XVII в. и характеризовался процессом складывания всероссийского рынка и зарождением буржуазных связей¹. Стремительное продвижение на восток и открытие огромной территории от Уральского хребта до Тихого океана носило государственный и вместе с тем народный характер. Проблема хозяйственного освоения Сибири была тесно связана с задачами ее всестороннего исследования, в первую очередь географического изучения. Если отдельные попытки научного исследования Сибири относятся к последней четверти XVII в., то начало систематического планомерного ее изучения положено географическими и особенно картографическими работами С. У. Ремезова. Его географическими атласами Сибири был подведен итог самобытному развитию русской картографии XVII в., так же как в свое время «Большой чертеж» отразил достижения русской культуры XVI в.

Наряду с высокой оценкой значения историко-географических произведений С. У. Ремезова в литературе с позиций современных научных требований иногда принижаются исторические заслуги провинциального деятеля науки и культуры XVII в. Так, описывая Екатерингофский дворец, Б. Федоров «приметил на стене вместо обоев большую на холсте карту, по-видимому, Азиатской России, писанную четко и в названиях уставными буквами; но на сей карте страны света поменялись местами наоборот: вверху море Индийское и песчаное, внизу север и Ледовитое море акиан, к западу Камчатка и царство Гилянское, на берегу Амура с курьезною надписью: „До сего

места: «Александр Македонский доходил; ружье спрятал, колокола оставил». Из сего видно, что карта писана для шутки и нередко подавала случай к смеху над незнающими положения отечества»². Надпись на карте С. У. Ремезова, служившая невежественным «знатокам» поводом для смеха, в наше время вдохновила историка М. И. Казанина на создание интересного и ценного исследования. М. И. Казанин правильно подчеркнул, что эта не совсем понятная надпись «послужила немалым основанием для компрометации труда тобольского картографа» и подтверждения мнения таких авторитетов, как А. Ф. Миддендорф и Л. Н. Майков, о «наивности» Ремезова, множестве «курьезов» в его работах и «детском состоянии нашей картографии»³. К ироническим замечаниям по поводу отысканных «курьезов» — о «реках толщиной в мизинец» или озерах в форме «цветка» или «картофелины» — присоединяются некоторые современные исследователи. П. Башмаков заметил, что Обская губа на карте С. У. Ремезова изображена в виде серпа месяца, а на узком длинном полуострове, рядом с восточным плечом Лены, нанесена надпись «камень конца не имать», и осуждающе заключил: «Насколько ошибочны были представления о берегах Ледовитого океана»⁴. Указывая на неточности, но не вскрывая причин, вызвавших их, можно легко прийти к необъективным оценкам. Конечно, современный читатель найдет в атласах С. У. Ремезова множество неверных представлений (сравнительно с современными). Но нельзя забывать слова В. И. Ленина по поводу заслуг исторических деятелей, которые судятся не по тому, что не дали, а по тому, что «они дали нового сравнительно со своими предшественниками»⁵. Поэтому о вкладе С. У. Ремезова в науку нельзя говорить прежде, чем не будут рассмотрены в первую очередь круг его географических представлений, привлекаемые источники и методы картографирования. Ни одна из указанных проблем специально не была изучена С. В. Бахрушиным, который тем не менее дал уничижительный отзыв «о домощенной учености» С. У. Ремезова, вместе с тем считая, что именно последний создал «вкратце ту же схему научного изучения Зауралья, которую впоследствии осуществил Миллер — собрание данных по географии, этнографии и истории...»⁶

Уже в период складывания централизованного Русского государства для изучения и обозрения его огромной территории возникла необходимость картирования всего государства. Этой цели отвечала составленная во второй половине XVI в. карта «Большой чертеж», не дошедшая до наших дней. Но и чертежи XVII в. дошли до нас в незначительном числе, хотя актовый материал этого периода содержит многочисленные известия о составлении чертежей служилыми людьми. Изготовление чертежей было государственным делом, что во многом определило исключительно деловой и практический характер развития русской картографии, свободной от фантастических и мифологических построений мировой картографии и активно способствовавшей разрешению административно-хозяйственных, военных и политических задач. К концу XVI и в XVII в. наметилась дифференциация чертежей в зависимости от их назначения — земельные, дорожно-путевые, военно-оперативные, обзорные и др. Условные обозначения этих различных групп были в основном однородными, с широким применением пояснительного текста. Границы, реки, дорожная сеть изображались в горизонтальной проекции, населенные пункты, горы, леса наносились перспективным или полуперспективным рисунком. Отсутствие общих инструкций по составлению карт отражалось на содержании и оформлении отдельных карт, но все же отклонения от выработанных обычаем условных знаков были незначительны. На чертежах обозначались основные элементы общегеографического характера: дороги, реки, озера, леса, горы, кусты, овраги, болота, населенные пункты (города, деревни, села, остроги и т. п.) с указанием числа дворов, расстояний между пунктами, монастыри, церкви, часовни, пашни, пустоши, сенокосы, колодцы, мосты, засеки, угодья и др. Одновременно начинают появляться и отдельные экономические показатели. Характерным признаком карт того периода было отсутствие масштаба и единой ориентации; к концу XVII в. начали создаваться реальные предпосылки (наличие картографических сеток на западноевропейских картах, увеличение областей картирования и вместе с тем увеличение количества условных обозначений) для последующего отделения и самостоятельного развития карт

и чертежей⁷. Самобытные образцы народного творчества — русские чертежи XVI—XVII вв. — были основными источниками для составления карт «Московии» западноевропейскими авторами (Б. Аньезе — 1525 г., А. Вид — 1542 г., С. Мюнстер — 1545 г., С. Герберштейн — 1546 г., Г. Геритс — 1613—1614 гг., И. Масса — 1633 г. и др.).

Вместе с присоединением Сибири шло интенсивное накопление знаний о неизведанных сибирских районах. Отчеты бесчисленных доездов, направляемых Сибирским приказом и местными воеводами, бесхитростные челобитные и пространные допесения служилых и торговых людей содержали первые описания «новых проведенных земель»: о расстояниях между населенными пунктами, о природе, населении, хозяйстве и т. п. Все чаще и чаще, особенно со второй половины XVII в. к описаниям прилагались чертежи — частные географические планы и карты. Такие земельные чертежи, охватывающие территорию небольших районов, составлял и дед Семена Ремезова — приказчик Нижней Ницынской слободы М. Л. Ремезов, и отец — стрелецкий сотник Ульян Мосеев. Умение изготовлять чертежи, находясь на «государевой» службе, перешло к С. У. Ремезову и его сыновьям. И если отсутствуют сведения о «школьном» периоде обучения С. У. Ремезова, зато можно сказать, что к концу 70-х — началу 80-х годов он обладал определенными навыками довольно опытного чертежника и художника, приступившего вскоре к созданию планов Тобольска 1684—1689 гг. и обзорной карты Сибири 1687 г.⁸ А. И. Андреев полагал, что картосоставительскому делу С. У. Ремезов обучался на практике и делал свои чертежи, «примеряясь» к образцам, имевшимся в тобольской приказной избе⁹. Конечно, творчество С. У. Ремезова опиралось на выработанные обычаем основные приемы русской картографии XVII в., но обучение картографа было гораздо основательнее, серьезнее и разностороннее, чем только «примерка» образцов приказной палаты.

На основании сохранившихся высказываний С. У. Ремезова нельзя, к сожалению, составить полного представления о его мировоззрении и научной эрудиции. Написанные им предисловия, посвящение, вводные статьи к чертежным книгам лишь в некоторой степени отражают его космологические и религиозные взгляды, картографические и географические познания, знакомство с цер-

ковной и светской литературой русских, украинских, польских, западноевропейских и античных авторов. Перед нами предстает образованный, начитанный, незаурядный исследователь XVII в., с интересом следящий за доступными ему материалами в области географии, картографии и истории, умело и творчески использующий приобретенные сведения. Например, удивительно тонко, без особых пояснений и без присущей ему иногда злой иронии С. У. Ремезов, заимствуя западноевропейский источник, сумел довольно наглядно показать успехи картографической изученности Сибири, а вместе с ними и свое мастерство. С этой целью неожиданно среди сибирских чертежей «Служебной книги» он поместил в копии «Чертеж описание древнее и маловедомо разных язык» (л. 22). Картуш карты сообщает другой заголовок на русском и польском языках: «Таблица или описание княжества Московского и государств, до него належащих, и с великими его окрестностями. *Mapá abo opisanie Ksiestwá Moskiewskiego y panstw do niego nalezacych, zewszыtkimi iego Okolicznosciami*». Карта схематична и изображает территорию от «синус Ливонский и Русский» до Китайского царства и от Черного моря до Печоры и Мезени. Сибирь показана до Оби. В северо-восточном углу нарисована «Злата баба». Намерения С. У. Ремезова раскрывает пояснительный текст: «Чертеж греческаго преводу согласие польским и латинским древле, сего ради зде в наличии положиися, яко немного Сибирская страна ведома была».

Источником копии, несомненно, явилась польская переработка карты 1546 г. С. Герберштейна¹⁰. Поместив карту в свой атлас, С. У. Ремезов как бы подталкивал читателя сравнить старинный иноземный чертеж, на котором Сибирь «немного... ведома была», с обзорными чертежами всей Сибири из того же атласа. Нетрудно убедиться в преимуществе последних — таков смысл заключения С. У. Ремезова: «В нынешних же летех, яко свет к дву кругом, третий открыся явственнаго по описанию ходу мерностей филозов московских и прочих».

Образное видение и мышление автора отчетливо выступают в нескольких аллегорических и символических рисунках, особенно ярко представлены историко-географической статьей «Уподобление Сибирские страны» (СК, л. 12). Эта статья открывается историко-топонимическими

параллелями о происхождении городов и стран: «Иерусалим с вышнего названия словес», Византия — от царя Виза, Москва — от имени праотца Мосоха, Казань — от царя Казана, «Сибирь от Сибири царя первоначального во стране с великаго холма Алафинских гор»¹¹. Подобные экскурсии имеются и в другой небольшой статье «Описание Сибири» из «Хорографической книги» (л. 9 об.). Тексты частично заимствованы С. У. Ремезовым, который пишет, что «Сибирские страны из древних лет в космографиях и историях и повестех многими именованы: высокий холм Любика, Великая Тартария, Борейская или Северная страна полю еже стени подложная. Разделение же бе Сибири древле на многие части до времени храбраго воина Ермака Тимофеева с дружиною храбрствовавшие, с божиею помощию одолевше и победивше и очистивше землю Сибирскаго царства... Сибирью до Ермака именуема по малой речке Сибирке, агаренски — Сибирса, толкуется словенски метла... По агареном зовома Тартария, словенски — великожителная под небесем и пространная студеная страна зверообразных людей» (ХК, л. 9 об.). Там же в следующей статье прослеживается происхождение названия Тобольска. Видимо, и «Уподобление Сибирские страны», и «Описание Сибири» являются отрывками начальных статей не найденного до сих пор историко-этнографического сочинения С. У. Ремезова, восстанавливаемого частично по Черепановской летописи.

В статье «Уподобление Сибирские страны» он констатирует, что «вся же наша преславная Сибирь от начала длины и ширины ни именована древле не знаема бе философы и не описана до нынешнаго лета» (первые историко-географические описания С. У. Ремезов закончил к середине 1698 г.) и «ныне же яве нам всячески открыся не точию лицем и подобием, но и внутреннею, еже длина и ширина и округлость вся».

Призванный воображением художника и географа образ мирного ангела сочетается с географической номенклатурой Сибири следующим образом: «Сердце и внутренняя во всем — Тобольско[й], Тюмень и Томско[й]; два рамена — два града в Тобольску — златорозрядный и Софьейской; десная рука с персты — угодные слободы с ествы; шуица с персты — Березов с подрабцы; правое с украины крыло — Тара от степи и Ямыш; шее крыло по Камени Пелым до Зеленчика, Ледоватый акиян чрез

устия Енисейское и Ленское; правая нога красный сапог — пространная слава Лена с жильем; шуяя с сапогом — сословие Мангазея с ясаком... Теплостная шуба — Колыма до гиляк; золотая одежда — Иркутской чрез Амур до Китай. Каменная стена и вострые рожки — на немирные вражды украинны с жили, воююще враги; опорная трость — Нерчинской... и недреманный караул — Красной яр и Кузнецк; булатный лук — сибирский нрав» (СК, л. 12) ¹².

Четко формулирована в статье «Описание Сибири» ее общая характеристика. Сибирь «славенороссийцы многими тысящами людей населена и преисполнена изобилна во здравии воздуха и ужиточных вод, богата рыбами и птицами, к питанию зверми и на одежду. Иноземцев же иноязычников с жилищи многие роды под пресловущим высокопрехвалным скифетром в службе и в дани безчисленно и неизчетно; в грозе покорены и немирные суть под страхом умирены» (ХК, л. 9 об.).

Религиозно-патриотическое превознесение России, Сибири и ее столицы, торжество православия над язычеством, христианско-просветительная миссия русских в Сибири — основные идеи исторических сочинений С. У. Ремезова ¹³. «Православно повсюду Россия жизненно сияет!..» (СК, л. 12), — восклицает он, а «яко ангел заочно служит богу, тако и сибирцы верно цареви враги воюют, своею кровию очистиша землю» (л. 12 об.). Откликается С. У. Ремезов и на местные политические события: «...ржа железная еже мздоимство, в Сибири велии вред от пришлых в городех» (л. 12); «яко ненавидима тьма свету, так тобольским уроженцем кривовертящаяся нравы» (л. 14 об.). Горячий приверженец научных знаний, радостно приветствуя реформы Петра, особенно в области просвещения, он сочинил своего рода гимн науке: «Ныне же возведем очеса наша мысленная и посмотрим разумным на вселенней видением и побеседуем душевным разсуждением ово смиряет бог за грехи, овых возносит, снабдевая, возвышая и распространяя; где Асирия боголюбивая, в ней же избранный град Иерусалим и Палестина достохвалная, из нея же изыде по плоти Христос и вси пророцы и апостоли, а все философы и хитрецы и снискатели и списатели козмографии стран и земель, градов, рек и украин и всяких див и вещей» («Предисловие до ласковаго читателя» — СК, л. 2). «Душам ж свет,— про-

должает С. У. Ремезов,— паче всякого света, умное божественное учение книжное твердо», затем излагает содержание петровского наказа 8 февраля 1696 г. ученикам, «посланным с Москвы в европейские государства за море для всякие хитрые науки». Заключая, он пишет: «И сие разумно есть в нашем християно-российском словесном учительном сонме, упражняющесе во учении сих и всяких вещей радительно без лености, яко на сих великородных зряще, и просточадцы работают философии, всяких наук употребляюще...»

Свои общие географические представления о Сибири С. У. Ремезов изложил в неопубликованной статье «О грани и межах всей Сибири». Основные мысли этого замечательного сочинения чрезвычайно важны не только для характеристики сибирского ученого, но и потому, что они воплощены в его главных картографических произведениях.

«О грани и межах всей Сибири

Тобольский град и Сибирь отстоит от среды мира от града Иерусалима в полунощи хладной страны, философски в части ребра северова * в степи, части на вселенней длины 90 градусов и в ширине 700 миль, под небесною планидою ☉ солнцем счастливою и красноцветущею, под размером зодияка от лва воздушнаго пояса ¹⁴.

Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен. Студен же ниже 100 верст ¹⁵. Изобилует паче теплоты и четыре времени в нашей стране, не яко же во Иерусалиме, теплота весны значит майя с 9 числа, жаркость лета июля с 13, в числех премена ☰ осени ноября во 3 в числех. Студен зимы генварь 1-х в числех.

Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми безценными ¹⁶. И торги, привозы и отвозы преволны. Рек великих и средних заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множество и ловитвенно. Руд, злата и серебра, меди, олова и свинцу, булату стали, красного железа и укладу и простова и всяких красок на шелки, и камней цветных много и от иноземцов скрыто, а сибиряном неразумно ¹⁷.

* «Ребро северово» — северная сторона.

Делитца же Сибирь на многие части в розмере воздуха к востоку, к полудни и западу; и вокруг всей высокие каменные горы, безводные пещаные и малопреходные степи и простые жаркие места. В полунощи же в море лды и стужи жестокие, а жителем удобны; по берегу же тундра и степи снежные. Изначала же Сибирь хладная часть и маложителна слыла; ныне же помалу распространися жителством до самого края Ледоватаго моря самого севернаго конца непроходимаго основания тверди каменной близ Северной Америки. Тут от моря дух смраден, и о сем Иаков звездочет агличанин, что под тою вершиною света собрание вод, островов и земель вкупе, яко, по ево слову, опрокинути земля ниц.

Облежит границу жилья и земли околных сосед вечное основание превысокий камень вокруг всю Сибирскую землю судьбами божиими устроися, яко стена или град тверд, верхи имуще, выше облак досягающе до небес, отделяюще Сибирь от орд высотой и широтою и малопреходством степи и моря и недоведомыми и непроходными пути.

Починается же славная Сибирь грань * с соседями от захождения средняго запада вокруг нас по обходу солища от вершин рек Тобола и Еика, от земель Дюрбетской, Копчашской, Нагайской впрямь с Уфюю и Кунгуром на Каму-реку, и Камою вверх по пределом Вятки, Хлынова, Кай городка и Чердыни на окиан море, и акианом праваго берега до Новой земли голанец и Ледоватым морем, минуя устия Оби, Енисея, Лены и Колымы, севером всем до восточных Камчедальских рек и Восточным морем до усть Амура-реки, и Амуром вверх до Китайскаго рубежа степных рек до средняго востока с Мунгальскою землею по вершинам рек Аргуни, Селенги, Енисея..., Бии и Катуни; вершина Парабели и Оми на великие озера Барабинские и Туралинские з Калмыцкою землею на полдень з Бушухтуханом тайшами и степными их реками до Абраева городка... на вершину Казачьи орды, Дарьи-реки и чрез пески Бурлуки на ту же Копчашскую и Нагайскую землю.

Окружение Сибири всея днями, неделями годичное время, а по смете верст недомыслимо, како где невпроходных многих местех путь неоднак: ово водою, ово же

* В рукописи: град.

горами, конми, еленми и лыжами и нартами и велбудами, вящее койми; малое же число воднаго пути прямого, все околишные и особоходные в различные грады и места всей Сибири в украинпах»¹⁸.

Таким образом, С. У. Ремезов в своем очерке «О грани и межах всей Сибири» довольно точно обрисовал достигнутые к концу XVII в. рубежи колонизации: на юге — предгорья Алтая и Саяна, степи в верховьях Иртыша и Ишима, на севере и востоке — побережье Ледовитого и Восточного океанов.

Не менее четко он определял практическую целесообразность, направленность и значение своих картографических работ. Он указывал, говоря о первом атласе, что «сия херографская чертежная книга сочинена царским повелением, недалече от свободных наук», и считал ее научным обоснованием следующие основные положения.

1) Главнейшее для «изографов» к «высокой науке склоняющесея в дело совершенной мудрости всесветной» — это владение искусством «знаменованя по церкилю»; 2) «Всем в науке [иметь] любезное советование и союз братский»; 3) «Познание розмеру: каков либо град основан и в каковом угодном месте в длину и ширину, и к нему описать подлежащие части градов и сел примером десятин и севу жита и прочее пристойство к городовому строению»; 4) «В сей науке мошно разумети отвесть земли жителю под селидьбу и учинить земле той чертежь с реками и з долами и с угоды самовидно к согласию писцовых книг и крепостей всяких»; 5) «Яко описание сея книги всяк видит свой отделной повинок земли, при каком-либо месте подробну в чертеже грани и межи»; 6) а «кто будет либо спорник в делах и хошет чрез свою чюжую землю за себя похитить, таковой соперник по сему узнаетца, что миропродавец и противник повелению цареву, хотя чюжное» (ХК, л. 5). Последняя мысль несколько раз повторяется во вводных статьях атласа: «...Сия служба (т. е. чертежи.— Л. Г.) надобна жителем и доброприятна и состоятельна бывает в спорных делех...» (ХК, л. 8).

* * *

Во вступительной статье к первому атласу С. У. Ремезов указал, что для его составления «употребляет многие книги»¹⁹ и «снискание чиних с древних греческих, ост-

рошских и латипских и неметских чертежей с печатных и письменных свидетельствованы многими философы и ритори, графографы и херографы про знание многовидно и многообразно» (ХК, л. 1 об.).

Особенно интересно это признание в связи с тем, что о профессиональном образовании С. У. Ремезова раньше судили по единственному и более позднему упоминанию о «фряжской» книге по архитектуре, полученной им в 1698 г. в Сибирском приказе. Неизвестно, где и как собирал и изучал чертежи из многих печатных и рукописных книг любознательный «снискатель», но, видимо, это были систематические поиски. Быть может, он, уже известный сибирский чертежник, находясь в 1690 г. в Москве, был допущен к занятиям над чертежным фондом Сибирского приказа или еще раньше (вплоть до 1676 г.) пользовался библиотекой знакомого своего отца — ссыльного Юрия Крижанича, затем имел доступ к рукописям и печатному собранию ризницы Софийского собора или просматривал книги, хранящиеся у воевод и митрополитов в Тобольске. Но так или иначе, в числе источников им упомянуты распространенные в то время в России исторические произведения — хронографы (летописцы) и географические описания отдельных районов — хорографы.

На протяжении всего XVII в. хронографы русской второй и третьей редакций во множестве списков дополнялись новейшими данными²⁰. Освещая события как русской, так и мировой истории, позднейшие переделки хронографов включают детальные историко-географические описания стран всего света, заимствованные из переводных космографий. Таким образом, С. У. Ремезову стали известны «Хроника» польского историка Мартина Бельского, обширные тексты атласов Ортелия, Г. Меркатора, И. Блеу. «Козмография сиречь размерение всея земли» составила пятую книгу хроники М. Бельского, переведенную в 1584 г. на русский язык и частично вошедшую в географическую компиляцию «Козмография в 76 главах». Часть известного труда Ортелия «Theatrum orbis terrarum» (1571 г.) также была переведена с польского языка: «Козмография сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменоване степенем во округах небесных»²¹. Лучшие мировые атласы становились достоянием русского читателя. В 1637 г. переводчики Посольского приказа Б. Лыков и И. Дорн осуществили пе-

ревод выдающегося произведения Г. Меркатора «Atlas sive Cosmographicae Meditationes de fabrica mundi et fabricati figura» (изд. 2-е, 1607 г.), известного под заглавием «Книга, глаголемая Космография сиречь всего света описание»²². В середине 50-х годов XVII в. Е. Славинецкий перевел фундаментальное 4-томное сочинение И. Блеу «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus» (1645 г.), но распространение получила только часть первого тома — «Позорище всея вселенная» (или в позднейших списках «Зерцало всея вселенная») ²³. В последние десятилетия XVII в. приобрела популярность краткая географическая компилятивная переработка «Избрание вкратце от книги, глаголемые Космография, еже глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних философов и преведена с римского языка на словенский»²⁴. Влияние подобной литературы заметно прослеживается в статьях С. У. Ремезова преимущественно общего вводного «теоретического» характера и менее всего — в практической работе, при создании конкретных картографических произведений. Там, где С. У. Ремезов размышляет, философствует, он охотно использует сведения, целые обороты, терминологию известных ему географических сочинений, часто перерабатывая их по своему вкусу. Собственно, и идея комплектования «Хорографической чертежной книги» навеяна знакомством с хорографами, хронографами и космографиями. Но при этом картографические произведения С. У. Ремезова вполне оригинальны и самобытны, здесь он полностью опирается на народное картографическое творчество.

При подготовке к географическому описанию Сибири особенно внимательно С. У. Ремезов изучал «хорографскую мудрость» или хорографию, т. е. ту часть географии, которая имела непосредственное отношение к его работам. В то время под хорографией обычно подразумевалось «описание частное некоей страны, яко же есть Испании, Италии, Германии и прочие, со всеми грады, селы, леса, горами и реками, в ней содержащимися, кроме взгляду стран порубежных или всея земли окружения»²⁵. Это определение Блеу С. У. Ремезов развил в статье «Хорография циркулю или чертеж земли», в которой поясняет, что «хорография гречески и латински и словенски ж являет описания земли в частех изряднейшее ея в лицах частей циркулем размером селения жилищ от града до

града коего либо имеется, и от села до села, и от стран до коей ж до страны, и между речик, и от реки до реки, и от урочища до коего ж до урочища учително, услужно и доброприятно» (СК, л. 3 об.— 4). «Надписание» первого атласа рифмованными строками передает восторженные мысли автора о хорографии и знаниях в целом:

«Книга, глаголемая хорография,
Любящими имать добронравие.
О баче никто ж в человецех совершенство получи,
Разве у кого сияет в сердца божественныя лучи,
Таковый может философию постигнути
И всякого учения в совершенство достигнути.
По моему убогому разуму и сие зритца благо,
Понежь писание всегда являет драго.
И сверх того ваша рачительная любовь да покрывает
И вся моя недоумения да закрывает.
Хорография именуется описание,
Держащими ея не мало хранение.
О нелюбящих и неходящих ничто ж будет речи,
Токмо вкратце претещи.
О сем философские разумы нас учат,
З завидливыми нахвално беседовати не велят.
Еже заткнувше уши, глаголати не подобает,
И зависть же и ненависть полезно осуждает;
Аще кто мне напрасно зазорен явится,
Таковый сам от разумных да посрамится...»

Занятия хорографией оставили в чертежных книгах С. У. Ремезова заметные следы, особенно четкие при обосновании им картографических приемов: пользование компасом и циркулем, применение масштабов. Статьи первого атласа «Матка путевая» и «О розмере» в несколько переработанном и дополненном виде были включены позднее в «Служебную чертежную книгу» (л. 2 об.— 4). Пояснительные тексты к рисункам компасных картушек (вторая из них с голландскими надписями) представляют собой, кроме описания, панегирик компасу и его свойствам: «Матка — деловой путь, вожей пешехотцев и морехотцев. Начало стоящий магнитной север до полудни, а с востоку до западу знай путь по ветром и меж ими 32 ветра прилучаем шествующе чрез воды, камень и лесы мало-

проходные, в темные и туманные дни. Но и в темноте шествующе по матке знающая незаблудни суть, понеже разумеюще течение часов солнца, луны и звезд философски»²⁶. Но компас с 32 румбами пужен не только путешествующему по суше и морю. Не менее важен он и для картографа, который должен на чертежах «писать течение по ветром... рек, с коего любо ветра и на кои любо пали и текут, и в коем места ветра стоит каков любо град и острог, село и погост и деревня, волость. Знающе течение рек по ветром и постановлении в розмере селидьб и жилищ, да незаблудни будем, показующе в написании разумно течение». Измерению расстояний на чертежах, умению пользоваться циркулем и масштабом при картосоставительских работах посвящена статья «О розмере» или «Мильлиариа». В ней под изображением раскрытого циркуля, между ножками которого вычерчена шкала линейного масштаба, помещен текст, над циркулем надпись: «Великое число цыфирное опако и против сего вдесятеро». В объяснительной записке С. У. Ремезов пишет: «Церкиль, сиречь указательный розмер херографии древних мудрецов. Сим церкилем (руски — кружалом) размеривающе философски. Описание херографии, гречески розмер козмографии, под небесем стран в долготе и в широте земли, яко ж и по ветром матки между границ ветрянныи и пяти кругом воздуха, хлада и теплоты разстояние пути от восток четырех и запад, по топографии городов стоянии селидьб и жилищ, различные части и вежди меряется верстами, аршины, сажени, десятины, стадии, мили и левгуи...» (ХК, л. 9; СК, л. 4). Приведенные примеры подтверждают догадку Т. И. Райнова о знакомстве С. У. Ремезова с элементарным математическим обоснованием построения карт и другими картографическими приемами, свидетельствуют о прогрессивном значении его попыток применения этих методов в практической работе²⁷.

Церковно-догматические воззрения верующего человека причудливо сочетаются у С. У. Ремезова с описанием системы мира, пришедшим вместе с космографиями. В соответствии с аристотелевой натурфилософией он помещает на рисунке «Гербуцы» четыре фигуры, олицетворяющие четыре стихии (элемента): огонь, воздух, землю и воду, а на плане Тобольска — пять «качеств»: хлад, мерной, хморкой, жаркой, пламенной (ХК, л. 8—8 об.).

В статье «О размере» также есть упоминание о «пяти кругом воздуха, хлада и теплоты». По космографиям Ортелия, Меркатора и Блеу С. У. Ремезов излагает идею о шарообразности земли, приводит данные о ее размерах, о широте и долготе, о мировых географических открытиях. Помещая карту мира или «круги вселенные в познании херографии», он поясняет, что «се являет два круга всеа земли положение и в лица изрядных ея частей родне явленных, каковы суть страны и царства, и славнейшие грады, моря, реки и на мория острова к положению еже отвьсуду со окруженным небом и еже некоего града села и вежи или иные частицы, еже и малых вещей совершение». Цитируемый отрывок почти дословно совпадает с определением термина «география» из первой главы «Зеркала всея вселенная»²⁸. «Весь круг земный,— продолжает С. У. Ремезов,— елико очем нашим в зрении округлый в 360 градусех, а есть четвероугольной от востока до запада по 90 степеней...» (ХК, л. 2 об.). Представления тобольского ученого о частях света также не выходят за пределы космографических понятий. Он упоминает о «ветхом свете» (Европа, Азия, Африка), «новой части» (Америка), об «магеланники неведомой и доднесь и коя не имать брега». Обозначая третью часть света «под полуднем terra устралис магалляник», С. У. Ремезов следует географической номенклатуре Г. Меркатора, по которой первой частью был старый свет, второй — Америка, третьей — «террам устралом, еже речется полуденная земля, иже нарицается моголаника»²⁹. Из этого же источника заимствованы размеры земли: «И около всего земного кругу 5400 немецких милей, а талинских же 20601, так древние философи написаша».

С. У. Ремезов неоднократно упоминает о своих архивных изысканиях («в приказной полате из книг выписано...» — СК, л. 24; «в Сибирском приказе выписано» — СК, л. 37) и использовании географических сводок. Едва ли не самое раннее из географических сочинений, которое стало известно С. У. Ремезову и, по его словам, «доднесь в Тобольску у снискателей носится», было описание доезда Ивана Петрова и Бурнаша Ялышева в 1567 г. «для проведывания земель соседских царств и язык»³⁰. Позднейшими исследованиями установлена малая вероятность посылки «преж Ермакова взятия Сибири» двух казацких атаманов, скорее всего рассказ об этом путешествии дол-

жен быть приписан томскому казаку И. Петлину и датирован 1618—1619 гг.³¹ Хорошо был знаком С. У. Ремезов с географическими работами, которые проводились при П. И. Годунове. Он сам вписал полный текст «Ведомости о Китайском государстве» в «Служебную чертежную книгу» (л. 111, 112 об., 113—114 об.), а чертеж 1667 г. называл первым чертежным описанием Сибири (ЧК, л. 2 об.). Оригинал чертежного описания 1667 г., которое было известно по неисправным копиям, найден Н. Н. Оглоблиным, но опубликован нами только в 1962 г.³²

Окладная книга 1697 г. (сводное описание Сибири) стала известна С. У. Ремезову во время пребывания в Москве в 1698 г. при рассмотрении проекта строительства Тобольска. Для утверждения сметы Сибирский приказ привлек дополнительные материалы, всесторонне характеризующие город с уездом. К «рописи» С. У. Ремезова были присоединены обширные выписки со сведениями о населенных пунктах, о числе жителей в Тобольске и уезде из окладной книги 7205 г., «розборной» книги 7198 г., из перечня («а слобод в Тобольску по имянном»), а также географическое описание, бывшее в «Тобольском чертеже, каков прислал ис Тобольска преосвященный Игнатий митрополит сибирский и тобольский в 205-м году»³³. Окладная книга 1697 г., хранящаяся в Государственном историческом музее, содержит следующие материалы: 1) история покорения Сибири; 2) географическое описание Сибири и пограничных земель; 3) описание сибирских городов³⁴. Факт знакомства С. У. Ремезова с окладной книгой объясняет попутно один из неясных вопросов. До сих пор казалось странным, что он нигде не упоминает ни об общем чертеже Сибири, ни о чертежном описании 7181 г.³⁵ Однако в окладной книге 1697 г. дан «Список с чертежа Сибирския земли» 7181 г., и, стало быть, этот источник также был известен тобольскому географу³⁶. Необходимо отметить настойчивые, энергичные и систематические поиски архивных материалов, привлечение которых для работы, судя по их обилию, С. У. Ремезов считал обязательным. Несмотря на противодействие местных властей в Кунгуре, он добился выдачи переписных и писцовых книг «письма и меры» Михаила Корсакова 7132 г. и выполнял новые чертежи «против прежних писцовых книг» (СК, л. 66, 68). В архиве Сибирского приказа в 1698 г. он работал и делал выписки из многих рукописей, в том числе из окладных

(7147 и 7204 гг.) и «розборных» (7188 и 7197 гг.) книг, переписного тобольского сметного списка 7204 г. и др.

Для составления карт атласов С. У. Ремезов привлекал значительный материал, содержащий статистические сведения и результаты измерения расстояний. Статистические сведения им заимствованы главным образом из проводившихся описаний земель, переписи населения и учетных данных распределения служилых людей по уездам. В «Хорографическую книгу» включены выписки из «Сметы острогам и слободам» Тобольского уезда 1683—1684 гг. с перечислением числа драгун, беломестных казаков, крестьян, количества и видов оружия (л. 161 об.; ЧК, л. 3); использованы данные тобольских писцовых книг 1680—1682 гг. Льва Поскочина³⁷. Обширные записи по итогам переписи Тобольского уезда сделаны С. У. Ремезовым в «Служебной книге» (л. 34—36 об., 40—44). Из переписной книги выписаны цифровые данные о числе дворов отдельно по категориям: духовного чина, чиновных людей, конного строя, пехоты, посадских, бобылей, крестьян и т. д.; о населении (отдельно мужского и женского пола); приведен «большой перечень» татарских и бухарских юрт, «самой большой перечень всех сибирцов», «ведение краткое Тобольску дворам». Группирование статистических сведений проведено по 57 слободам, по рекам; даны общие итоги («обоего мужска полу и женска русских людей и иноземцев 153 193 человека»).

При всем несовершенстве методов измерения расстояний в XVII в. последние прежде всего имели чрезвычайно важное справочное значение. В доезде Д. Я. Меина особо выделены «дороги от Тобольска до конечных слобод, что числом по мере верст для вестовых скорых посылок» (СК, л. 54 об.). Кроме того, расстояния между населенными пунктами, длина рек и другие «меры» явились существенным элементом для построения карт. Отсутствие масштабов большинства русских чертежей в некоторой степени компенсировалось подробными пояснительными надписями или отдельными чертежными описаниями, содержание которых сводилось преимущественно к перечислению измеренных расстояний. Например, «От Якуцкого города до усть Алдану-реки водою судном плыть 4 сутки. А вверх по Алдану конем до Амчи-речки 4 дни ездут...» (СК, л. 95); «От устья реки Абакану до Саянскаго камня сухим путем летним наскоро 3 дни» (СК, л. 87) и т. п. Указанные в

разных единицах измерения (время, мера длины) пути («ход», «езда») различаются в зависимости от времени года, вида и скорости передвижения: летний, зимний; пеший, конный, сухой; водяной — скорый, средний, тяжелый (легкие струги или «водою палехке», дощаники с грузом, вверх или вниз по течению) ³⁸. В статье «Мильлярная розмерная» С. У. Ремезов приравнивает «ход... бывальцов на два дни 75 верст средняго ходу. А буде имеется скорой ход конем и водою, и того положить на день 75 верст. А буде имеется самой тихой ход, и того ходу положено на день 15 верст» (СК, л. 3 об.). Кроме официальных географических справочников типа дорожников или поверстных книг, сведения о расстояниях С. У. Ремезов мог почерпнуть из многих описаний и «ведомостей» ³⁹. Так, В. М. Небольсин, «сдучи к Тобольску тележным путем» из Москвы, привел в верстах расстояния между населенными пунктами, сообщил о перевозах через реки, «о камнях» ⁴⁰. В другом описании дан перечень, «колико имеется расстояния от Тобольска водяным путем до Иркутска по рекам, вниз по Иртышу и по Обе вверх...» ⁴¹. В 1795 г. по челобитью верхотурских, туринских, тюменских, демьянских и самаровских ямщиков «посыланы ис Тобольска были в те города и ямы для меры верст тобольские дети боярские и подьячие и выборные целовальники... А у тех верст у меры были тоболянин Борис Черницын, подьячий Иван Мыльников вниз Иртыша-реки до Сургута; сын боярской Любим Зайцев, подьячий Андрей Завьялов мерил от Тобольска до Соли Камской» ⁴². В «Чертежной книге» приведены результаты работы Л. Зайцева, который 16 июня 1687 г. «мерял государевой печатной саженью, клал в версту по 1000 сажен»: Тобольск — Тюмень 110 верст; Тюмень — Туринск 74 версты 800 сажен; Туринск — Верхотурье 94 версты 400 сажен; Верхотурье — Соль Камская 123 версты; Верхотурье — Пелым 95 верст. Тогда же Б. Черницын «мерял рекою, а не напрямь»: Тобольск — Демьянский ям 122 версты 800 сажен; Демьянский — Самаровский ям 142 версты; Самаровский — Сургут 134 версты 700 сажен; Самаровский — Сухоруковы юрты 50 верст. Всего 449 верст 500 сажен. Результаты измерений 1683—1684 гг., позднее дополнив новыми показателями, С. У. Ремезов широко использовал для чертежей «Хорографической» и «Чертежной» книг. Первоначальная «Роспись Тобольского уезду слободам, что от Тобольска до слобод и меж слободами

верст и на которых реках слободы поселены...» 1683 г. содержала сеть измеренных «сухим путем» и речных маршрутов по Тоболу, Исети, Миассу, Пышме, Нице, Туре, Иртышу⁴³. Под общим заголовком «Смета людем и острогам и слободам в 1684 г.» к росписи 1683 г. в «Хорографической книге» присоединена «Смета людем и жилью и ружью». Эти измерения и статистические данные легли в основу ремезовского чертежа 1 марта 1684 г. (ХК, л. 162). К «Чертежной книге» также приложена «Роспись верстам ходу от Тобольска города во все стороны, писана по мере и по смете Тобольского уезду и всех сибирских городов». Начало этой росписи («от Тобольска вверх по Тоболу-реке сухим путем до Долгого Яру 30 верст...») и данные по слободам те же, что в росписи 1683 г. и в «смете» 1684 г., исключены только сведения о численности населения и вооружении, но добавлен новый раздел «От Тобольска городами сухим путем» (ЧК, л. 43). В последнем расстоянии даны для маршрутов: Тобольск — Тара — Красноярск — Братск — Селенгинск — Нерчинск — Албазин — Китайское царство; Тобольск — вершина Яика — Каспийское море; от Албазина по Амуру до моря.

При отсутствии точных измерений и математического обоснования чертежей измеренные речные и сухопутные маршруты вместе с детально изученной речной сетью составили главный фундамент построения карт С. У. Ремезовым.

Наиболее массовым источником для географа явились земельные доезды, итоговыми документами которых, как правило, были частные описания и чертежи. Например, посланные «для пополнения... десятинной пашни» томский казачий голова О. Качанов с товарищами «ездили вверх по Обе-реке на речки Аяш и на Имреву и подали... за своими руками доезд и чертеж тем новоописным землям...»⁴⁴ В отписке красноярского воеводы Я. Бейтона о выполнении указа, полученного 18 ноября 1697 г., сообщаются сведения об «иркутской посылке» подьячего А. Собакина для разведки «сухим путем» дорог. К отчету прилагалась «Роспись рекам и малым речкам от Красноярска, Канского и до Удинского и до Балаганского и до Иркутского», содержащая описание «всяким угодыям, где лес и горы, и реки, и переправы, и теми местами ясашные ль люди живут или какие иные иноземцы»⁴⁵. Географические известия часто содержат и показания служилых людей, под-

вергавшихся по различным поводам допросам в приказных избах. Характерным примером являются показания казаков о своих поездках: «От Иркутска-де до Удинска зимним путем ездю налехке три дни. А от Удинска до Селенгинска день. Да от Удинска ж до Итанцинского зимовья 15 верст. А от Нерчинска-де до того Итанцынского зимовья и до брацких людей ездю налехке две недели, а тяжелою ездою недели три и четыре. А от Итанцынского зимовья до Ильинского острогу 5 верст. А от Ильинского до Кабанского острогу верст з 20. А от Кабанского острогу за Селенгу-реку на Кударинскую степь до нерчинских ясачных брацких мужиков с версту. А с Кударинской степи за море на Ольхон остров зимним путем ездю налехке день. А Ольхона-де острова сколько длиннику и поперешнику того-де они не ведают, для того, что-де они никто на том острове не бывали. А прежде сего на том Ольхоне острове кочевали они, брацкие люди. И те кочевные места их породные. И стояли-де они на том острове во множестве. А ныне на том Ольхоне острове тех брацких людей кочует малое число»⁴⁶. Подобные сведения, уточненные администрацией на местах, лежат в основе «городовых» карт, которые служили оригиналами для ремезовских атласов и исходным первичным материалом для обзорных карт Сибири.

Другим источником для сбора географических сведений служили военно-рекогносцировочные доезды и описания военных операций. «Чертеж опасной града Тобольска» составлен С. У. Ремезовым с использованием данных доезда «станишников до памятной вагайской сосны... что ездю конем вокруг опаснаго городского места дней и по смете верст, и с которою сторону под город приход, и кои залегли крепости рек и озер и болот» (СК, л. 26 об.). Доезды драгунского полковника Д. Я. Меина «по Тобольным и Мияским слободам» в 1700 г. отражают чертежи и «Роспись... слободам, угодные к селидбе драгунским ротам» с краткой характеристикой слобод: Усть Миасской, Окуневской, Чумлянской, Утяцкой, Царекурганской, Белоярской, Иковской, Белоозерской, Усть Суерской, Суерской, Верх Суерской, Акизятской, Емуртлинской (СК, л. 53—56). Одной из задач доезда были осмотр и опись «круг тех слобод, какие подошли реки или озера и леса, и есть ли в тех слободах пашенные земли и сенные покосы и иные какие угодья». Например, об избранной для размещения драгун местности вокруг Окуневской слободы сообщается: «Па-

хотные земли по обе стороны по увалом Миясу-реки вверх до межи Воскресенского села до речек Окуневки и Красульки на 8 верст. А вниз с Усть Мияское до межеваго логу на 11 верст. И в тех гранях по Миясу и по рекам в лугах и в паволоках санных покосов не скудно, а рыбных ловель в той слободе три речки и восемь озер и на строение Илецкой бор верст на пятнатцать. А от Окуневские до Воскресенского села мерою 17 верст 250 сажен» (СК, л. 53). Сохранились описание и чертежи по маршруту доезда Л. И. Парфеньева: Исецкий острог — Шадринская слобода — р. Миасс — р. Синара — Чумлянская слобода (СК, л. 44 об.— 48).

Исследуя результаты доездов, использованные С. У. Ремезовым, удалось попутно установить новое в истории картографии имя ранее неизвестного картографа, чьи чертежи были помещены в «Хорографическую» и «Служебную» книги, и решить одну из многочисленных загадок атласов. Как известно, среди утерянных 15 чертежей «Служебной чертежной книги» находится указанный в оглавлении (глава 37) «Чертеж досзду Христофора немчина крайним слободам от приходу воровских воинских людей. Лист 41». При описании атласа А. И. Андреев только констатировал отсутствие чертежа, а Л. С. Багров, отмечая недостаточную изученность нового источника, в качестве примера указал на то, что «было бы интересно узнать, кто был Христофор немчин»⁴⁷. В «росписи отпискам» тобольского воеводы А. Ф. Нарышкина, полученной Москвой 13 сентября 1697 г., значится «отписка о посылке ис Тобольска иноземца Христофора Леинфельта для осмотру Тобольского и Верхотурского уездов острогов и слобод»⁴⁸. Во второй росписи, привезенной в Сибирский приказ 24 января 1698 г., показана «отписка о посылке из Тобольска чертежа, что по грамоте великого государя посылан был ис Тобольска Тобольского и Верхотурского уездов во остроги и слободы иноземец Христофор Левенфельт»⁴⁹. Сведения о доезде и истории создания карты изложены в отписках воеводы⁵⁰. По царской грамоте 1 июня 1697 г., А. Ф. Нарышкин получил предписание послать из Тобольска в слободы и остроги Тобольского и Верхотурского уездов «из ссыльных иноземцев Христофора Левенфельта или кого пристойно» и с ним тобольского сына боярского, подьячего и 20 служилых людей. Отряду были поставлены задачи: осмотреть остроги и слободы, «где приход бывает воинских

людей Казачьи орды», наметить мероприятия по укреплению населенных мест, составить описание и «зделать чертеж, на сколько сажень того будет и какими людьми пристойно делать». 14 июля 1697 г. Х. Левенфельт выехал из Тобольска в сопровождении сына боярского И. Видмана, подьячего И. Сумороцкого и 20 служилых людей, а вернувшись 3 октября 1697 г., подал в приказную палату «Тобольского и Верхотурского уездов острогам и слободам чертеж писан на холсте и опись за рукою, да тетрадь немецким письмом». По сообщению воеводы, чертеж, опись и тетрадь вместе с отпиской были высланы в Москву 5 декабря «через почту». Сохранились результаты доезда в виде кратких характеристик 16 осмотренных слобод⁵¹. Отчет содержит одну интересную подробность: в поездке и «досмотре» принимал участие тюменский иконник Максим Стрекаловский. Привлечение иконника к работе военного отряда вполне объяснимо. По традиции, сложившейся в практической картографии XVII в. и особенно в Сибири, на иконников как специалистов, причастных к «художеству», обычно возлагались картосоставительские работы. Так, красноярский воевода Я. Бейтон, получив отчет о посылке А. Собакина в 1698 г., «велел в Красноярску против описной росписи написать иконником с подлинною очискою на полотне чертеж»⁵². Напомню, что и С. У. Ремезов в переписной книге значится иконником.

В специальной историко-картографической литературе никаких упоминаний о Стрекаловском не найдено. Основные сведения о провинциальном иконнике доставила его челобитная 30 июня 1708 г.⁵³ В ней тюменский сын боярский Максим Федоров сын Стрекаловский, обращаясь с просьбой об увеличении оклада, вкратце описал свою деятельность. Выполняя «всякие службы: конные и степные, и береговые, и нартенные», он получал годовой оклад в размере 7 рублей, по 7 четвертей ржи и овса, 2 пуда соли. Челобитник выделяет свои картографические занятия «для... государских дел и межеванья и чертежу по городом и по всем слободам, и на Ишим-реку с полковником з Давыдом Меином и с Христофором Левентом, и с ыными дворяны и з дети боярскими был и чертежи... писал. И те чертежи и поныне на Москве». Сообщая далее о судьбе своих шести сыновей, из которых один был убит в Польше, другой — «взят в полон к саксонскому королю», а четверо «на Тюмени ни в какой чин не поверстаны», М. Стре-

каловский подчеркивает тяжелое материальное положение семьи: «и служба и работая, раб ваш оскудал и одолжал великими и неоткупными долгами». Рассмотрение в октябре 1708 г. челобитья Стрекаловского завершилось решением прибавить ему 3 рубля за «отца и сродников, и за ево службы, и за убиственную смерть, и за полонное терпение детей ево, и всяких посылок, и за чертежное письмо...» Видимо, картографическая деятельность Стрекаловского была хорошо известна в Сибирском приказе, поскольку ее относили к числу «государевых» служб. Таким образом, решена одна из загадок атласа С. У. Ремезова — установлено возможное содержание утерянного чертежа по доезду Христофора немчина (Левенфельта), а в истории картографии появилось новое, ранее неизвестное имя сибирского картографа XVII в. из Тюмени. Но сохранился ли чертеж, составленный М. Стрекаловским в 1697 г.? В оглавлении второго раздела «Хорографической книги» наиболее близким по тематике оказался «Чертеж от приходу степи воинских людей учинить крепости» (глава 70). Там же на обороте л. 165 находим «Чертеж Тобольского и Верхотурскаго уездов писан нынешнаго 205-го году (1696/97 г. — Л. Г.), как оттоле воровских казаков приход и от которого острогу, и то написано в книге». Карта довольно схематична, но в целом ее содержание отражает исполнение поручений, возложенных на отряд Христофора Левенфельта. Территория, охваченная рамками чертежа, находится между Верхотурьем и Тобольском, Туринском и р. Миасс. Показаны: Уральский хребет, города и слободы, речная сеть и озера. В левом верхнем углу помещена врезка с текстом: «К сей таблице зри о воинских людех, что у них ружья разных боев», далее отмечаются положительные качества русских служилых людей: «...разумны, сердцем рьяны. А на деле воровых людей в полон берут и... хлеб на полях не портют». Приводятся сведения о размерах оригинала карты, который был изготовлен на холсте «длиною полотно 3 аршины без вершка, поперег 2 аршин без двух вершков; паймы вокруг по полупяти вершка, в средине чертеж», т. е. формат холста 209 × 133 см, чертежа — 169 × 93,3 см. Нарисована шкала линейного масштаба — «сто старых верст» и даны результаты измерений изображенного района: «длинник же сего чертежа от Тобольска до Верхотурья 610 верст, поперег до Тобольной степи 330 верст». Зная приведенные показатели и прирав-

нивая: «старую» путевую версту к 500 сажням, нетрудно определить приближенный (средний) масштаб оригинала чертежа около 1 : 375 000. Но чертеж М. Стрекаловского, помещенный в «Хорографической книге», оказался не единственным сохранившимся его картографическим произведением. Вторая копия с надписями на немецком языке выявлена в коллекции Д. Г. Мессершмидта, который сделал ее по ремезовскому атласу в 1720 г.⁵⁴ В «Служебной чертежной книге» помещены два чертежа слобод по доезду драгунского полковника Д. Я. Меина, что является графическим подтверждением сообщения тюменского иконника о его поездках на Ишим и об изготовлении им чертежей по доезду⁵⁵.

Особенно часто и охотно С. У. Ремезов прибегал к помощи сведущих людей, чьи «скаска» занимают видное место среди источников. Расспросы местных жителей, путешественников и других категорий населения он считал во всех случаях обязательными в своей работе, поскольку они, с одной стороны, уточняли и дополняли его собственные съемки и описания, с другой — сообщали новые, неизвестные ранее географические сведения. Приступив к составлению чертежа «Часть Сибири...», С. У. Ремезов во время поездки по Тобольскому уезду «допрашивал и описал по всем слободам старожилы, бывальцов и ведомцов про всякие урочища, остроги и волости» (СК, л. 28). Он особенно нуждался «в свидении многих писцов, памятливых старожилы, бывальцов в непроходимых местех и каменех безводных, на степех и на морех, по различным землям подлежащих жительств языков» (ЧК, л. 5; ХК, л. 1). Показания «таковых многих достоверных свидетельств» о «прежде мало ведомых» землях, т. е. сведения о труднодоступных и неизученных районах Сибири, о ее далеких окраинах и порубежной территории, также были получены путем опросов. Такие, например, подробности на чертеже «Море Мангазейское», как «снасть лежит» или «розбило кочи» (ХК, л. 115), могли быть нанесены только самим очевидцем либо с его слов. Конечно, получаемые сведения обладали различной степенью достоверности и точности. Но, как давно отмечено, практические знания природных условий, способность правильно ориентироваться, например, в тайге, отличная географическая память сибирских аборигенов позволяли при отсутствии других источников с успехом использовать их свидетельства. Мно-

гие из сибирских народностей отличались способностью переносить свои топографические познания на своеобразные карты, ориентируясь по местной гидрографической сети⁵⁶. Для выполнения заданий указа 16 апреля 1696 г. С. У. Ремезов «вверх по Тоболу ездил и описал» и, привлекая широкий круг «знатцев», «дальные степи по допросу написал», «от Тобольска про дороги всяких чинов людей, старожил, ведомцов, бывалцов, выходцов и полоняников, русских и иноземцов, бухар и татар и калмыков с 7204-го году и по нынешней, 7205-й год, спрашивая, выведывая и описывая остроги и слободы, и деревни, и ясажные волости, и немирных владельцев земли и всякие урочища, реки, речки и озера, и меж ими расстояние пути конями и водою...» (ХК, л. 1; ЧК, л. 41). Известны имена служилых людей, которые побывали в разное время в Казачьей орде у Тевкихана и по указу 14 февраля 1697 г. были допрошены в приказной палате: тобольские дети боярские Ф. Скибин, В. Кобяков, конные казаки А. Алемасов, М. Трошин, П. Михайлов, Ф. Моисеев, Л. Серебряков, толмач Б. Неустроев, пристав Ф. Ленев, «полоненники» А. Щепоткин и Я. Уфинец, новокрещенные калмыки К. Алексеев, И. Григорьев, «бухаретин» Тюлюк-бай, тобольские татары Юлюк Шаманаев, Таушко Мергень, Анпк Чичерев⁵⁷. С. У. Ремезову стали известны все эти показания, быть может, и несколько ранее официального допроса, так же как и «скаска» крестьянина Л. Ушакова о пребывании в плену с 7201 г. или рассказы В. Кобякова о поездке с Андреем Неприпасовым в 1692 г. к Тевкихану, о походе В. П. Шульгина 1693 г., «Роспись городков Казачьей орды по пути от Тобольска до Туркестана» Ф. Скибина 1696 г. и др.⁵⁸ Его интересовали «немирных владельцев земли и всякие урочища, реки, речки и озера, и каменные горы, и пески, и меж ими расстояние пути ходу конями и водою чрез Адбашской острог, от Тобольска по Вагаю-реке и волоком чрез Илезские болота, и по Ишиму, и чрез Ишим до верхних бродов, по обоним сторонам рек Вагаю и Ишиму, и вверх по Тоболу слободами, и Башкирскою дорогою по вершинам рек Алабуги, Караталов и Торгаев чрез Камень, Каменем и степью до Казачьи орды на Сырт-реку до города Тевтиханова Туркустана... и до которого урочища сколько ходу» (ЧК, л. 41). Полученные сведения легли в основу чертежей «Хорографической книги»: «Вершина Ишиму. Степь написана с урочищи»,

«Степь, Казачья орда, Бухаря», «Еик с урочищи» (л. 112—114). С. У. Ремезов неоднократно подчеркивал, что он «дальные степи по допросу написал» (ХК, л. 27). Особенно полно данные допросов отражены на «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (ЧК, л. 20), имеющем другое название — «Чертеж всех с камней потоки рек имени паличия, снискательно бывалцы и уроженцы» (СК, л. 51 об.— 52). На карте 1697 г., составленной, как указывает последний заголовок, на основании расспросов, кроме других показателей, изображены: «дорога Андрея Непринасова в Орду», «караул полковой 203-го году», место, где «убит Шульгин с ратными», озеро Тенискуль «покинуты телеги», «древо соксоуль» и иные данные, нанесенные, безусловно, со слов очевидцев и в большинстве случаев текстуально совпадающие с их известиями.

Собирая материалы для составления карты северной части России, С. У. Ремезов «вновь допрашивал всяких разных чинов русских людей и иноземцов, иностранных жителей, пришельцов в Тобольск, старожилов, уроженцов, памятливых бывальцов, казанцов, уфимцов, пермяков, усольцов, хеврольцов, яренчан, устюжан, мезенцов, колмогорцов, корельцов, пинежан, новгородцов, пословно выпрашивая меру земли и расстояние пути городов, их сел и волостей, про реки, речки и озера, и про Поморские берега, губы и острова и промыслы морские, про горы и леса, и про всякие урочища» (ЧК, л. 2). Находясь в главном городе Сибири при содействии тобольской администрации, он видимо, без особого труда наладил систематический опрос множества «ведомцев» и «уроженцов» разных земель. Но и вдали от Тобольска, находясь, например, в кунгурской посылке, он изготовил «Чертеж земли Кунгурского города» как «по дозору урочищ», так и «по скаскам кунгурских всяких чинов русских людей, старожилов, ведомцов и бывальцов и лутчих ясачных людей, сотников и старост четвертных татар, мордвы, черемис и вотяков» (СК, л. 68). Сохранились имена некоторых кунгурских жителей, засвидетельствовавших достоверность сообщаемых ими сведений: сотники И. Боков и Б. Мамыков, старосты Ч. Дружинин, К. Табищев, И. Акбаев, С. Бекбаев. В легенде к чертежу «Степь написана с урочищи» или (в оглавлении) «Степь Калмыцкая с урочищи и с жильями калмытскими» С. У. Ремезов сообщил, что «написана

степь по скаске после калмыка Шарыша, толмачил Петрушка Григорьев» (ХК, л. 100).

Достойны уважения удивительная деловая настойчивость С. У. Ремезова и его серьезное отношение к картографическим работам и сбору географических известий. Ни одно из более или менее значительных событий в области географии и картографии Сибири того времени не проходило мимо тобольского ученого. Анализ картографических работ С. У. Ремезова показал, что он был хорошо осведомлен, во многих случаях, вероятно, по первоисточникам, о географических описаниях посольств Ф. И. Байкова, Н. Спафария, плаваний С. И. Дежнева, М. Мухомлева, походов Д. Потапова, В. Атласова и др.⁵⁹ Узнав, что 16 декабря 1700 г. в Тобольске проездом появился известный землепроходец В. Атласов, С. У. Ремезов немедленно подал челобитную воеводе с просьбой списать «у того пятидесятника скаски, какову он дал в Якуцку о тамошних краях, где он был». Он мотивировал свою просьбу тем, что ему для составления «чертежа всей Сибирской земли» нужны были точные и новейшие данные очевидца, так как «не осведомясь подлинно, в тех чертежах какой неправды не написать». В отписке в Сибирский приказ воевода М. Я. Черкасский рассказал, как он распорядился вскрыть ящик с документами, опечатанный якутской печатью, а также «скаску списать, и тот список отдать ему, Семену, для письма и свидетельства чертежей». Опубликовавший отписку Н. Н. Оглоблин справедливо замечает, что С. У. Ремезов, несомненно, лично виделся и беседовал с «Камчатским Ермаком», который побывал «для прииску иных земель иноземцов, которые... ясаку не платили, а живут по Камчатке и по иным рекам, подле Пенжинского и Люторовского морь...»⁶⁰

При опросах главное внимание С. У. Ремезов уделял тем элементам географического описания, «кои в прежних чертежах издавна не написаны». А являясь знатоком сибирских «прежних» чертежей, он собрал и использовал разнообразный и обширный фонд картографических источников, начиная с общей карты Сибири 1667 г. Не останавливаясь на многих дискуссионных и неясных вопросах о «годуновском» чертеже и многочисленной литературе, отмечу только, что чертеж 1667 г. — наиболее ранняя из дошедших до нас общих карт Сибири. Две копии составлены Ремезовыми, которым русская наука обязана

сохранением этой обзорной сибирской карты. Она довольно схематична, так же как и лучшие западноевропейские карты того периода (впрочем последние еще наделены и фантастическими сведениями), и при сравнении с общими чертежами Сибири 1698 и 1701 гг. С. У. Ремезова служит наглядным примером развития картографической изученности сибирской территории за 30—40 лет⁶¹. С. У. Ремезов высоко ценил чертеж 1667 г., который был «тогда всем сибирским жителем первое вновь сибирский чертеж в великое удивление», но прекрасно понимал, что на нем только «отчасти Сибирь означена», а при составлении «кратким делом» было «мало прозвано русцами и старожильцами» (ХК, л. 4). Интересно его ироническое высказывание в связи с этой картой о сибиряках, которым «неведомы орды сосед жилища и урочища бежа, и о сем древле северием слуха одержими бежа, еже им малопреходно быша: еже нынешнее урочище пять поприщ имуща, они ж тогда сто верст мнеша, а иде же день ходу, ту им неделя ездю; и тогда им сосед жилища и урочища отчасти открыся: зане в вопросах неискусни бежа» (ЧК, л. 2). Копия чертежа 1667 г. помещена в самом начале «Хорографической книги», а упоминание в тексте легенды, написанной рукой С. У. Ремезова, «нынешнего 205-го года», указывает на время копирования — 1696/97 г. Из биографии картографа видно, что в эти годы он находился в Тобольске или в «посылках» по уезду, и, следовательно, копия снята им в Тобольске не позднее 1697 г., а не в Москве в 1698 г., как считает историк Б. П. Полевой⁶². Что касается других чертежей всей Сибири, то С. У. Ремезову хорошо были знакомы карты всей Сибири А. А. Винуса, И. Идеса и, видимо, Н. Витсена («Чертеж земли всей Сибири, писан с немецкого печатного листа. Наличие особо»). Более многочисленна группа частных чертежей. Среди них, например, «Тобольский чертеж» 1705 г., посланный в Москву митрополитом Игнатием. С 1667 по 1701 г. С. У. Ремезов называет 11 чертежей, которые «в Тобольску по грамотам великих государей налично писаны быша» (ЧК, л. 2): чертежи 1717, 1719, 1719, 1719, 1719, 1719, 1720, 1720, 1720, 1720 и 1720 гг. Первый исследователь ремезовских источников Н. Н. Оглоблин ошибался, считая, что ни один из перечисленных чертежей не сохранился⁶³. Копии семи чертежей 1719—1720 гг. помещены в «Хорографической книге» в разделе «Чертежи

многие описаны по грамотам великому государю со 176-го году». Среди них, как уже упоминалось, планы Тобольска 1684—1689 гг., карта 1687 г., чертеж по доезду Х. Левенфельта, чертеж Исецких слобод 7203 г. (или «межевой Башкирской земли»). Эти материалы, так же как и свои работы 7205—7207 гг., С. У. Ремезов, использовал при составлении «Чертежной книги». В Тобольской приказной избе он нашел и другие частные чертежи Сибири, копии которых составили основную часть «Хорографической книги». Кроме съемочных материалов самого С. У. Ремезова по Западной Сибири, гидрографическая сеть всей Сибири представлена в атласе довольно полно и свидетельствует о богатом содержании чертежного фонда Тобольска. Ведь в сущности «Хорографическая книга» является первым гидрографическим атласом Сибири, коллекцией чертежей рек. Густая речная сеть Сибири, заменяя для картографа того времени географическую сеть, облегчала размещение остальных элементов картографического изображения на обзорных картах.

Многие чертежи рек Восточной Сибири и Дальнего Востока, несомненно, заимствованы С. У. Ремезовым, но происхождение источников указывается редко. Назван, например, один из ранних чертежей Даурии «Свидетельство даурскаго полковника Афонасья Иванова сына Байдона» (ХК, л. 147), который относится, очевидно, к 1689 г.⁶⁴ Должен был пользоваться, по мнению Н. Н. Оглоблина, С. У. Ремезов и ныне утерянным чертежом Амура 1698/99 г., автор которого, как считал Багров, использовал описания В. Д. Пояркова либо Е. П. Хабарова⁶⁵. Очень важно, что С. У. Ремезов большое внимание уделил сбору картографических сведений о малоизученных и труднодоступных районах морского побережья, севера и северо-востока Сибири, а также ее южных окраин и порубежных земель. Например, чертежи середины XVII в. русских первооткрывателей Сахалина легли в основу самого раннего из дошедших до нас изображений острова на чертеже Амура в «Хорографической книге»⁶⁶. Не ограниченное изучением только сибирской территории, его исследования коснулись Средней и Юго-Восточной Азии. Характерно, что среди чертежей сибирских рек первого атласа помещены карты, названные в авторском оглавлении так: «Степь до Казачьи орды и орд и каракалпаки и Бухарей до Хивы, Синее и Хвалынское море и пещаные степи»,

«Река Еик с устья и до вершины с урочищи и жилья», «Поморие Туруханские со многими большими реками и з зимовьями ясашными и немирных самоеди жилья», «Река Амур с вершины степи Восточного моря с урочищи», «Чертеж Ленского севернаго угла непроходимых мест с усть Лены до усть Амура реки великие, реки и урочища вновь...», «Чертеж Китайскаго государства с окрестными царствы до восточныя Индии наличие городов». Кстати, последний чертеж является, видимо, одной из русских переработок первых обзорных карт территории от Даурии и Никанского царства до «Новой Голландии» и «Верхней Индии» с Гангом. Большой интерес представляют следы использования С. У. Ремезовым какой-то азиатской (персидской?) карты: на «Чертеже Казачьи орды» восточнее г. Хивы нанесен «г. Маир кызылбашского чертежа» (ХК, л. 163; СК, л. 52; ЧК, л. 20).

В 1698 г. С. У. Ремезов с Семеном-младшим ознакомился с московскими картохранилищами и пополнили снятыми копиями свою коллекцию чертежей Сибири. Они еще застали в Сибирском приказе огромный картографический фонд, позднее бесследно исчезнувший. Хранению уникального собрания сибирских чертежей уделялось большое внимание. В расходных книгах 80—90-х годов XVII в. Сибирского приказа часты записи об изготовлении, копировании, реставрации чертежей. Например, 31 августа 1695 г. крестьянину И. Степанову был выдан рубль за изготовление «к Большому чертежу рамы липовые новые столярной работы»; в тот же день израсходовано 7 рублей «на подклейку сибирских городов чертежей 60 аршин холсту да 10 фунтов клею..., да к тем же чертежам зделаны четверы рамы...» 29 декабря 1696 г. подьячий А. Крылов получил полтину за то, что «писал.. чертеж русским и башкирским землям по Исете»⁶⁷. Основное внимание Ремезовы обратили на те картографические материалы, которые поступили в Сибирский приказ, минуя Тобольск, и не были поэтому им известны.

Видное место в атласах С. У. Ремезова занимают выполненные в сибирских городах по приговору 10 января 1696 г. чертежи уездов. Они составили большую часть «Чертежной книги» (18 из 23 чертежей), включены в «Хорографическую» (6) и «Служебную» (20) книги, а главное послужили основой для изготовления обзорных карт Сибири. Сравнение оригиналов с копиями, снятыми Реме-

зовыми в Москве и затем помещенными в атласы, могло бы, вероятно, принести ценные сведения о методах работы картографа над источниками. К сожалению, ни один из подлинников «городовых» чертежей не сохранился, а данные об истории их составления на местах довольно скудны⁶⁸. Только на «Чертеже Енисейской земли» (ЧК, л. 14) имеется в картуше пояснение, что в 1697 г. он был «написан в Енисейску при стольнике и воеводе Михайле Игнатьеве сыне Кюрсакове». В Якутск, например, указная грамота 1696 г. поступила 23 мая 1697 г., а в отписке об изготовлении карты Якутского города и уезда воевода М. Арсеньев сообщил в Сибирский приказ, что у него «самого доброго мастера нет, потому что в Якутцком иконной художник один человек и oprичь иного никого нет и добрым мастерством в достаток того чертежа написать не знает; и за недосужеством тот чертеж был не написан многое время, а зделав тот чертеж, послали... к Москве с тобольским сыном боярским с Матвеем Денисовым да с якутцким пятидесятником казачьим с Максимом Мухоплевым с товарищи»⁶⁹. Как видно на примере Якутска, 17 безвестных сибирских картографов по-разному были подготовлены к созданию уездных карт. «Городовые» чертежи различаются достоверностью, полнотой и качеством. Но являлись ли ремезовские копии точными воспроизведениями оригиналов? Ответить на этот вопрос невозможно из-за отсутствия подлинников или достоверных копий. Но частично решение может быть подсказано чертежом из «дела» старца Иоакима Путилова⁷⁰. В мае 1696 г. в Сибирский приказ обратился И. Путилов с просьбой разрешить ему «быть в дальней пúстыни в раселинах каменных и в вертепах» и строить там часовню и церковь. Место для пúстыни им было облюбовано в 500 верстах от Енисейска вверх по Верхней Тунгуске вблизи Кашиной шиверы, где вокруг «государева земля порозжая на пустом месте, а ясачных соболиных лесов и угодей не прилегло». Решение приказа было отрицательным, так как «никому лесов сечь и жечь не велено, чтоб в Сибири соболи и всякой зверь не выводился». Однако 8 января 1699 г. новый воевода Б. Глебов сообщил, что еще до его приезда монах Иоаким построил у Кашиной шиверы часовню и избы, привел рабочих людей и монахов «и землю под пашни распахал». Призванный за самовольство к ответу, Путилов объяснил, что ясачный тунгус Мултуга Ломов, «имением русским Иваш-

ко», поступился ему «под пустынное место строение и под нашу тою свое прародительной земли», за что получил лошадь и обещание, «как учнет хлеб родитца», иметь «на всякой год по 10 пуд ржи». Допрошенные по этому делу находившиеся в Москве в конце 1700 г. енисейские служилые люди Ф. Клеников и М. Мясников обнаружили прекрасные знания местной топографии и подробно рассказали о землях вблизи рек Кежмы, Коды, Чадобца, Ковы, Верхней Тунгуски, Муры, Чуны. По их мнению, от «тойде пúстыни... енисейским ясачным иноземцам в ясачных промыслах никакой помешки не будет», наоборот, «старцы в голодное время иноземцов питают, и как на промыслы пойдут, запасом ссужают». 11 января 1701 г. состоялся указ: «Пúстыне и часовне... быть до указу по-прежнему». В основу решения положены практические соображения служилых людей: 1) на том «великом и страшном пороге» (Кашина шивера) «судовой подъем вельми нужен и тесен» и для служилых людей простой бывает по 5—6 недель; а «за простоем... людем бывает хлебной голод и всякая нужда...»; 2) «а им служилым и торговым людем та пúстыня учинилась пристанище», поскольку при проезде судами или лошадьми «пронятца мочно» хлебом, «харчевыми запасы и конскими кормы»; 3) старцы и работные люди «на тех порогах... всякие государевы казны... поднимают вопче и работают без простоя». В решении уточнились и земельные границы: «По обе стороны Ковы-реки от устья вверх на 15 верст и по обе стороны Мурские выгибы, коя поддалась к их старцовой заимке и на Ангаре островами, мерою от Ковы до Коды-реки, по скаске старца Иокима на 30 верст». Кроме того, в «деле» указывалось, что «в прошлом в 205-м году писал к великому государю... из Енисейска стольник и воевода Михайло Римской-Корсаков и прислал к Москве в Сибирский приказ Енисейского города и уезда чертеж. А в том присланном Енисейском чертеже часовня и заимка старца Иоакима Путилова написаны. И ис того Енисейского чертежа в Сибирском приказе для свидетельства, в коих местех та заимка, выписана и учинен к сей выписке чертеж»⁷¹. Такова история появления в 1700 г. копии части Енисейского чертежа. Ценность найденного фрагмента заключается не только в том, что он является пока единственной, кроме ремезовских работ, сохранившейся частью «городового» чертежа, но позволяет в какой-то степени судить об оригинале. Посколь-

ку с этого же оригинала в 1698 г. С. У. Ремезов снял копию (СК, л. 85; ЧК, л. 14), появилась возможность сравнить обе копии. Сличение показало, что при общности главных элементов чертежей копия С. У. Ремезова гораздо богаче содержанием. Наиболее существенными отличиями являются ориентирование, взаиморасположение и направление русел рек, число и размещение населенных пунктов, сведения об измеренных расстояниях. Резкие отличия в нагрузке копий 1700 г. и С. У. Ремезова свидетельствуют, видимо, о том, что тобольский картограф, находясь в Москве, не просто копировал «свозные» чертежи сибирских городов с уездами, но существенно дополнял и перерабатывал их для последующего использования в своих чертежных книгах и для составления общей карты Сибири⁷².

Сравнительно скромное место среди источников занимают собственные съемки и «полевые» списания С. У. Ремезова. Многие из них остались еще неизвестными; сведения же о проведенных работах относятся только к территории Западной Сибири (исключая северную часть) и Урала. Среди неоднократных поездок чертежника по Тобольскому уезду выделяются «посылки» 1683—1685 и 1687/88 гг. «для описных земляных дел», совпадающие по времени с проводимыми измерениями расстояний и составлением С. У. Ремезовым карты, дополняющей чертеж 1667 г. Съёмочные работы им проводились и для изготовления «городового» чертежа Тобольской земли («Часть Сибири...»). Зимой 1696/97 г. он объехал и описал районы вокруг слобод и острогов по Исети, Нице, Пышме, Тоболу, Миассу, Туре, Тавде (ХК, л. 6 об.). Если к этому перечню добавить поездки по Ишиму, Конде, Вагаю, Иртышу, то можно вполне обоснованно заключить, что чертежи рек (центральная часть «Хорографической книги») в большинстве основаны на съемках и наблюдениях С. У. Ремезова (ХК, л. 11—99, 101—111). «Дозором урочищ» были заняты Ремезовы в Кунгуре, а план «Кучюмова городища» составлен в результате промеров «всяких урочищ вокруг». Особенно часто архитектор и строитель Тобольска, топограф и чертежник проводил съемку родного города и его окрестностей. Городская топография по собственным съемкам С. У. Ремезова отражена в описаниях, проектных планах, «розметных росписях» и чертежах 1699—1706 и 1709 гг. Для проектирования укреплений нижнего посада

он обмерял «в сажени и веревкою стосаженою не по одному месту» (СК, л. 10).

Детальное топографическое описание или «Описание херографии от града Тобольска, Тобол-река с облегающим течением с устия и до вершины, речки и озера, и источины, и с селидбами слободы, леса, луги и дубровы налично розмером и в листу длиннику и поперешнику по 50 верст» составлено С. У. Ремезовым по собственным наблюдениям во время съемок по Тоболу. Отмечаются не только измеренные расстояния и все заслуживающие внимания топографические показатели по «луговой» и «горной» сторонам Тобола (рельсф, извилины реки, притоки, озера, острова, броды, болота, леса, покосы, деревни, юрты и т. д.), но и другие местные подробности, показательные для разносторонних интересов С. У. Ремезова. Описывая Суклемские боры и суземья, он добавляет, что «по Суклему добывают на городовую потребу дрова и лес», на месте деревни Мурзина «бывало городище со всякими крепостьми и в поклажах пахожено пушешные железные ядра гривенок пять»; объясняет происхождение названия «Дуванной луг», который «словет потому, что Ермак с казаки дуванили на нем многие пожитки, побравши юрты». Описание речного маршрута Тобольск — Долгий яр — Липовый яр — Березовый яр — устье Туры С. У. Ремезов предполагал вести по 50-верстным участкам, к которым бы относились и соответствующие чертежи, но не осуществил полностью своего намерения. Обратная сторона чертежей рек в «Хорографической книге» предназначалась для сопроводительного почертежного описания, но она везде осталась свободной от текста, за исключением начальных листов (л. 10 об., 11 об., 12 об., 13 об., 14 об.). Результаты измерений по реке отличаются от данных «сухого» пути: «с Липового до Березового яру почетом 30 верст ходу, а по розмеру родилось 50». Один из сухопутных маршрутов С. У. Ремезова описан им в статье «Дорога Московская чрез Тюмень в слободы и в степь», в которой даны краткая характеристика и измерения района вблизи Тобольска, где разветвлялись («раздел») и сближались («сходство») зимняя и летняя дорога Московская (ХК, л. 10).

Основные методы сбора географических и картографических материалов — использование печатных и рукописных книг по географии и истории, картографических источников; архивные розыски; расспросные сведения;

собственные путешествия и рекогносцировки — привели С. У. Ремезова к серьезным историческим, этнографическим и даже археологическим изысканиям, к сбору данных по истории присоединения Сибири, о расселении народов, их хозяйстве, нравах, обычаях. Изучение занятий С. У. Ремезова по истории и этнографии вывело бы нас далеко за пределы поставленной задачи. Но они настолько тесно переплелись с его географическими работами, что было бы ошибкой кратко не указать на них или рассматривать изолированно. Как показывает историко-источниковедческий и текстологический анализ главного исторического сочинения С. У. Ремезова — «Истории Сибирской», в ее основе лежит творческая переработка Есиповской летописи с существенными и многочисленными дополнениями. Он использовал для нее, кроме официальных документов, географические описания Сибири, летописи, топографические данные, топонимические легенды (ст. 21 — Панин бургор) и другие «бусурманские истории» (т. е. татарские предания), рассказы «старожилов» и «ведомцев» (среди них Ульян Мосеев), сведения по этнографии и о памятниках материальной культуры, фольклорный материал: русские повести и татарские сказания, легенды, песни⁷³. Как первый историк Сибири С. У. Ремезов явился продолжателем официальной исторической традиции ранних сибирских летописей. Убеденный в христианско-просветительной личности «покорителя» Сибири, С. У. Ремезов, по словам И. Л. Черепанова, «имел не малое желание, чтоб Ермак когда-нибудь святым причтен был»⁷⁴, почему в «Истории Сибирской» проступают черты житийного стиля. В. Г. Мирзоев правильно подмечает значительную роль провиденциализма в схеме сибирской истории, предложенной С. У. Ремезовым⁷⁵. А правоучительный характер заключения его летописи определяется общей идеологической направленностью этого историко-литературного памятника: «Зря вышешисанное, воспоминай бога, хвали его словом и помыслы, бойся его, душу имей аки воеводу, тело аки война, дабы воин воеводе во всех благопокорен, а не воевода — воину». Образцом казачьего летописания, по мнению большинства авторов, может служить Кунгурская летопись, отрывки которой восходят, видимо, к казачьему «Написанию» 1622 г.⁷⁶ Рисунки к научному историческому сочинению С. У. Ремезова, имеющие большую и самостоятельную историко-художественную ценность, как уже указывалось, пе

явились до сих пор предметом специального искусствоведческого анализа. Эта интересная проблема еще ждет своего исследователя.

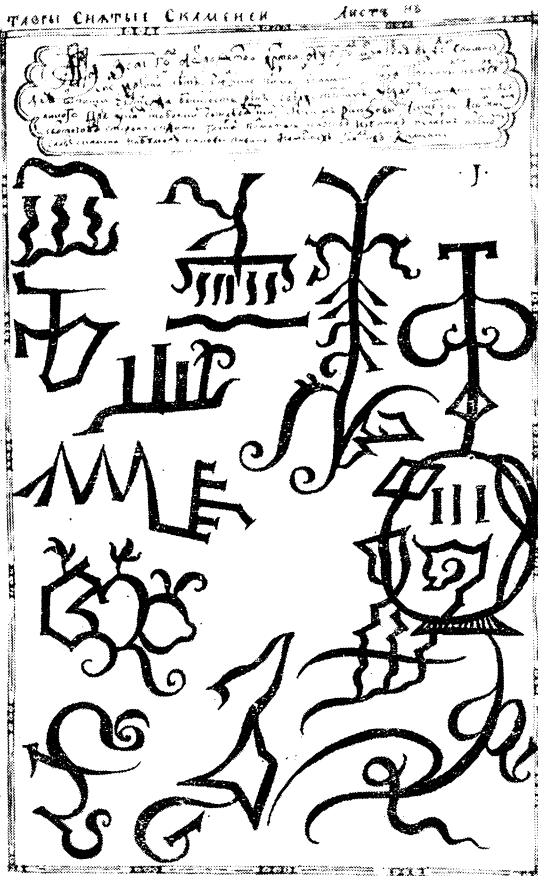
За долгие годы работы над историко-географическим описанием Сибири С. У. Ремезов сумел накопить множество этнографических наблюдений и материалов. Во многом этому способствовали его поездки, постоянное общение с местным населением, личные расспросы «иноземцев, иностранных жителей», письменные источники о народностях, далеко не полный перечень которых он приводит в предисловии к одному из атласов. Среди живущих «по различным землям орд, волостей розных языков» он отличает «ясашных и неясачных тоземцов», «данных и неподанных, советных и противных» (СК, л. 1) и называет «китайцов, коряков, богдой, никан, мунгал, желтых, черных и белых кыргыз, черных и белых алтыр, боротал, многих родов кочевых калмыков, бухарцев, кутумов, Казачьи орды, каракалпаков, хивинцов, аралцов, гурленцов, аксакалцов, копчак, пагаев, чюваш, башкир, черемисы и вотяков, и мордвы, пермяков и вогуличь, остяков, розных родов самоедов, трех родов якутов, семи родов шаманы, колымцы, ламунуты, коряки, чюкчи, тауты, арели, гиляки, вновь камчадалы, тунгусов, братьев конных и оленных, даур, и агарянскаго роду многих прозвище татар и протчих...» (ЧК, л. 2).

Расселение сибирских народов, их земли, «грани и межи», происхождение, культура, обычаи, нравы, быт, хозяйство — таков основной круг этнографических интересов географа и картографа, отраженных с различной степенью подробности, достоверности и точности на чертежах атласов, рисунках летописи, в чертежных описаниях, на специальной этнографической карте «Чертеж и сходство налице земель всей Сибири...» Особенно подробны этнографо-географические записи в «Описании о сибирских народах...»⁷⁷

Из малоизвестных этнографических материалов сибирского ученого укажем на описание народностей, живущих в бассейне Амура, которое помещено на оборотной стороне карты А. Бейтона (ХК, л. 147 об.), а также на неопубликованный перечень народностей Сибири, писанный рукой С. У. Ремезова на позднейшей вклейке к чертежу р. Томь⁷⁸. Список охватывает преимущественно народности, менее известные С. У. Ремезову к 1697 г., но материалы о которых он собирал и после составления своих историко-

географических работ 1696—1698 гг. По намеченной С. У. Ремезовым классификации народностей, последние объединены в шесть групп: 1) «В Якутском родов разных числом»; 2) народы Средней Азии); 3) «под Казанью»; 4) «под Томским»; 5) «Земля Тангутска, в ней многое число родов»; 6) «степные». К первой группе отнесены: юкагиры, якуты, чукчи, коряки, ламунуты, «шаманы», камчадалы; ко второй — бухары и кутумы, каракалпаки, Казачья орда. Вокруг Казани объединяются: «черемиса, мордва, чуваша, башкиры, копчаги, ногаи»; у Томска — «чюлымцы, ачинцы, киргизы, белые и черные алтырцы, теленбинцы, далайцы, далайкатуни». К «земле Тангутской» причислены: «китайцы многие роды, богдои, мунгалы многие роды, никаны, мангуты 4 рода — белые, черные, конные, горные, тунгусы, братья, дауры конные и оленные»; к «степным» — «калмыки 4 рода, тайши надо всеми Лаба, торгоут, кошеут, гонтар⁷⁹, дюрбет, саян, тангут». Можно предположить, что найден план описания народов Сибири и порубежной территории, осуществление которого значительно дополнило бы то описание народов главным образом Западной Сибири, которое нам известно по реконструкциям А. И. Андреева из Черепановской летописи⁸⁰.

Собирая разнообразные и многочисленные материалы для своих исследований, С. У. Ремезов никогда не упускал из виду «и древних чюдских и кучюмовских жилья, мольбища и городища, крепости и курганы» (ХК, л. 1). Одно из ранних упоминаний о рунических памятниках содержат первые ремезовские чертежи (ЧК, л. 20, 21; СК, л. 52), на которых по верхнему течению Таласа обозначен «Камень орхон, снег летом». По предположению тюрколога А. Бернштама, камни с руническими текстами, открытые в районе Таласа в конце XIX в., были известны почти на столетие раньше С. У. Ремезову, который назвал их «камень орхон» по аналогии с камнями, имеющими подобные знаки по Орхону⁸¹. 19 июня 1703 г. С. У. Ремезов с сыном Леонтием провел исследование Ирбитской скалы, находящейся ниже деревни Писанец с версту. На скале красной краской были нанесены «неведомые» надписи или рисунки, по мнению тобольского ученого, «древних лет чюдское письмо». Точные копии писаниц Ремезовы разместили на четырех рисунках: 1) «с восточную сторону с плиты платкой, подмостясь над рекою Ирбитью, незнатьем, но съемом слов с камени на бумагу»; 2) «з другога камени...

«Тавры, снятые с камней» из «Служебной чертежной книги»
ГПБ, рук. отд., Эрмитажное собрание, № 237, л. 69

с плиты меж шелей под вислым камнем известным, стоящим на полдень»; 3) с «глади каменной выше на берегу на полдень писаного на камени сером известном. А написанные слова все составом, что червления, длиною по вершку и по три, а иные и по полуаршину и по аршину с лишком»; 4) «меж шелей глаткаго слоя... списана, имушая на берегу

видение к западу... от земли высоко сажени в две и в три». Кроме того, обследователи отметили общую высоту «камни» — 5 и 6 сажен и наверху «чюдцкое городище з двумя окопи было жилье в велико крепости недознаемым людеи у жителей» (СК, л. 69—70 об.). Записки писаниц вскоре стали известны западноевропейским исследователям (Витсену, Куперу, Мессершмидту, Страленбергу) и были несколько раз изданы, но без указаний на авторов рисунков⁸². Первые попытки истолкования надписей были столь неудачными, что Г. Ф. Миллеру, совершившему в 1741 г. поездку к Ирбитской скале, удалось без труда отбросить наивные домыслы Витсена и др.⁸³ Но кунгурские «тавры» до сих пор остаются нерасшифрованными.

Накопленный опыт, непосредственные наблюдения, обращение к официальным документам, к описаниям и летописям Сибири, к живым устным рассказам, к памятникам материальной культуры — все свидетельствует об огромной разносторонней и тщательной подготовке С. У. Ремезова к глубокому исследованию родного края. Его основные методы сбора источников по истории, географии, картографии и этнографии Сибири во многом предвосхитили аналогичные работы, проводившиеся спустя полвека. Задолго до Г. Ф. Миллера С. У. Ремезов не только наметил, но и энергично осуществлял свои планы историко-географического обследования, сбора материалов, их систематизации, творческого освоения и обобщения.

* * *

Методика составления карт первого атласа, разработанная С. У. Ремезовым, надежно служила ему и в дальнейших картографических работах. В посвящении книги, в которой все «выдуманно подлинно и написано подробно вновь в Тобольску от части Сибирский чертеж церкильным делом по розмеру ветров, невмещения ради парчи, в книгу вписах наличие урочищам, предах по пятидесяти верст на всяком листу длины и ширины, иное ж днями и неделями», подчеркивается, что «сие тщательное изображение свидетельствовано по дозору, в дальное — ведомцами по допросам, начертание налично подкреплено многими описаниями градов и рек длиною с устия и до вершины, и в них озер и источин, и на них слобод, сел и с насельники, ясаиные волости иноземцов многие земли, и пемирных владельцев кочевья, и древние жилья, грани и межи, и малопр-

ходные пути, камень и степь и всякой путь и дороги» (л. 8). Второй атлас («Чертежная книга») был составлен «примером первых чертежей, и вново вящее исполнение, по компасу, церкильным розмером, в линиях и в границах... вокруг примером московских верст» (СК, л. 115; ЧК, л. 2). Точно так же один из первых чертежей С. У. Ремезова «Часть Сибири...» изготовлен «церкильным розмером в линиях и в гранях, разстояние пути по компасу землю под Тобольским града и уезду клеточка и в протчих длины по сту верст... по прежней мере»⁸⁴. На карте приведен линейный масштаб, но не дана величина его основания; в легенде же указано несколько «мер»: большая, «прежня» и «тобольная» («с устья Ишиму... до Туркустанского города... тобольных верст с 900») ⁸⁵. Таким образом, картографические приемы, описанные С. У. Ремезовым, как будто предусматривали употребление масштаба и единого ориентирования. Но указанная в редких случаях «мильиариа» (масштаб) не выдерживалась: измеренные на чертежах расстояния часто не соответствуют ни действительным, ни приведенным в описаниях. Данные надписей на картах и чертежных описаний о расстояниях всюду вполне заменяли масштаб. Видимо, в связи с отсутствием математического обоснования Мессершмидт и Стреленберг, которые постоянно пользовались картографическими материалами С. У. Ремезова, называли его не картографом (географом), а художником. Исчисление расстояний в различных мерах (1 верста приравнивалась то 500, то 700, то 1000 сажен) также серьезно затрудняет пользование чертежами. Недаром известный естествоиспытатель XIX в. А. Ф. Миддендорф из-за путаницы старых карт в исчислении расстояний при разном значении версты пришел к убеждению, что «лучше всего возвратиться к первобытному, хотя и неточному, но неспорченному счету днями пути»⁸⁶. На «Чертеже земли Тобольскаго города» в «Чертежной книге» исследователь С. Е. Фель увидел «как бы выходы меридианов и параллелей» и прочерченную «через каждые три деления» сеть линий. По его словам, «это единственная карта в атласе, имеющая «географическую» сетку»⁸⁷. Прямоугольники «городового» чертежа Тобольска и почти всех чертежей «Хорографической книги», рамки в «Служебной» и «Чертежной» книгах, конечно, никакого отношения к географической сети не имеют. Представляется, что прямоугольная разграфка, или «клеточка», по терминологии

Ремезова, являлась для картографа одним из технических приемов, который применяется при копировании рисунков и в наши дни. Но с настоящей градусной сетью С. У. Ремезов был хорошо знаком, и не только теоретически. В «Служебной книге» находятся копии нескольких карт с картографической сеткой: карта А. А. Виниуса, «Тартария или великаго хана повелительство», «Imperii Sinarum nova descriptio» и «Чертеж земли Китайского государства и протчих при нем градов»⁸⁸. К ним нужно присоединить и утерянную копию карты И. Идеса, которая, правда, не имела сетки, но рамка ее была разделена на градусы⁸⁹.

Характерная черта русской картографии XVII в. — отсутствие единой ориентировки чертежей — особенно ярко проявляется в чертежных книгах, где карты ориентированы на юг, запад, север, восток, юго-восток, северо-восток, северо-запад, юго-запад. Пестрота ориентирования сразу вскрывает, как замечено Ф. А. Шибановым, многоавторство чертежей, вошедших в атласы⁹⁰.

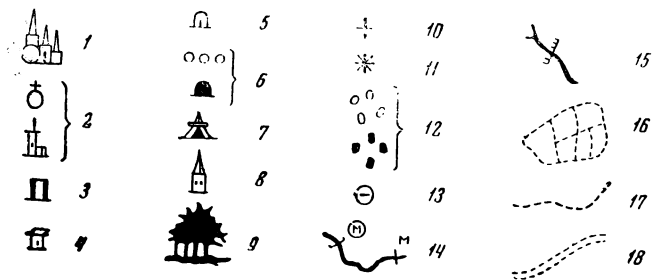
В своей картосоставительской деятельности С. У. Ремезов неизбежно столкнулся с закономерной взаимосвязью между масштабом карты и ее содержанием. Анализ чертежа Тобольской земли 15 августа 1697 г. показал, что его содержание определяется данными крупномасштабных чертежей рек «Хорографической книги». При этом едва ли не впервые в истории русской картографии была применена генерализация (обобщение) некоторых географических показателей или, по терминологии С. У. Ремезова, употреблен «церкильной розмер в линиях и гранех». О том, что в данном случае имело место не механическое уменьшение крупномасштабных карт с помощью пропорционального циркуля, а генерализация, свидетельствуют отсутствие на «городовом» чертеже ряда подробностей и второстепенных деталей и стремление выделить характерные черты местности (например, меандры и т. п.). Получив 20 сентября 1697 г. задание «на одном полотне вместить все сибирские города...», С. У. Ремезов вместе с Семеном-младшим снял «преводы» (копии) 18 «городовых» чертежей, одновременно дополняя и уточняя их нагрузку, а затем эти чертежи «в меру убравши, по компасу, церкильным розмером... урочища и ход всех сибирских городов и до Москвы путь вместил» на «Чертеже всех сибирских градов и земель». При сравнении изображений Тобольского района трех разномасштабных карт отчетливо прослеживаются результаты

двойной генерализации: Тобол с окружающей ситуацией в «Хорографической книге» — «Чертеж земли Тобольского города»; тобольский «городовой» чертеж и та же территория на чертеже всей Сибири. Из существенных недостатков обзорных карт С. У. Ремезова, вызванных отсутствием опорных пунктов, несоблюдением масштабов, пужно отметить произвольную увязку картографических источников, довольно примитивное совмещение «городовых» чертежей по границам смежных земель. Единственной основой для взаимной увязки всех топографических показателей служила густая речная сеть. Но именно здесь при генерализации допущено наибольшее число ошибок в направлении больших рек, в нанесении системы притоков; относительно более точны первичные материалы — чертежи рек «Хорографической книги». И все же обзорные карты в целом правильно характеризовали бассейны больших рек, давали верное общее представление об обширной территории малозаселенного края, о взаимном расположении речных систем.

Особый интерес вызывает составленный С. У. Ремезовым план проведения работ по описанию главной реки и составлению гидрографической характеристики ее бассейна. В общих чертах план разработан на основе практического опыта географических описаний речных систем в XVII в., собственных наблюдений и съемок. Методические положения, выдвинутые С. У. Ремезовым, принципиально не отличаются от детальных инструкций по описанию (в том числе и академических), созданных значительно позже в XVIII в.⁹¹ «Инструкция» С. У. Ремезова предусматривала «прилежание на дело имети, како изначала от бога исток большие реки, тако и малые реки описати, откуда течет и ис какова места и куды отметами поворотила к которому ветру, и колико кривляющесь плесы, и на кои ветре устием пала, и в какову реку или море, и в нее каковы реки с вершины и до устья с обе стороны и выше и ниже пали, и из озер или с камени или из болот, и в таковых реках описати угодные места, кои прилегли под селидбы гожие со всякими домовыми нуждами вдоволь хоромного строения и лесами, и пахотами, и травами, и скотопитательны угодны, и како стоят при реках и городаы с уездами и с жильями. А описывающе реки и з городами с выпискою по прилучаю сии делом взялася река имя рек с востоку от верховья горы или озера или болота или лесу

имя рѣка, повыше города имя рѣка числом верста с правой стороны; от города имя рѣка текла в ночь 100 верст и оттоль поворотила вкруте на восток и текла в полдень 150 верст до города имя рѣка и оттоль поворотила к западу и текла 40 верст и оттоле потекла до реки имя рек...» (ХК, л. 5). Видимо, С. У. Ремезов полагал описать по своей системе все реки Сибири, но только несколько начальных чертежей Тобола в «Хорографической книге» (л. 10—14) снабжены таким описанием. В нем наряду с указанием расстояний между населенными пунктами по рекам, между устьями притоков по Тоболу, длины притоков, общего направления течения Тобола и притоков, направления течения на отдельных участках даны гидрографическая характеристика бассейна и описание берегов по обе стороны главной реки. В описании отмечаются: цвет воды, глубины и ширина рек, «плесы короткие и луки кривые», старицы, «луки великие», «огибь частые», «мелкие броды и переборы частые и запоры рыбные», перевозы, мельницы; по берегам: пески, яры, луга, елани, «дикие леса», волоки, болота, озера, покосы, пахота, места «хлебобородны и виноплодны», «голая степь», «порозжие земли под селидбы слобочкие и деревенские по обе стороны Тобола-реки многое число десятин» и т. п.

Условные обозначения, применяемые С. У. Ремезовым, в целом не отличаются от принятых в картографии XVII в.; нередко встречаются также символические и художественные значки, например, «огонь» (р. Вилюй), «люди окаменели» (р. Ишим) и др. Отличительная особенность чертежей — широкое применение условных сокращений надписей. Сущность разработанной системы сокращений сводилась к тому, что на картах помещались только начальные буквы соответствующих географических понятий, условные знаки которых или еще не были разработаны, или были настолько лишены наглядности, что легко могли быть подменены другими. Сокращения отражают противоречия определенного этапа развития русской картографии, когда, с одной стороны, несовершенство картографических приемов влекло за собой ограничение числа условных знаков и расширение пояснительных текстов, а с другой — увеличение областей картирования и развитие географических знаний настоятельно требовали появления новых условных обозначений. Но система оказалась недостаточно гибкой и удобной: обозначенные одной и той же буквой алфавита,

Условные знаки в атласах С. У. Ремезова:

1 — город; 2 — слобода, село; 3 — деревня; 4 — русская деревня; 5 — «татарская» деревня; 6 — юрты; 7 — кочи; 8 — мечеть; 9 — лес (бор); 10 — кладбище; 11 — мольбище; 12 — курганы; 13 — караул; 14 — мельница, мост; 15 — перебор (запор) для ловли рыбы; 16 — пашни; 17 — дороги; 18 — большая дорога

разные понятия без дополнительных пояснений с трудом отличаются друг от друга (например, мост и мельница). В нескольких статьях первого атласа «Каталог» (XIV, л. 30), «Знамена по чему узнавать в чертежу всякия места» (л. 79), «Каталог. Знаки по алфавиту, подпись чертежная» (л. 9), в одноименной с последней статье «Служебной книги» (л. 4) приведены перечни сокращений, которые включают 98 обозначений: бор, березняк, болото, бугор, «баярак», брод; волок, волость, веретия, вал, версты, «взвоз»; град, гора, городище, городок, грязь; двор, деревня, дуброва, дорога, дол; ельник, елань, ерик; жилище; займище и заимка, запор, зыбун, земля, «заостровка», зимние юрты; исток, источина; колок и курья, кочки, крепость, ключ, колодец, камень, кусты, курган, камыш; лес, лог, луг, летние юрты, луки; монастырь, мыс, мель, малая река, мост, мельница; неделя, невод, наволоки, «ниское» (место); острог, осыпь круто, остров, озеро, отлогое; «повост», протока, перейма, перевоз, поскотина, покос, пашни; река, ров, речка, ручей, рывина; слободы, село, сенокос, соры; тошко, татары; увал, урочище, устье; холм, ходу дней, ход; царство, церковь; часовня, чудское; «шеломя»; «езду»; юрты; яр. Заключающие список «кладбище» и «мольбище» уже снабжены настоящими условными знаками. Система, разработанная С. У. Ремезовым, является второй известной нам попыткой унификации условных

обозначений в русской картографии. Первая попытка, по-видимому, была осуществлена в описании чертежа Сибири 1667 г., где в подлинной росписи имеются «Знаки по чему узнавать в чертежу города и остроги, и слободы, и реки, и озера, и волости, и зимовья, и кочевья»⁹².

Совокупность разнообразных первичных топографических и гидрографических материалов, собранных в «Хорографической книге», обзорных карт Сибири и ее отдельных районов в «Служебной» и «Чертежной» книгах впервые в истории русской и мировой науки дала удивительную по своей фундаментальности историко-географическую и картографическую характеристику Сибири. При этом особенно поражают замечательные историко-географические и этнографические подробности, тщательность изображения разветвленной гидрографической сети, множества населенных пунктов, а также основных особенностей местности. Впервые было получено правильное в целом представление о густой речной сети Сибири. Довольно детально от вершины до устья показаны главные реки Сибири вместе с речками, притоками, населенными пунктами (города, слободы, села, деревни, остроги, монастыри). Крупные реки изображены с постепенным утолщением от истока до среднего течения реки (СК), подчеркнуто разнообразие в характере устьев больших рек (Енисей, Обь, Лена и др.) и русел рек, например, высокая извилистость Барабы, Исети. Нанесены притоки, старицы, плесы, острова, броды, мели, перевозы, волоки, мельницы, мосты, «пристани судам», колдцы, болота. Площадь, занимаемая болотами, не оконтуривалась, и они различались только по надписям: чистое, топкое, зыбучее, тундренное, рямовое, маленькое. Контуры озер на чертежах мало правдоподобны, размеры некоторых из них выражены в расстояниях пути: «озеро Туман, вокруг ходу 20 верст, поперег ходу 1 день». Об острой наблюдательности сибирских землеописателей свидетельствуют такие подробности, как «невидимый ручей», который в Вагае «отдыхает часто, а перебрести на коне невозможно быстро», или «тайной исток по подземелью» (ХК, л. 105). Отмечены «пески», «запоры» и «переборы» (на Пышме «на переборах дуваны и ловят щук крюками»), особенности рек, важных для судоходства: «река Ката судовая, река Каменка ходовая», «70 островов среди реки Нижней Вороговы, перво 2 столбы малых, пониже два ж высокие столба среди реки, ниже щеки урочища по обе стороны

камень» (ХК, л. 137). Близ берегов Ледовитого океана на обзорных картах изображены льды в виде нагромождения льдин. Против устья Оби под условным знаком текст: «В сем месте река Обь прошла в окиян море и проходу с окияна в Опское устье нет для того, чтобы лды искони вечные заперли Обское устье» (СК, л. 74).

Растительность (один из основных физико-географических элементов Сибири) показана особыми условными знаками в сочетаниях с надписями: бор, «бор и сметники» («бор Кондинской по обе стороны»), «суземья», «темные леса и согры». Площадное размещение лесных массивов весьма произвольное, так как контуры лесов нигде не даны. Лес показывается условным знаком отдельных деревьев (или группой), близким к современному обозначению лиственных лесов, с указанием разновидностей пород: «липняк», «ельник», «березник» («лес местами мелкой березник»), «кедры», «лиственничник». По Караталу, который течет «по верху и по подземелью», растет «древо кызыл и осинники наволоками и сплошь местами». В верховьях Ишима «березник берут на луки и продают в Бухарею»; вблизи Кымырсана показано «древо соксоул», вдоль Иртыша — «ягоды незнаемые», по притокам Алдана — «корень ремень в наволоках», по Тоболу отмечаются «таловы кусты», к северу от Мангазеи «растет мох, ядят звери елени». Особое внимание уделено изображению результатов хозяйственного освоения земель и их возможного использования: пашни, покосы, луга, «поскотина». С. У. Ремезов часто приводит оценку местности: «степь голая, ни лесу, ни воды», «чернолесье, согры и болота малопроездны», «река Беча вся под селидбу годна», «под селидбу годно», вдоль Васюгана «пашенные угодные места к селидбе крестьян» и т. п.

Для передачи рельефа Ремезовы употребляли желтую краску: горные цепи или отдельные горы изображались то широкими мазками неопределенной формы, то перспективным или полуперспективным рисунком ряда каменных глыб или вершин. Этой же краской выделяются: высокие берега рек, лог, яр, курганы, «веретя», сопки (верховья Енисея), чинки Устьярта. Горные системы в соответствии с общими географическими представлениями С. У. Ремезова и собранными материалами изображены довольно подробно, хотя направление хребтов и расположение многих возвышенностей нанесены неверно — результаты система-

тических и точных обследований рельефа Сибири относятся к более позднему времени⁹³. Поэтому не удивительно, что местоположение многих горных цепей, — например, камень Алтай, камень Саянский, «хребет Яблонной», горы Гусельные (Лена), «Верхоянской камень с усть Лены по обе стороны выпал», Мугоджарские горы и других — нестабильно и меняется на разных картах атласов.

Чертежи показывают характерные особенности местности отдельных районов: степи, пустыни («степь Гобия»), пески (Каракумы), тундра. Кроме водных путей, вычерчены пунктирными линиями основные летние и зимние сухопутные дороги, волок, например, «волок через болото в тарханы» (р. Вагай), «зимняя дорога в Сургут через гору Жулеву», дорога из Томска через Барабу на Тару, «дорога большая в Казачью орду», «прежняя Казанская Уральская дорога», Большая Московская, Уральская «к слюдным горам», «большая» из Тюмени в Тобольск, из Томска «в кыргызы» и др.

Кроме топографических и гидрографических элементов, карты атласов имеют и другие пространственной направленности показатели явлений природы и человеческой деятельности. Они обильно снабжены ценными данными об измерениях расстояний вдоль рек, дорог, между населенными пунктами и другими объектами: «от Красноярского вниз до Караульной речки ездю 160 верст, а от Енисейска до Караульной 100 верст»; «борами волок ходу на оленех 4 дня, а вверх по Сосьве ходу 2 недели»; «от устья всего Вагаю до вершины ходу 4 дни»; «река Омь ходу степью 11 день»; от Гурьева до Астрахани «ходу степью 9 день»; «кочевья Казачьей орды от Туркустана во 6 днях»; «от Енисейского уезда чрез Камень вниз по Енисею до Мангазейска ходу 3 недели на нартах собаками», «Иля река идет на запад в Казачью орду, ходу до Туркустана 15 день скоро. А калмыки кочуют весной и осенью осенуют; пуста и жилья нет; ловят коней, кабанов, кары марал, баранов, сайгаков и диких коз»⁹⁴. Зоогеографическая характеристика территории и промыслы местного населения отмечены рисунками животных (хорьки, дикие кони, песцы) и сопроводительными надписями. В частности, в устье Енисея показаны «промыслы песцовые» и «зимовья промышленные — промышленяют песцов и медведей белых», «промышляют песцы белые и черные», «Толстой нос — ежегод переменные люди промышленяют оленей», по Хатан-

го — «промыслы соболя и олени», вдоль Оби и Курейки, вокруг Байкала, по Витиму, в верховьях Иркутка, вблизи Верхоленского острога — «промыслы соболиные», по Малому Атлыму «в лугах ловят рыбу и птицу в сорах», а «на материке промышляют зверей в лесах»; по Нерде и Вагаю «ловят рыбу», у озера Уч-Тениз и в истоках Ишима «ловят баранов диких и буйволов»; в «диких» лесах между Турой и Тавдой «промышляют... ясашные иноземцы всякой зверь»; в верховьях Тобола — «звериная и рыбная ловля», а в Мангазейском море — «кит и белуга и нерпа»⁹⁵.

Представляют интерес сведения экономического характера, в том числе о месторождениях полезных ископаемых и их разработке. Например, «знак серебрянной руды» помечен на Урале, вблизи Амура; в верховьях Оби — «тут самоцветное камень», по Тоболу — «белый камень»; по Черной — «курья жемчюх промышляли»; вблизи Чусовой — «в камени берут медную руду», а в «камени Волчьей горы... магнит и сера горячая»; по Ишиму — «медная руда и слуда», в верховьях Миасса и у озера Чебаркуль — «слюдны новые места», вблизи р. Уфы — «избы у слюдного промысла, слюдны промыслы в горах», а также «древние места серебрянной руды»; вблизи г. Куча — «камень — тошница свинец; а в нем сера нашатырь». На чертеже «Вершина Ишиму...» у Каратала «думной плавил серебрянную руду». Вблизи Якутска изображены «варница» и «ключ соляной», у озера Беляк — «соль ломовая», на озере Заир «варят соль». На карте Средней Азии показано место, где «плавят свинец», на чертеже Селенги — пункт, где «плавят золото», и гора Крутик, откуда «берут нефть и квасцы»⁹⁶.

Значительное место в атласах С. У. Ремезова отведено отображению и описанию исторических и этнографических сюжетов. Отмечаются: расселение аборигенов и русских, численность и миграция населения, этнический состав, места кочевий, политико-административное деление, данные об ясашном обложении, места исторических событий и военных эпизодов, археологические находки и другие подробности. На чертежах названия населенных пунктов нередко сопровождаются указанием числа жителей («Каурдаской острог 149 человек», «городок Казымской 189 человек» и др.); условными знаками показаны юрты (Томь, Обь), «чюмы» (Енисей), «кочи» (верховья Иртыша — Абаляевы, контайшины, Лаба Уцюртин, тайша Сенга, тайша

Тархан). Сведения о расселении народов Сибири и границах отдельных земель почти на всех картах помещены среди других географических показателей. Лишь единственная этнографическая карта «Чертеж и сходство паличие земель всей Сибири...» специально посвящена этим вопросам: «коемуждо роду и языку по кое урочище с соседьми владение земли своей...»⁹⁷. В связи с таким особым назначением чертеж почти лишен иной нагрузки, кроме специальной, и представляет с картографической точки зрения схематическую копию — основу общего чертежа Сибири 1698 г., на которой «земли» обозначаются разными фоновыми закрасками. На всех же других картах отсутствуют какие-либо специальные графические способы для изображения границ, политико-административного деления, ареалов расселения; повсюду их заменяют обильные надписи, дающие возможность отнести те или иные естественные природные рубежи (реки, горы) к соответствующим разграничительным линиям. Например, «за Ницою рекою уезды и слободы Тобольского разряда с полуденную сторону», «от сех мест Тобольской уезд, коцкие городки и волости», «отсель самоедь пошла», «река Межевая между Енисейским и Красноярским (уездами. — Л. Г.)», «речка Копчик — межа Верхотурская с Кунгуром и с Строгановы селы»⁹⁸. Таким путем показаны административное деление территории и условные границы: «рубежи» уездов и волостей (Томский уезд с «Киргизской землею»; с Нарымским, Барабинским, Кузнецким уездами; «деревни Аялынской волости»), «межи» (с телеутами), улусы (Сибатуров), царства (Мунгальское, Гилянское), «границы» (китайская), «земли» и т. п.⁹⁹ Попытки изображения некоторых «земель» Сибири видны на чертеже 1667 г. Эти сведения значительно пополнялись, и через 20 лет на чертеже 1687 г. уже показаны многочисленные «земли», именуемые в основном по названиям живущих народов: земли «Индийска», «Гилянска», «Тангуцка», «Мунгальска», «Жиганска», «Никанска», «Дюрбетска» и др. Такие же обозначения имеют многие частные чертежи атласов и обзорный чертеж 1698 г. (царства Алтырское, Мунгальское, Гилянское, Китайское, Никанское; земли «Кыргызская», «Остяцка», «Богдойска», «Лопарска», «Якуцкая» и многие другие — ХК, л. 141, 146, 150; ЧК, л. 21). Отмечены места кочевий и расселение многих народностей Сибири и пограничных районов (башкиры, нагаи, самоеды, тунгусы, кир-

гизы, калмыки, остяки, коряки, чукчи, мунгалы, яренцы, аланцы, каракалпаки, «братья», телеуты и др.). Так, между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей кочуют «белые киргизы», а «по обе стороны Сырта-реки каракалпаки на 10 днищах»; в устье Оби «самоедь веснуют, осенуют у рыбы», в междуречье Большого и Малого Тыма «кочевали тунгусы и самоедь», у Ирмени — «белые калмыки» (Табуновы и Шадаевы), в бассейне Енисея «кочуют пемирные остяки», а в его верховьях — «киргизы пемирные», яренцы, аланцы, по Подкаменной Тунгуске — остяки и тунгусы, на Селенге — мунгалы, в районе р. Юруна «кочуют киргизы горные мужики»; указаны места, где «живут братья и русские» (р. Белая), «оленьи тунгусы» (р. Зоя), «вольные тунгусы разных родов» (р. Хамун), «братья ясашные» (р. Китой). Столь же многочисленны сведения об ясачном обложении: «ясашных на Тюмени 2 городка, 4 волости, в ясаке 201 человек», у р. Белой «живут башкирцы и ясак платят на Уфу», у рек Чесноковки и Черной — «а по ней кочуют подгорные ясашные телеуты», в верховьях Быстрой — «тунгусы лодошные и ясашные», по Вилюю — «остяки ясашные туруханские» и др.¹⁰⁰

Хотя среди чертежей С. У. Ремезова отсутствуют специальные исторические карты, он не проходит мимо ряда исторических событий и памятников материальной культуры. Его лаконичные надписи на географических картах касаются главным образом отдельных эпизодов колонизационной деятельности, некоторые из них основаны на местных преданиях; отмечаются места археологических находок. Вдоль Оби крестиками обозначены места, где «убиты 60 человек» и «побиты казаки туруханцы», у Иртыша — «Изменной яр. Поляки казнены», у озера Семиискуль «убитые с Шульгиным» (1693 г.), «бой Ивана Додова» (р. Черная), «бой Кленникова» (1696 г., р. Миасс), «бой окольного, убито 30 человек низ Перчинска», «побоище, казаков убито 8 человек» (р. Кровавая). Рисунками шести фигур на чертеже р. Ишим он отмечает место, где «люди окаменели, от Ишиму ходу полднища», в верховьях р. Чегулук помещает рисунок с надписью «кости»; обозначает «курганы»; показывая озеро Карасье, прибавляет: «царь Кучюм с сего брал языками карасьими ясак», в верховьях Иртыша помечает «царство Она царя первого сибирского» и у Ишима — «кладбище Она царя»; вблизи р. Кемчюх — «город каменной старой, две стены развалились, а которо-

Образец орнамента в «Чертежной книге» Сибири

ГБЛ, ф. 256, № 346, л. 3

го города, то никто не знает», на берегу р. Верхний Каратал — «град пустой», у р. Серебрянки «лежат суды Ермаковы»¹⁰¹.

Богатству содержания чертежных книг соответствует их оформление. Чрезвычайно экономично использованные графические и художественные средства, отсутствие излишних украшений подчеркивают исключительную деловитость и научно-справочное назначение атласов. В оформлении чертежей особенно четко проявила себя «ремезовская школа», основоположник которой был наделен тонким художественным вкусом и чутьем, талантом исследователя, мастерством картографа. Изданные в одну черную краску «Чертежная» и «Хорографическая» книги не могут, конечно, передать всего очарования цветных рукописных оригиналов, с красками великолепной сохранности, с декоративным письмом (вязью) и киноварными буквами заголовков, с раскрашенным орнаментом в стиле русского барокко вступительных статей и посвящений, с заставками в текстах, нарядной каллиграфической скорописью чертежных описаний, четкими полууставными надписями географических объектов. Хорошая читаемость карт была достигнута благодаря умелому применению различных красок, четким надписям, продуманному размещению обширных пояснительных текстов. Последние, как правило, раз-

мещались на местах, свободных от какой-либо нагрузки; при уменьшении чертежей тексты переносились за рамки карт и составляли отдельные почерточные описания (см. «городовые» чертежи «Служебной книги»). За исключением черновых оригиналов, на картах Ремезовых моря, озера, реки окрашены темно-синим (редко темно-зеленым) цветом¹⁰², деревья — зеленым (иногда желтовато-зеленым), возвышенности — желтым, населенные пункты и юрты — киноварью, дороги — пунктирными линиями красного (и черного) цвета. При фоновой раскраске Ремезовы применяли теплые акварельные тона, но не боялись и контрастных сочетаний, проявляя при этом удивительное чувство меры и интуитивное знание гармонии красок. Мозаика разноцветных «земель» этнографической карты, несмотря на пестроту, не носит характера раскрашенного лубка, наоборот, ярко-оранжевые «шары» так умело сочетаются с мягкими цветами, что придают карте удивительно красочный и нарядный вид. Высокого технического совершенства достигли тобольские картографы в написании «печатных» букв. Один только «Чертеж всех сибирских градов и земель» содержит 5110, а карты «Чертежной книги» — 5679 надписанных географических объектов¹⁰³. В «Служебной книге» совершенно четкие и ясные буквы многих надписей географических названий на картах имеют размер менее 1 мм (СК, л. 28 об.— 29, 63 об.— 64).

Легенда к Кунгурскому чертежу начинается словами: «Изящное вновь написание граду Кунгуру и Кунгурскому уезду...» Эти слова как нельзя лучше могут быть отнесены ко всем картографическим произведениям Ремезовых, изящная простота которых является отличительной чертой их оформления.

Карты чертежных книг с различной точностью характеризовали отдельные районы. «Точность, с какою Ремезов положил на бумагу населеннейшую окружность Тобольска,— писал первый исследователь „Чертежной книги“ А. Ф. Миддендорф,— и в том числе даже многие рукава реки Оби, тщательность, с какою показаны у него поселения по Енисею, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири — все это дает его атласу более значения, чем какой-нибудь археографической редкости. Скажем больше: из него, как и некоторых других старинных трудов этого рода, можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт

России»¹⁰⁴. В 1929 г. составители карты р. Таза, которая была пройдена ими от верховьев до устья, «обнаружили, что чертежи XVII века стояли ближе к действительности, чем те, что были выпущены два века спустя»¹⁰⁵.

Несмотря на несовершенство графических приемов передачи изображения, связанное с вопросом точности и достоверности чертежей, к концу XVII в. они становятся юридическими документами, нуждавшимися в удостоверении их подлинности. Не случайно, видимо, ремезовское описание Кунгурского чертежа позднее оказалось в одном из судебных земельных дел Уфимского уезда, а к «Чертежу межевому Башкирской земли и слободам в споре и таков подлинной за руками» «руки приложили» тобольский дворянин Иван Полозов и представители от 690 старожил, беломестных казаков и крестьян 14 слобод¹⁰⁶.

* * *

Большинство авторов, касавшихся значения трудов С. У. Ремезова, наряду с достоинствами отмечают существенные недостатки в изображении морского побережья, земель, прилегающих к Сибири с юга, и северо-востока Азии, т. е. тех окраинных районов, достоверность сведений и слухов о которых не могла быть проверена собственными наблюдениями картографа. Находясь в этих случаях в полной зависимости от полученных источников, чертежи С. У. Ремезова отражали нередко противоречивые данные, опровергаемые последующей информацией. А. Ф. Миддендорф отмечал, что «всею наивнее передана граница Сибири, омываемая морем: очертание страны приноравливается здесь к рамке самой карты... В начертании берегов Ремезов шел вдоль горизонтального края листа, пока не встретился на правом конце его с другим краем в перпендикулярном направлении, по которому он и поворотил под прямым углом и продолжал идти до новой встречи с горизонтальной линией третьей стороны листа»¹⁰⁷. Такие изгибы береговой линии под 90° современный исследователь М. И. Белов объясняет «техническими причинами» и результатом «искусственной подгонки береговой линии под рамку карты»¹⁰⁸. Последнее предположение представляется правильным, но «техническими причинами», конечно, следует считать недостаток проверенных сведений у картографов второй половины XVII в. для верного отображения всего северного и восточного побережий.

Не говоря об отличиях в схематичном изображении изрезанности береговой линии, морских губ, мысов, северный берег, начиная с чертежа 1667 г., на всех чертежах Сибири показан идущим вдоль рамок карт, причем прямоугольные повороты начинаются по-разному: на «годуновском» чертеже — за р. Оленек, на картах Виниуса и Спафария — за Колымой, на чертежах С. У. Ремезова — в районе Лены (1687 г.), между Яной и Индигиркой (якутские «городовые» чертежи), за Леной (чертежи всей Сибири 1698 и 1700 гг., «этнографический» чертеж 1701 г.)¹⁰⁹. Конечно, большую ясность в географические представления XVII в. могли бы внести картографические работы С. И. Дежнева, Курбата Иванова и других землепроходцев и мореходов середины XVII в., но они не дошли до нас¹¹⁰. Как показано советскими исследователями, современники Дежнева хорошо знали результаты его похода вокруг Чукотского полуострова. Несколько позже эти сведения, несомненно, нашли отражение и в картографии — сквозной северо-восточный морской проход показан на обзорных чертежах 1667 и 1673 гг.¹¹¹ Но чертежи Сибири последней четверти XVII в., и особенно карты С. У. Ремезова, показательны для нового этапа картирования сквозного морского прохода вокруг Азии. С. У. Ремезов, видимо, имел данные как о плаваниях Дежнева, так и о последующих попытках и стремился совместить взаимоисключающие и противоречивые сведения на своих картах и в описаниях. Более прямолинейное и однозначное истолкование представления картографа о морском пути приводит к противоположным суждениям. Если А. И. Андреев полагал, что на чертеже 1698 г. С. У. Ремезов «изображает путь по морю от устья Колымы к Анадырю, а также к рекам Камчатке и Амуру совершенно свободным», то А. В. Ефимов, напротив, считал ошибочным такое мнение¹¹². Если М. И. Белов считал, что существование морского прохода отображено на чертеже 1687 г., то В. И. Греков отверг подобные взгляды¹¹³. Почему одни и те же карты, анализируемые разными исследователями, читаются и трактуются по-разному? Трудно определенно сказать о наличии свободного прохода на чертеже 1687 г.: в районе устья Анадыря помещен мыс, упирающийся в рамку карты, и каково его окончание — неизвестно. Морской путь на картах Сибири 1698 и 1700 гг. от устья Колымы до Амура свободен, так же как и от «земли Швитской» до Лены, но вблизи устья послед-

ней показан вытянутый в море и срезанный рамкой карты длинный мыс, который на этнографическом чертеже имеет надпись: «Камень конца не имать», а на чертеже 1700 г. — по-голландски: «Opomvassbaere saer»¹¹⁴. Еще более интересны три чертежа «земли Якутского города», составленные С. У. Ремезовым в 1699—1700 гг. (ЧК, л. 17) и не ранее 1702 г. (СК, л. 95—98) по данным до 1697—1698 гг. На карте «Чертежной книги» и на мелкомасштабном чертеже «Служебной книги» морской проход свободен на всем протяжении от устья р. Оленек до р. Удь; «выпавший» в море за р. Яной мыс вполне «обходим»: «от носу до Индигирки-речки ходу кочами 2 недели». Но между Колымой и Люторой на карте 1700 г. помещена надпись: «Нос непроходимой, падет с вершины Анадырской в море, а конца у него не ведают...»¹¹⁵ В несколько измененной редакции та же надпись включена в описание к уменьшенной Якутской карте (СК, л. 95). Географическое сочинение С. У. Ремезова «О грани и межах всей Сибири» также не дает определенного ответа о характере морского пути. В нем, с одной стороны, описана граница до Ледовитого моря, морем мимо устьев Оби, Енисея, Лены, Колымы до «восточных Камчедальских рек» и Восточным морем до устья Амура, т. е. морской путь показан свободным. С другой стороны, там же указано, что Сибирь «ныне же помалу распространися жителством до самого края Ледоватаго моря самого севернаго конца непроходимаго основания тверди каменной близ Северной Америки».

Исторически объективная ограниченность картографической изученности морского побережья Сибири XVII в. и неустойчивые географические представления С. У. Ремезова об этом районе к концу того же столетия объясняют ошибки тобольского ученого при решении вопроса о соединении Азии с Америкой, о соотношении морского прохода и «необходимых» мысов¹¹⁶. Тем более понятна настойчивость С. У. Ремезова в поисках новых достоверных источников о северо-востоке Азии при составлении чертежных книг. Значительную роль в эволюции его географических представлений сыграли встреча с Атласовым, «скаски» якутского пятидесятника и сведения о северо-восточной оконечности Азии, полученные в первых десятилетиях XVIII в.

Карты северо-востока Азии XVII—XVIII вв. в советской литературе изучены очень обстоятельно и подробно,

особенно в ранее упомянутых работах Л. С. Берга, А. И. Андреева, А. В. Ефимова, Д. М. Лебедева, М. И. Белова и других исследователей, поэтому ограничимся только общей схемой картирования этого района С. У. Ремезовым. Первые изображения Камчатки на ремезовских чертежах появились в 1696/97 г. при копировании картографических материалов. На тобольской копии 7205 г. «годуновского» чертежа нанесена р. Камчатка, она же, а также другие камчатские реки и полуостров показаны на копии (вероятно, того же года) чертежа 1687 г.¹¹⁷ На чертежах всей Сибири 1698 («екатерингофская» карта) и 1700 гг. («Чертежная книга») р. Камчатка изображена на материке, а против устья р. Удь — остров Камчатка. На одном из вариантов Якутского чертежа «Служебной книги» остров «Камчатой» показан в море между устьями Анадыря и Камчатки (СК, л. 97 об.). На другом Якутском чертеже (СК, л. 95 об.) и в одноименной карте «Чертежной книги» (л. 17) р. Камчатка помещена на материке, где Пенжинская губа и залив (без названия), в который впадает р. Лесная, образуют подобие полуострова. Показаны также погост Ивановский и «хребты Камчатки».

В новейшей систематической публикации 194 карт, относящихся к великим русским географическим открытиям, выделен специальный «ремезовский» раздел, в составе которого помещено 17 карт и транскрибированы надписи «Чертежа земли Якутского города» (№ 43), карт Камчатки (№ 47—50). «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII веков» (М., 1964), составленный под руководством члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, несомненно, имеет выдающееся международное значение и является как бы историко-картографической летописью великого подвига русского народа в XVII—XVIII вв. В публикации место, роль и значение С. У. Ремезова определены правильно, но интерпретация и хронология некоторых его произведений представляются спорными. Прежде всего А. В. Ефимов считает излишними давние дискуссии о подлинности чертежей Сибири 1701 г. и «Служебной чертежной книги», так как, по его мнению, «те карты в коллекциях Ремезова, которые не представляют собою копии чертежей других авторов, — как так называемый „годуновский“ или Виллуса и еще некоторые другие — являются, по крайней мере, авторизованными копиями, т. е. самыми настоящими подлин-

никами» (Введение к «Атласу...», стр. VIII). Присоединяясь к этому высказыванию (и особенно охотно после представленных нами доказательств подлинности «Чертежной книги»), хочу подчеркнуть, что оно не исключает, а, наоборот, предполагает последующие исследования и уточнения для решения ряда источниковедческих задач. Поэтому вовсе не излишне, например, указать на то, что чертеж Камчатки (СК, л. 102 об.) изготовлен, без сомнений, самим С. У. Ремезовым, а не его сыном Семеном-младшим, как обозначено в комментариях к картам «Атласа...» (стр. 33), или что карта, составленная по «данным Кубасова» и датируемая 1701 г. (стр. 31), на самом деле не могла быть изготовлена ранее 1702 г. *

Более правильные и устойчивые, хотя и приблизительные изображения северо-востока Азии даны на «камчатдальских» чертежах Ремезовых в «Служебной книге». обстоятельный анализ этих чертежей, проведенный А. В. Ефимовым, прежде всего показал, что они созданы не только под влиянием сообщений Атласова, но содержат и другие дополнительные сведения.

Поскольку все ремезовские чертежи Камчатки неоднократно воспроизводились в печати и стали теперь широко известны, ограничимся наглядной таблицей, составленной для сопоставления результатов исследований.

Чертеж № 1. Копия, изготовленная Иваном Ремезовым на бумаге с водяным знаком не ранее 1702 г., вместе с отдельным чертежным описанием напоминает по манере исполнения и оформлению уменьшенные «городовые» чертежи. Из особенностей карты отметим изображение маршрута из Средне-Анадырского зимовья к «городкам» на р. Камчатке, а также территории от Колымы до острова «Апон»¹¹⁸. Камчатка показана полуостровом, но надпись на чертеже не соответствует изображению: «Остров Камчатой, приходят люди грамотные, платье на них азямы камчатые». Многочисленные надписи и текстовые пояснения, составленные на основании показаний участников похода, сообщают такие детали, как «доехали сей городок в 3 дни и розбили юрт с 400», «бились сутки, оленей отбили», «полоненика взяли», «и назад воротилися до острогов», «3 человек служилых убили» и др.¹¹⁹ Исходя из своей

* См. рецензии на «Атлас...»: «Вопросы истории», 1965, № 2, стр. 151—154; «Природа», 1964, № 12, стр. 104—105.

Наименование и датирование

«Служебная чертежная книга»

№ чертежа	«Служебная чертежная книга»		Наименование и датирование	
	авторское оглавление	заголовок чертежа	архивная пагинация (листы)	А. И. Андреев, 1960 г. (стр. 139—140)
1	Чертеж вновь Камчадалские земли. Лист 68	Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Лист 68	99—100	Чертеж Траурнихта, 1700 г.
2	Чертеж вновь Камчадалские земли Траурнихтов. Лист 75	Чертеж вновь Камчадалский земли. Лист 69	101—102	Чертеж всей Сибири к востоку от Енисея. Примерно к 1705—1706 гг.
3	—	—	102 об.	Чертеж, сочиненный на основании «скасок» Атласова и чертежа Траурнихта. Конец 1700 г.
4	—	Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Лист 70	103—104	Чертеж Камчатки, Курильских и Японских островов. 1713—1715 гг. (по данным чертежа И. Козыревского 1713 г.)
				«№ 47. Карта, составленная по данным Атласова, 1701 г.»
				«№ 49. Карта Сибири от Енисея до Камчатки включительно. Между 1699 и 1715 гг.» Отражает сведения 1701—1706 гг.
				«№ 48. Чертеж Камчатки Ремезова — Атласова. Около 1700 г.» («карта Траурнихта — Ремезова — Атласова»)
				«№ 50. Чертеж похода Кузнецкого, 1713 г.» (по сведениям похода 1712 г.)
				Чертеж по данным Атласова. Не ранее 1702 г.
				Чертеж Траурнихта по данным 1702—1706 гг. Около 1707—1709 гг.
				Чертеж Камчатки. Не ранее 1712—1714 гг.
				Чертеж Камчатки по данным И. Козыревского. После 1713 г.

концепции копейности «Чертежной книги», А. И. Андреев несколько не сомневался в том, что в подлинном атласе 1701 г. «Камчатка имела уже тот вид, который был на чертеже ее в „Служебной чертежной книге“»¹²⁰. Но в сохранившийся и, надо полагать, подлинный экземпляр «Чертежной книги» С. У. Ремезов успел внести только одно существенное исправление, вызванное изучением «скасок» Атласова. «Чертежная книга» в период пребывания Атласова в Тобольске (16—30 декабря 1700 г.) была в целом готова. С. У. Ремезову оставалось к 1 января 1701 г. закончить только последний чертеж (№ 23) — этнографическую карту, имевшую основу общего чертежа Сибири из той же книги. Поэтому, получив новые данные и продолжая работу над этнографической картой, он изобразил Камчатку уже в виде полуострова. Так как остальные чертежи были полностью готовы и добавления повлекли бы за собой их переделку, «новинка» больше никуда не вносилась — на чертеже всей Сибири Камчатка показана еще островом.

Один из ранних чертежей Камчатки (№ 1), несомненно, составлен по данным похода Атласова 1696—1699 гг. Об этом свидетельствуют не только надписи на карте и ее содержание, но и чертежное описание к ней¹²¹. Однако анализ описания, проведенный некоторыми исследователями, к сожалению, привел к одному курьезному недоразумению, вызванному небрежностью И. С. Ремезова.

Приведем несколько начальных строк описания: «В лето 7209-го августа в 17 день по указной грамоте великаго государя при бытности в Тоболску ближних боярина и воевод князя Михаила * Яковлевича и столника князя Петра Михайловича Черкаских и дьяков посланы ис Тоболска 50 человек казачьих детей с якутским пятидесятником с Володимером Кубасовым в новопроведанную за Якутским в дальном разстоянии на Пенжинском море в Камчадалскую землю, в которую Отласов ходил на службу в 203-м году. А людей с ним было 60 служилых...» и т. д. (СК, л. 99). Затем следует текст, весьма близкий к «скаскам» Атласова и отпискам якутских воевод о результатах похода. Общеизвестно, что в начале 1701 г., находясь в Москве, Атласов выдвинул проект нового похода на Камчатку и среди других предложений считал необходимым послать с ним 100 служилых людей, набрав 50 человек в Тоболь-

* В рукописи описка: Михайловича.

ске, а другую половину — в Енисейске и Якутске. План был одобрен, и в Якутск во главе с Атласовым (но не с Кубасовым) отправились из Тобольска и Енисейска по 50 человек «новоприборных казаков»¹²². Это событие и зафиксировано в начале чертежного описания, но с существенной опiskeй: вместо Владимира Атласова главой похода назван Володимер Кубасов. В якутских окладных книгах за 1700—1701 гг. пятидесятник Кубасов не значится. Следует добавить, что по пути на Тунгуске Атласов с отрядом совершил ограбление торгового человека М. Белозерова. Находившийся под следствием (а позднее осужденный) Атласов был заменен якутским казачьим десятником М. Зиновьевым Многогрешным. «А в прошлом 702-м году по выбору якуцких всяких чинов служилых людей послан он, Михайло, с новоприборными тобольскими и енисейскими служилыми людьми в новоприисканную дальнюю землю вместо Володимера Отласова в Камчадальской острог для ясачного збору и прииску и приводу под государеву высокую руку вновь немирных иноземцов. И с того 1702 году ходил он с служилыми людьми на Камчатке по 1706 год и сверх прежних ясачных людей на Камчатке и на иных реках во многих острогах немирных иноземцов в ясачной платеж призвал и аманатов взял»¹²³.

Таким образом, становится ясным, что описку И. С. Ремезова необходимо исправить, заменив мифического Кубасова В. Атласовым.

Чертеж № 2. На нем изображена территория от Енисея до Камчатки и от «стены китайской» до «акиан моря». Показан пунктиром маршрут, видимо, М. Зиновьева из Якутска на Камчатку, а также «Курильская земля», «Новая земля» (Аляска), «нос непроходимой Шалацкой», населенные пункты, речная сеть. А. В. Ефимов обратил внимание на то, что на карте от южной части Камчатки показан отрог, идущий на восток или на юго-восток, т. е., «иначе говоря, картографически поставлен вопрос о возможности соединения Камчатки с Америкой»¹²⁴. Он также убедительно доказал, что этот чертеж, несомненно, даст более правильные сведения о Восточной Сибири и северном побережье, чем чертеж № 1, и отражает некоторые результаты походов на Камчатку середины первого десятилетия XVIII в. Уточняя датирование чертежа, следует согласиться с доводами Б. П. Полевого, высказанными на заседании Географического общества (14 декабря 1964 г.):

транскрипция названий рек дана на чертеже по данным до 1706 г., на Курильском озере изображен острог, который был razoren в 1705 г., отсутствие изображения Чукотского полуострова (дан Шелагский мыс) соответствует представлениям колымским (но не анадырским) первых лет XVIII в. Следовательно, оригинал чертежа не мог быть выполнен ранее 1704 г., и всего вероятнее он сделан в 1706—1707 гг. или несколько позже. Если учесть, что сведения о камчатских походах этого периода были систематизированы в Якутске к концу 1707 г., то чертеж мог быть сделан в 1708 г. и через год попасть в Тобольск. С. У. Ремезов называет этот чертеж Траурнихтовым — по имени якутского воеводы Дорофея Афанасьевича Траурнихта¹²⁵. Представляется, что это авторское наименование следует сохранить и не распространять его произвольно на другие чертежи¹²⁶. Ведь чертеж № 1 имеет свое авторское название и, несмотря на небольшое отличие заголовков самого чертежа и оглавления, носит один и тот же номер листа (68). Чертеж № 3 никак не может быть назван Траурнихтовым, потому что он был изготовлен позднее ремезовского оглавления.

Чертеж № 3 составлен собственноручно С. У. Ремезовым, причем почерк надписей очень близок к ремезовской скорописи второго десятилетия XVIII в. На чертеже показаны Камчатка, западная часть Аляски, Чукотский полуостров, Верхне-Камчатское зимовье, «Земля Курильска на озерах и островах», «ключи горячие», «землица и остров», места поселений («живут чюкчи»), речная сеть района. Он, несомненно, отражает сведения и Атласова и чертежа Траурнихта, но очертаниями полуострова и другими своими подробностями более содержателен, чем ранние картографические изображения Камчатки и известия первых походов. В результате многолетних исследований А. В. Ефимов пришел к выводу, что этот чертеж является «первой в мире попыткой изобразить часть Северо-Запада Америки на основе конкретных данных», что он «кладет начало новой версии изображения Чукотского п-ва», наконец, что по сравнению с чертежом № 1 «имеется большой прогресс в изображении Пенжинского (Охотского) моря, Камчатки и Чукотского п-ва»¹²⁷.

Как было показано, комплектование «Служебной чертежной книги» происходило около 1710—1712 гг., поэтому легко объяснимо отсутствие в авторском оглавлении ре-

мезовского атласа чертежа № 3, выполненного не ранее 1712—1714 гг. Особенности изменения почерка С. У. Ремезова во времени, отсутствие чертежа № 3 в оглавлении являются серьезными доводами в пользу этой датировки. Другие существенные доказательства были найдены и сообщены нам Б. П. Полевым. На чертеже напротив юго-восточной части Камчатки изображен остров с надписью: «Сани же розбило», и вблизи Японии надпись: «Зде[сь] унесло». Это, несомненно, сведения о японце Сани (Сан, Сами, Сангина), который был выброшен в 1710 г. на остров у юго-восточной части Камчатки, затем попал в плен и в 1712 г. рассказал о своих приключениях¹²⁸. На чертеже № 3 еще не отражен поход И. Козыревского, но зато Чукотка изображена по чертежу Попова 1711 г. Видимо, оригинал чертежа № 3 составлен около 1712 г. и через 1,5—2 года мог оказаться у С. У. Ремезова.

Чертеж № 4 С. У. Ремезов изготовил после 1713 г., получив сведения о походах на Курильские острова. Источниками для его составления, по общему мнению исследователей, явились материалы «курильских» походов И. П. Козыревского. Менее уверенно можно датировать оригинал чертежа, выполненный в 1712 или 1713 г. А. В. Ефимов считает единственно возможной датой второй поход 1712 г. На чертеже отмечено надписью место, до которого «доходили служилой Иван Козыревский с 18 человеки и видели острова».

Не менее важны для истории развития географических представлений в конце XVII в. изучение и картирование С. У. Ремезовым южных границ Сибири и зарубежных земель. Правда, еще Г. Н. Потанин, заметив, что изображение этой территории в некоторых случаях отличается «запутанностью», объяснил это неточностью расспросных сведений и отсутствием замкнутых речных бассейнов, облегчающих привязку «подробностей»¹²⁹. Современные исследователи, также отмечая ошибки карт С. У. Ремезова, вместе с тем дают высокую и правильную оценку его работам, которые наиболее полно обобщили собранные и в целом достоверные сведения об отдаленных районах¹³⁰. Чертежи атласов и обзорная карта «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи» подводят итоги изучения юга и юго-востока Азии в XVII в., вместе с тем они являются древнейшими из дошедших до нас изображений этого района. С. У. Ремезов показал на картах

не только Монголию, Тибет, Северный и Южный Китай, Корею, Сахалин, Японию, но и Сиам, «Камбодию», Восточную Индию, Яву (ХК, л. 150). Впервые им была дана наиболее полная картографическая характеристика Каспийского и Аральского морей с прилегающей к ним территорией. Показаны: Кон-Дарья, Сыр-Дарья и Аму-Дарья, Балхаш («море Тенгиз»), Устюрт, колодцы, «арыки — малые реки», рельеф, города (Хива, «Бухарея», Куча, Юргенчи, Туркустан и др.), расселение народностей, кочевья, дороги¹³¹. Интересно отметить, что центральные, северные и южные области Казахстана переданы на генеральной карте России крупнейшего картографа 20—30-х годов XVIII в. И. К. Кирилова гораздо схематичнее, чем на обзорном чертеже С. У. Ремезова¹³².

Известную преемственность изображения территории Средней Азии, а также последовательное расширение географических знаний наглядно показывает сравнение ряда старинных карт. Например, географическая характеристика части Средней Азии с Аральским морем на чертеже 1687 г. существенно дополнила не только чертежи 1667 и 1673 гг., на которых Средняя Азия вовсе не была показана, но и карту Спафария, оказав также известное влияние на последующие работы С. У. Ремезова. Анализ, проведенный в последние годы В. Н. Федчиной, показал совпадение (по Средней Азии) наименований географических объектов на чертеже 1687 г. и в «Книге Большому чертежу». Из совершенно правильного наблюдения сделан далее, на наш взгляд, поспешный и спорный вывод: чертеж 1687 г. в отношении территории Средней Азии является копией «Большого чертежа». Считая копияность доказанной, автор утверждает, что «возвышенности изображались на „Большом чертеже“ не перспективным рисунком, как считали некоторые исследователи, а мазками темной краски»¹³³. Более очевидно, что составитель карты 1687 г. пользовался не «Большим чертежом», а описанием к нему. Кроме того, на чертеже 1687 г. в отличие от «Книги Большому чертежу» даны и другие показатели, например, Индийская земля, реки Тигр и Евфрат и др. Наконец, никак нельзя доказать, что «копия» являлась совершенно аутентичной соответствующей части «Большого чертежа». Практика снятия копий чертежей в XVII—XVIII вв. показывает, что большинство копий как раз не сохраняет графическую манеру оригинала. Конечно, очень заманчиво восстановить хотя бы

частично облик утерянного «Большого чертежа», но В. Н. Федчина несколько переоценила значение своего любопытного открытия.

* * *

Как сибирский историк С. У. Ремезов стал известен в России во второй половине XVIII в. благодаря изданию «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1750 г.) и распространению списков Черепановской летописи (1760 г.)¹³⁴. И Миллер, и Черепанов основательно использовали Ремезовскую летопись, которая задолго до опубликования была введена в научный оборот. Многочисленные факты более раннего распространения картографических трудов тобольского ученого, но как картограф и географ широкую известность он получил гораздо позже, так как, несмотря на использование ремезовских чертежей, чертежных книг и описаний уже в конце XVII в., имя автора в XVIII в. почти нигде не указывалось.

Чертежи С. У. Ремезова оказали определенное влияние на развитие русской и западноевропейской картографии и содействовали проникновению за границу более правильных географических представлений о Сибири. Так, австрийский посол Гвариенти в 1699 г. получил от А. А. Винюса копию карты Сибири 1698 г. с немецким текстом и заголовком: «Abzeichnung der gantzen Nord- und Ost-Gegend von den Moscovitischen Grentzen durch Sibirien biss zu dem grossen Reich Kitai, sonst China»¹³⁵. Многие показатели этого же чертежа легли в основу карты И. Идеса, изданной в 1704 г. в приложении к голландской публикации описания его путешествия¹³⁶, а на карте 1707 г. французского географа Г. Делиля обозначен по Ремезову «необходимой нос»¹³⁷. Сходные с чертежом С. У. Ремезова 1700 г. очертания Чукотского полуострова и Камчатки прослеживаются на многих русских картах первой четверти XVIII в.: якутской карте 1710—1711 гг., картах И. Льюва, М. Зиновьева 1726 г., И. Кирилова 1724 г. Последняя в 1725 г. была опубликована и в известном атласе И. Б. Гомана. Сведения Атласова и Козыревского, отраженные чертежами С. У. Ремезова, стали известны в Западной Европе и через Страленберга. Из биографии С. У. Ремезова известно о его знакомстве и встречах с Мессершмидтом и Страленбергом. Не вызывает сомнений, что карты Страленберга, составленные в плену в Тобольске в 1715 и 1718 гг. и затем про-

павшие, а также изданные им в 1725 и 1730 гг. карты Сибири содержат сведения, полученные от С. У. Ремезова. Одна из первых карт Страленберга при участии пленных шведских офицеров была отправлена за границу и послужила основой для издания ряда карт 1726 г. в Голландии¹³⁸. Пленный швед и немецкий путешественник, довольно высокомерно объявившие С. У. Ремезова «старым художником», а не географом (картографом), тем не менее упорно стремились заполучить копии чертежей тобольского исследователя и, несмотря, по их же словам, на скрытность и подозрительность последнего, весьма в том преуспели. Только у Мессершмидта среди его уцелевших бумаг и дневников оказалось в копиях 12 чертежей С. У. Ремезова, помимо рисунков кунгурской пещеры, «чюдцкого письма» с Ирбитской скалы и эскизов карт. Оригиналами для снятия копий Мессершмидтом были материалы «Служебной» и «Хорографической» книг: чертежи земель Енисейска, Иркутска, Кузнецка, Тары, Томска, Красноярска, Якутска (два варианта), а также Китая, Восточной Сибири (от Енисея до Камчатки), Камчатки и чертеж 1697 г. М. Стрекаловского¹³⁹.

Копии текстов географического содержания, относящихся к работам С. У. Ремезова, найдены и среди «портфелей» Миллера. С. Е. Фель ошибочно считает эти «выписки» частью ремезовского описания Сибири к общей карте Сибири 1698 г. На самом деле копии, снятые для Миллера в Тобольске, содержат несколько статей 1697 г. из «Хорографической книги»¹⁴⁰. Такие же статьи оказались в сборнике «малороссийского письма», переданном в 1767 г. историком Шлецером в библиотеку Академии наук¹⁴¹. Копии, писанные южнорусской скорописью, свидетельствуют не только о факте обмена научными данными Сибири с другими районами, но и о распространении произведений С. У. Ремезова далеко за пределами Тобольска и Москвы. Кроме оглавления «Хорографической книги», в сборнике помещены из этого же источника: «Описание Сибири» («Описание Сибирской страны из древних лет в космографиях и историях и повестях...»), «Дорога Московская чрез Тюмень в слободы и в степь», «Описание херографии от града Тобольска, Тобол-река с облегающим течением...», «Подпись херографии» («река Турба пала с востоку изо многих озер...»).

В историко-географической литературе находим глухие

упоминания о малоизвестных материалах, относящихся к деятельности С. У. Ремезова. Так, Л. С. Багров в 1947—1952 гг. указал, что А. И. Андреевым не были учтены три рулона карт, хранящихся в картографическом отделе библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, а в 1954—1958 гг. бездоказательно относил их к ремезовским оригиналам-чертежам Тобола и Вагая конца XVII в.¹⁴² Но оба автора, упоминая о «рулонах», описанных еще в 1877 г., не исследовали эти документы¹⁴³. При рассмотрении их оказалось, что чертежи по содержанию идентичны 22 (из 165) листам «Хорографической чертежной книги». Склеенные между собой чертежи рек образуют три рулона длиной от 2 до 5 м каждый и соответствуют отдельным листам первого атласа С. У. Ремезова: л. 79—82 (р. Иртыш), л. 11—16, 18—23 (р. Тобол) и л. 101—106 (р. Вагай)¹⁴⁴. Чертежи выполнены менее тщательно, чем их оригиналы (пропущены некоторые названия населенных пунктов и др.), отличаются иной разграфкой и несколько увеличенными размерами. Водяной знак бумаги с гербом Ярославской губернии и литерным сопровождением ЯФЗ (Ярославская фабрика Затрапезного) позволяет утверждать, что «рулоны» чертежей изготовлены не ранее 40—50-х годов XVIII в. и являются неточными копиями соответствующих листов «Хорографической книги»¹⁴⁵.

Таким образом, картографические и географические работы С. У. Ремезова, имевшие вначале преимущественно справочное значение, уже с конца XVII в. становятся достоянием русской, а также западноевропейской науки, а их распространение и использование отмечаются на протяжении всей первой половины XVIII в.

Хотя большинство ремезовских карт создано в конце XVII — первом десятилетии XVIII в., его картографическое наследство отражает определенный исторический этап в развитии русской картографии, надающий на допетровскую эпоху и характеризующийся накоплением предпосылок для последующего перехода от чертежей к картам, имеющим математическое обоснование. Поэтому было бы ошибкой полагать, что «история не дала ответов» на такие риторические вопросы, как «почему Петр, обладавший даром чутья открывать таланты, не привлек Ремезова к живому делу становления русской картографии? Неужели не нашлось бы для него объекта самостоятельной творческой

работы, как это было в Сибири?» и т. д.¹⁴⁶ Конечно, не дальнейшее расстояние от Москвы до Тобольска и не почтенный возраст картографа служили препятствием для «привлечения» его к работе. Главное, несомненно, заключалось в том, что картография С. У. Ремезова, которая подвела итоги значительным достижениям самобытной русской картографии и географической мысли XVII в. для петровского времени, в период точных измерений была уже вчерашним днем развития науки¹⁴⁷. С. У. Ремезов, как видно из биографии, всегда живо интересовавшийся культурной и научной жизнью Тобольска, на склоне лет, возможно, встречался с первыми петровскими геодезистами, посланными в Сибирскую губернию «для сочинения ландкарт», ознакомился с новыми для него приемами и техникой картосоставления¹⁴⁸. Весной 1719 г. в Тобольске задержался Ф. Лужин и И. Евреинов, определившие широту столицы Сибири (58°). Чертежи С. У. Ремезова оказали известное влияние на карту Евреинова 1722 г., оно ощущается в очертаниях Камчатки, озера Байкал, в изображении верхних участков течения главных рек Сибири¹⁴⁹. В составе отправленной из Тобольска экспедиции И. М. Лихарева к озеру Нор-Зайсану (1719—1720 гг.) были два «землемера» из Морской академии — И. Захаров и П. Чичагов. Один из лучших геодезистов, П. Чичагов, долгое время работал в Тобольске и в тобольских уездах, составив ряд частных карт Сибири и «Каталог обретающей Сибирской губернии Тобольской провинции городам и слободам и прочим местам»¹⁵⁰. К 1720 г. С. У. Ремезов был свидетелем, но не участником начавшейся научной организации картографо-геодезических работ XVIII в. в России.

Сохранившиеся чертежи С. У. Ремезова, уступая в математическом обосновании современным ему западноевропейским картам, а в технике съемок и составления карт работам петровских геодезистов, отразили и донесли до наших дней такое обилие детальных и в большинстве своем достоверных историко-географических сведений о Сибири XVII в., что заслуженно приобрели мировую славу и известность как выдающийся памятник русской науки и культуры.

Для истории русской картографии первые сибирские атласы представляют собой бесценные сокровища. Они позволяют судить, с одной стороны, о высоком уровне развития старинной русской картографии, методах составления

карт, а с другой — о состоянии картографической изученности Сибири, начиная с 1667 г. Следует отметить ряд прогрессивных тенденций, проявившихся в работах С. У. Ремезова: впервые в истории русской картографии проведенная генерализация (карты Тобольского уезда и Средней Азии), попытки употребления масштабов, унификации условных обозначений, высокое качество оформления, тщательность предварительной подготовки, постоянное стремление к обновлению фактического материала для картосоставления. Атласы С. У. Ремезова отразили значительную роль аборигенов в географическом изучении Сибири, а также сохранили труды многих безвестных провинциальных сибирских картографов, которые своим опытом и реальными знаниями местных особенностей внесли посильный вклад в развитие сибирской картографии. Опираясь на народное картографическое творчество, С. У. Ремезов в своих обобщающих работах достиг высокого профессионального мастерства. Особенности его творческого почерка при этом настолько ярко выражены, что определенно можно говорить о стиле ремезовской картографической «школы»¹⁵¹. Но главное достоинство чертежей С. У. Ремезова — богатое географическое содержание. В этом отношении картографические произведения тобольского исследователя значительно превосходили первые карты Сибири петровских геодезистов и тем более зарубежные карты того времени, целиком зависящие от русских источников. В чертежах С. У. Ремезова, дающих разностороннюю физико-географическую характеристику территории и насыщенных экономическими показателями, этнографическими, историческими административно-политическими, военными, археологическими и другими данными, современные исследователи справедливо усматривают наиболее раннее проявление комплексного картографирования¹⁵². Можно без преувеличения сказать, что картографические труды С. У. Ремезова являются основным источником для изучения картографии как науки и как искусства целого исторического периода. Изучение чертежей имеет важное научное значение и потому, что оно дает представление о роли русского народа в мировых географических открытиях XVII в., о процессе последовательного расширения географических знаний о Сибири. Кроме карт, свои географические представления С. У. Ремезов выразил в сочинениях «О грани и межах всей Сибири», «Уподобление Сибирские страны»,

в чертежных описаниях. Разработанная им оригинальная методика географического описания речных систем, подытоживая многолетний опыт составления подобных описаний служилыми людьми в XVII в., в истории русской географии была одной из ранних попыток теоретического обобщения практического опыта. Кроме «инструкции», стремление к унификации географических описаний и карт ярко проявляется в создании «учебных» материалов — образца составления отчета о доезде, планов «описных слобод».

Не менее велико значение использования картографических материалов исторической наукой. Так же как применение исторического метода в историко-географических исследованиях нацелено на преодоление ограниченного пространственного направления в географической науке, использование картографических источников позволяет историкам преодолеть опасность игнорирования роли и значения географической среды при изучении исторических процессов¹⁵³. Знаменитый ученый XVIII в. В. Н. Татищев довольно точно отметил особенность карт как источника для изучения истории. Он писал: «Гистории же всякая хотя действия и времена от слов имеют нам ясны представить; но где, в каком положении или расстоянии что учинилось, какие природные препятствия к способности тем действиям были, також где которой народ прежде жил и ныне живет, как древние города ныне имянуются и куда перенесены, оное география и сочиненные ландкарты нам изъясняют; и тако, гистория, или деесказания и летописи, без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут»¹⁵⁴. Присоединение Сибири, история сибирских народов XVII в. и другие исторические процессы и явления в большинстве случаев не могут быть показаны достаточно полно без привлечения картографических материалов С. У. Ремезова, не говоря уже о его специальных исторических и этнографических трудах, рассмотрение которых выходит за рамки наших задач.

Значительную ценность чертежи С. У. Ремезова представляют для исследований ряда региональных и локальных проблем экономической географии, военной истории, этнографии, а также топонимики и краеведения. Например, внесмасштабные планы населенных пунктов, показанные на уездных картах С. У. Ремезова, дают уникальные

графические изображения всех сибирских уездных городов, ряда острогов (Балаганский, Братский), монастырей (Троицкий). В истории сибирского градостроения они являются почти единственным источником XVII в. для представлений о древних традициях построения округлого города или о чертах регулярной планировки¹⁵⁵. Русские топонимы на ремезовских чертежах могут указать направление русского заселения Сибири, а так называемые археологические топонимы — на исчезнувшие объекты (городища, курганы и др.)¹⁵⁶.

Семен Ульянович Ремезов жил и работал в эпоху великих русских географических открытий. Величие этой эпохи отвечает творчество сибирского патриота, прославившего пером и кистью, трудом и знаниями свой родной край и обогатившего культуру русского народа. Прославление Сибири — центральная тема всех его произведений, созданных, по словам ученого, «ко утешней всенародной пользе».

Примечания

К главе 1

- ¹ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, ст. 1184.
- ² СП, стб. 16, л. 385—385 об. Сообщение о прибытии М. Ремезова привез в Приказ Казанского дворца 7 февраля 1629 г. стрелецкий сотник В. Клепиков.
- ³ СП, кн. 27, л. 5, 56; кн. 92, л. 101 об.; кн. 111, л. 266; кн. 131, л. 114—114 об.; кн. 141, л. 142; кн. 158, л. 85; кн. 159, л. 157 об.; кн. 160, л. 147 об.; кн. 167, л. 83; кн. 182, л. 165; последняя запись 7155 г.— кн. 192, л. 159 об. В выписке, сделанной С. У. Ремезовым из книги 7147 г. о службе своего деда, ошибочно указан соляной оклад — 7 пудов (СК, л. 37).
- ⁴ О «посылках» сибирских служилых людей см. СП, стб. 16, л. 215—235, 443—444; л. 110—116 — сведения о числе служилых людей по городам и острогам Тобольского разряда в 7136 г.
- ⁵ О различных группах служилых людей см. «Очерки истории СССР. Период феодализма (XVII в.)». М., 1955, стр. 860—865.
- ⁶ В 7160 г. из Тобольска к Соли Камской и на Устюг Великий совершил поездку известный картограф Курбат Иванов, закупивший «всяких запасов» более чем на 679 рублей (СП, кн. 279, л. 35 об.— 36 об.).
- ⁷ СП, кн. 888, л. 8—10.
- ⁸ СП, кн. 141, л. 103; кн. 158, л. 66; кн. 27, л. 372—373 об.; кн. 948, л. 155 (там же, л. 72—72 об.— о посылке со Спафарием П. Т. Пошехонова); кн. 1451, л. 296 об.— о службе подьячего А. Жеребятёва с Елизарием Избрантом и др.
- ⁹ СК, л. 12 об. Для изучения деятельности служилых людей исключительно ценным документом, к сожалению, неопубликованным, является книга Сибирского приказа № 948. Она замечательна в том отношении, что приводит службы и наиболее значительные события в жизни всех служилых людей Тобольска. Ее появление обусловлено предписанием в феврале 1689 г. тобольскому воеводе А. П. Головину «пересмотреть, кто из них (служилых.— Л. Г.) остарел или увечен и которые служить не могут в посылках, росписать их в тетратех» (л. 1). Единственный документ (л. 97 об.— 98) книги опубликован А. Н. Копыловым («Исторический архив», 1961, № 6, стр. 237).
- ¹⁰ ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 324, л. 170; Н. Н. Оглоблин. К биографии С. Ремезова.— «Библиограф», 1892, № 10—11, стр. 335.
- ¹¹ СП, кн. 130, л. 101 об.; кн. 201, л. 92. Подмена свидетельств источников случайными данными или домыслами должна оставаться

ся на совести составителей, например, такого сообщения: «...Моисей Ремезов — пришедший на берега холодного Иртыша откуда-то из Поволжья, был простым казаком» (М. Колобков, С. Кожевников. «Чертежная книга Сибири». — «Сибирские огни», 1951, № 2, стр. 86).

- ¹² А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век, изд. 2-е. М.—Л., 1960, стр. 96—98; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955, стр. 33, 276; L. Bagrow. Semyon Remezov — a Siberian cartographer. — «Imago Mundi», 1954, XI, p. 111—125; «The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Imago Mundi. A review of early cartography. Founded by Leo Bagrow. Supplement 1». 's-Gravenhage, 1958. Introduction, p. 1—17.
- ¹³ «The Atlas of Siberia...», p. 8; «Imago Mundi», 1954, XI, p. 111—112.
- ¹⁴ М. Ремезов несколько раз привлекался к допросам в связи с «изветным письмом» на тобольского воеводу и его сыскным делом. Сохранились расспросные речи Ремезова с его автографами (ЦГАДА, ф. 141, 1632 г., № 62, л. 37—38; 1634 г., № 78, л. 15—18, 390); см. также «Записки к Сибирской истории служащие...» — «Древняя российская вивлиофика», ч. VI. СПб., 1774, стр. 235.
- ¹⁵ РИБ, т. II. СПб., 1875, стб. 776—768; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 107, 121, 262. Во время второго морского похода был разбит один из двух кочей с хлебом, и Ремезов вернулся в Тобольск.
- ¹⁶ СП, стб. 315, л. 11—12.
- ¹⁷ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 262—265. Здесь же приведен факт вмешательства тобольского воеводы в судные дела верхотурского воеводы: по челобитью Меньшого Ремезова И. И. Салтыков судил подъячего Артемья Бабаилова в Верхотурье (СП, стб. 257, л. 147, 148, 223—225).
- ¹⁸ Н. Н. Оглоблин. Сибирские дипломаты XVII в. — «Исторический вестник», т. 46. СПб., 1891, стр. 156—157; он же. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 1. М., 1895, стр. 214 (СП, стб. 115, л. 18—40); Г. И. Слесарчук. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. — Сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 261—262.

В Черепановской летописи помещена под 1641 г. запись о посольстве: «Приехал в Тобольск февраля 13 дни от контайши посыланной к нему из Тобольска от воеводы тобольской сын боярской Меньшей Ремезов с подарками, состоящими в серебряной посуде, шелковых материях и сумке ценою на четыресто рублей, и граматою. Да при том просить ево, контайшу, приказано, чтоб он своих людей усмирил строгостию, которые в Кузнецком ево калмыки, Мазайко с товарищи, под видом купечества обманом многих русских купцов прибили, иных в полон взяли, а пожитки их ограбили; тех бы людей и с пожитками их, чтоб контайша возвратил обратно в российские города, да беглых татар и протчих сибирских народов, которые в его улусы из сибирских волостей бегают и там

укрываются, тех всех выслать на свои их жилья, где они прежде жили, а впредь бы таковых не принимать». Далее И. Л. Черепанов отмечает, что «хотя по внешнему виду контайша оказывал себя к миролюбным свойствам..., почти всегда у него имелись сухие отказы» (ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 206—206 об.).

- 19 Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 485—486, 490, 511, 518.
- 20 РИБ, т. II, стб. 767.
- 21 СП, стб. 315, л. 241.
- 22 Там же, л. 131.
- 23 Там же, стб. 1377, л. 476.
- 24 Там же, кн. 312, л. 24, 78 об.—79. Подобную запись с заменой слов: «за деревню» — «за пашню» см. в кн. 300, л. 16 об. (с пометкой: «того на нем хлеба не взято за бедностью»), л. 66 об.
- 25 СК, л. 26 об.—27. Без дополнительных данных трудно судить о тождественности деревень Меньшого Ремезова и Ремезова. При описании р. Тобол в 1696—1697 гг. С. У. Ремезов указывает: «На правом (берегу.—Л. Г.) конце яру, з запада выпала речка, словет Сухой Ерек, от города верста сто пятьдесят сажен. А в вершине на нем деревня Ремезова...», а на чертеже р. Тобол, согласно описанию, помещает деревню Ремезова (ЖК, л. 10 об.—11), она же изображена на другом чертеже (л. 79). Но на р. Аремзянке вблизи Тобольска нанесена вторая деревня Ремезова (л. 78).
- 26 СП, стб. 315, л. 130—131.
- 27 Там же, кн. 210, л. 25 об.; стб. 315, л. 215.
- 28 СК, л. 39; ср. СП, кн. 367, л. 990 (челобитная У. Мосеева): «Служил я... всякие... службы и зимние и летние, конные и струговые и нартные много лет».
- 29 СП, стб. 663, л. 226.
- 30 Там же, л. 226—227. В связи с новым назначением У. Мосеев получает прибавку к жалованью. При «розборе», однако, «придаточное» жалованье было отменено, потому что «та придача учинена без государеву указу не за службы».
- 31 Там же, кн. 277, л. 39; кн. 353, л. 100; кн. 389, л. 134; кн. 409, л. 141; СК, л. 37. Обычно в «литовский список» зачислялись на службу иноземцы, преимущественно литовцы, шведы, немцы и др. Верстанья У. Мосеева по «литве и литовскому списку казаков» объясняется лишь наличием вакансии («выбылой оклад») в этом списке и отнюдь не говорит о его иноземном происхождении. См. также СП, кн. 130, л. 105. Подобные верстанья особенно широко применял тобольский воевода П. И. Годунов, зачисляя в «литву» и конных природных казаков (С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 280).
- 32 С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 36—38.
- 33 Там же, стр. 37; СК, л. 37, 39; ОРБАН, 16.16.5, л. 28 об.; «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 347. В летописи неверно указана и должность У. Мосеева в 1719 г. См. также Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1831, стр. 471; ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 237 и 237 об.
- 34 «Сибирские летописи», стр. 348.
- 35 Упоминается как сотник стрелецкий в челобитной 1710 г. тоболян на рейтаров М. Журжина с товарищами, обвиняемых в

«разбойных делах», воровстве и драках (СП, стб. 805, л. 202—202 об.; л. 214 — поручная 17 августа 1665 г. с автографом). Об окладах: там же, кн. 432, л. 100 об.; кн. 436, л. 128; кн. 450, л. 106; кн. 475, л. 60; кн. 460, л. 38; кн. 593, л. 159 об.; кн. 501, л. 116 об.; кн. 509, л. 112 об.; кн. 510, л. 121 об.; кн. 538, л. 138 об.; кн. 546, л. 140 об.; кн. 549, л. 129 об.; кн. 550, л. 148; кн. 571, л. 42.

- ³⁶ С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М., 1902, стр. 115. С. Н. Марков, основываясь на этом единичном и не вполне ясном указании, характеризует У. Мосеева как «звездочета и волшебника». Не подтверждается источниками высказывание о У. Мосееве, который якобы был «чертежным мастером» и в числе других тобольских «ученых» составил «чертеж всей Сибири» (С. Н. Марков. Земной круг.— «Сибирские огни», 1960, № 9, стр. 156; № 10, стр. 140). Еще более оторваны от документальной базы домыслы о У. Мосееве, который якобы «делал записи о всем примечательном, что ему приходилось видеть и слышать», и о том, что «его изба в Тобольске была полна всяческих диковин, привезенных со всех концов северной и северо-восточной Азии» (М. Колобков, С. Кожевников. «Чертежная книга Сибири». — «Сибирские огни», 1951, № 2, стр. 86). Многочисленные домыслы о семье Ремезовых можно найти в «исторической» повести М. К. Юрасовой «Любовь и подвиг беззавистно...» (Омск, 1961).
- ³⁷ СП, кн. 367, л. 988 об.
- ³⁸ Там же, л. 987 об., 989.
- ³⁹ Там же, л. 996 об., 993.
- ⁴⁰ Другие примеры составления чертежей см. В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 262—263.
- ⁴¹ «The Atlas of Siberia...», p. 8; «Imago Mundi», 1954, XI, p. 112; Л. А. Гольденберг. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г.— «Труды Ин-та истории естествознания и техники», т. 42, вып. 3. М., 1962, стр. 253.
- ⁴² Краткий, но яркий очерк о П. И. Годунове написан С. В. Бахрушиным (Указ. соч., стр. 273—296).
- ⁴³ См. челобитные в «прибыльной книге» Годунова (СП, кн. 367, л. 986—988, 990—992, 998 об.—999 об., 1016—1016 об., 1018—1019 об.; Н. Н. Оглоблин. Обзорение..., ч. 2. М., 1897, стр. 137, а также СП, кн. 535, л. 326—327 и др.).
- ⁴⁴ СП, кн. 367, л. 990—992 об. Челобитная Ремезова от 3 сентября 1667 г. и допросы — л. 986—989 об.
- ⁴⁵ СП, кн. 535, л. 326—326 об. У С. У. Ремезова изложено несколько иначе: «В 176-м году в Пелымском уезде в Табарах и на Гарях учили в хлебе прибыли 115 чети с осминою и з четвериком ржи и овса тож. И у них же приискал за умерших 6 десятин в поле, а в дву по тому же» (СК, л. 37, а также л. 39).
- ⁴⁶ СП, кн. 535, л. 327 об.—333. С. У. Ремезов пишет: «Во 176-м году от Пелыми... отложилися Леушинская волость лутчие люди 39 человек и тех уговорил и ясак и поминки с них за прошлые за два годы собрал и вновь в тех деревнях 138 человек вписал. И те все волости платят ясак в Тоболеск» (СК, л. 37).
- ⁴⁷ СП, кн. 367, л. 996.

- 48 Район современной так называемой Южно-Икской лесной дачи, к которой с юга примыкает Северное болото (между реками Ишимом и Вагаем). Устройство другой слободы «по верхнюю сторону Ику от Орлова городища» поручалось казаку О. Федорову.
- 49 СП, кн. 367, л. 997—997 об.
- 50 Там же, л. 993—995, 1000 об.— 1007 и др. (челобитные служилых людей о поверстанье и выдаче жалованья); л. 997 об.— 998, 1007—1008 об., 1013 об.— 1014 (именные списки «людям, которые едут на Ишим»); л. 1009—1011, 1054 и др. (поручные); в одной из них (л. 1011) едущие в острожки называют себя ишимскими казаками. Службы рейтара Петра и казака Ивана Мосеевых отмечаются в тобольских окладных книгах, например: СП, кн. 701, л. 58; кн. 593, л. 124 об.
- 51 Там же, кн. 367, л. 1014—1017, 1020.
- 52 Там же, л. 1018—1018 об., 1023—1023 об.
- 53 Там же, кн. 511, л. 1 об.; стб. 866, л. 98, 162.
- 54 Там же, стб. 866, л. 98, 119; кн. 511, л. 10 об.
- 55 Там же, стб. 866, л. 159—166.
- 56 Там же, л. 165. В жалобе «писчего дьячка» С. Чагина У. Мосеев обвиняется в присвоении сумы с деньгами и крепостями.— Там же, стб. 700, л. 45, 75.
- 57 Там же, стб. 866, л. 107.
- 58 Там же, кн. 511, л. 11.
- 59 Там же, кн. 866, л. 123.
- 60 Там же, кн. 511, л. 24.
- 61 Там же, кн. 866, л. 170; «Древняя российская вивлиофика», ч. VI, стр. 312.
- 62 СП, кн. 642, л. 147 об.; кн. 657, л. 101 об.; кн. 658, л. 118; кн. 684, л. 145; кн. 703, л. 121 об.; кн. 701, л. 35; кн. 705, л. 118; кн. 751, л. 151; кн. 749, л. 135—135 об.; кн. 1338, л. 22 об.; кн. 773, л. 127 об.; кн. 800, л. 101 об.; кн. 829, л. 14 об.; кн. 846, л. 34; кн. 849, л. 26 об.; кн. 826, л. 160; кн. 858, л. 164 об.— 165; крестоприводная запись 1682 г.— кн. 754, л. 7.
- 63 СК, л. 37 (1680/81 г.). В 1684/85 г. от У. Мосеева было принято после переработки 38,5 пуда «пороху ручного з деревом», 11 пудов 4 гривенки пороха пушечного и 4 пуда «пыли», а также дано «из зелейного погреба для перекруту плохово пороху» 69,5 пуда, пуд селитры и 6 гривенок горючей серы (СП, кн. 750, л. 37, 41 об.; ср. Н. А. Найденов. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885, стр. 34).
- 64 Н. Н. Оглобин. Обзорение..., ч. 4. М., 1901, стр. 113; СП, кн. 858, л. 164 об.— 165; кн. 893, л. 147.
- 65 СП, кн. 1052, л. 4 об., 70 об., 169 об.; кн. 950, л. 189—190. Годовая сумма слагается из ряда выдач в течение года: в 1687 г. 27 августа — 1 рубль 25 алтын 3 деньга, 8—9 декабря — 4 рубля 1 гривна; в 1688 г. 5 апреля — 1 рубль 1 алтын 1 деньга, 17 мая — 2 гривны, 28 июня — 20 алтын, 14 августа — 10 алтын, 18 декабря — 15 алтын. Деньги обычно получал сам Ульян Мосеев или его сыновья — Семен и Никита («За Ульяна сын иво, Микита, товар и деньга взял»).
- 66 СП, кн. 1052, л. 169 об.— 170; СК, л. 39. А. Н. Копылов (указ соч., стр. 237) на основании времени поверстанья младшего

сына У. Мосеева неверно датирует кончину последнего — «около 1688 г.».

- ⁶⁷ Записи книги 1689 г. о возрасте Никиты Ульяновича Ремезова противоречивы: 27 и 30 лет (СП, кн. 948, л. 124, 98).
- ⁶⁸ Там же, стб. 715—716, кн. 1312, л. 129.
- ⁶⁹ Там же, кн. 1052, л. 170 (здесь же отмечена выдача жалованья на 7197 г.—1 рубль 7 гривен 1 алтын); кн. 948, л. 124; кн. 924, л. 144 об. Хлебное жалованье Н. У. Ремезова за 1690—1699 гг. «в нынешнюю меру» ($3^{23}/_{32}$ чети ржи и $2^{19}/_{64}$ чети овса); кн. 984, л. 152; кн. 919, л. 132; кн. 1007, л. 32; кн. 1077, л. 38 об.; кн. 1096, л. 114—114 об., кн. 1198, л. 195 об.; кн. 1295, л. 43 об.; денежный оклад: кн. 985, л. 129; кн. 1048, л. 180 об.; кн. 1059, л. 155 об.; кн. 1119, л. 413 об.; кн. 1160, л. 264; кн. 1204, л. 280; кн. 1239, л. 162; Н. А. Найденов. Указ. соч., стр. 46.
- ⁷⁰ СП, кн. 889, л. 52.
- ⁷¹ Там же, стб. 1328, л. 94.
- ⁷² Там же, кн. 1239, л. 162; кн. 474, л. 12 об., 13 об.

К главе 2

- ¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век, изд. 1-е (1939 г.), стр. 46; изд. 2-е (1960 г.), стр. 97.
- ² Ф. А. Шибанов. Картографические труды Семена Ремезова.— «Ученые записки ЛГУ. Серия геогр. наук», вып. 5. Л., 1949, стр. 299.
- ³ СП, кн. 1317, л. 755; кн. 1617, л. 150; А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 237.
- ⁴ СП, кн. 367, л. 1009—1010.
- ⁵ Там же, л. 1008 об. (4 июня 1668 г.); второй список — л. 1013 об.—1014.
- ⁶ Там же, л. 1011.
- ⁷ Там же, л. 1007.
- ⁸ Единственным аргументом, который может разрушить наше допущение о службе 26-летнего С. У. Ремезова, является довольно очевидно очевидный факт распространенности имен Семен и Ульянов и их сочетаний. Например, в перепишной книге 1671 г. Красноярского уезда значатся Семен Ульянов и Семейка Ульянов (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV. М., 1959, стр. 245). По-видимому, только находка оригинала поручной или других источников может подтвердить или опровергнуть приведенные доказательства.
- ⁹ СП, кн. 749, л. 139; кн. 751, л. 152 об.
- ¹⁰ Там же, кн. 751, л. 153—153 об.; кн. 773, л. 131; кн. 800, л. 105; кн. 829, л. 16; кн. 846, л. 34; кн. 849, л. 33; кн. 826, л. 163 об.; кн. 858, л. 170 об.; он. 5, № 307, л. 1.
- ¹¹ СК, л. 37 об. Здесь и далее в тексте приводятся выписки из служб, написанные самим С. У. Ремезовым, уточняющие те же записи в изложении А. И. Андреева и значительно дополняющие краткий список служб в книге 1689 г. (СП, кн. 948).
- ¹² ЦГАДА, ф. 1111, стб. 168, ч. 2, л. 42, 51.
- ¹³ Там же, л. 42, 44.
- ¹⁴ Там же, л. 64 («Имена тобольским служилым людям...») На обороте листа — первый из найденных автографов: «К сей имен-

ной росписе писал тобольский сын боярской Семён Ульянов сын Ремезов и руку приложил».

¹⁵ Там же, л. 52—53.

¹⁶ Там же, л. 82; л. 69 и далее.

¹⁷ Там же, л. 90. Росписи отпавленного хлеба см. л. 91—92, 101—104. Санкции за любые потери в дороге были весьма суровы. Например, когда в 1685/86 г. у илимцев, сопровождавших хлебные запасы на плотах, «утопло от ветру 41 чети ржи», то в виде особой милости велено «тот хлеб на них не править, а зачесть всем илимским служилым людям... в годовое жалованье» (СП, стб. 932, л. 41).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1111, стб. 168, ч. 2, л. 112—113 (отписка С. У. Ремезова).

¹⁹ Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, рукописи, № 5304; М. В. Филиппов. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея. Систематический каталог. Тобольск, 1907, стр. 47.

²⁰ СП, кн. 950, л. 200; кн. 1052, л. 72.

²¹ Там же, кн. 1052, л. 181—181 об. Таким образом, служебные успехи С. У. Ремезова фиксируются прибавкой жалованья из части выбылого оклада отца (СП, кн. 1052, л. 170; кн. 924, л. 145 об., а также кн. 1048, л. 175 об.—176; Н. А. Найденов. Указ. соч., стр. 45; СП, кн. 1059, л. 151; кн. 1119, л. 409 об.). Однако через год эта прибавка была заменена такой же суммой из другого источника, а 1 рубль еще длительное время значится в «убылом окладе» Ульяна Мосеева (СП, кн. 985, л. 132; кн. 1048, л. 185; Н. А. Найденов. Указ. соч., стр. 47; СП, кн. 1059, л. 159; кн. 1119, л. 423; кн. 1160, л. 271).

²² А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 98—104 (здесь и далее страницы указаны по 2-му изд.); Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 299; Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи) М.—Л., 1949, стр. 28—30.

²³ Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Пг., 1914, стр. 15; «Imago Mundi», 1954, XI, p. 112; Предисловие к «The Atlas of Siberia...», p. 8.

²⁴ Н. Н. Оглоблин. Обзорение..., ч. 4, стр. 104.

²⁵ Например, «от старой до Воскресенской башни до валовой стены 141 сажен 2 аршина с вершком», «от старой Петропавловской башни до новой 193 сажени», «от старого острожного места по яру до валовой городской стены прямо 111 сажен с аршином 4 вершка» и т. п.

²⁶ ЦГАДА, ф. 181, № 223, л. 379—380.

²⁷ СП, кн. 11, л. 136; Н. Н. Оглоблин. Обзорение..., ч. 4, стр. 31. В «Доношении о строениях» (СК, л. 24) Ремезов сообщает, что 22 апреля 1688 г. в Тобольске сделано «земляного города валу 785 сажен». В Черепановской летописи приведены другие данные о строительстве тобольского земляного вала: длина 711 сажен с аршином и с 8½ вершками, ширина — 3 сажени 2 аршина, высота — 3 сажени без аршина; ров — по 2 сажени ширины и глубины (ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 373—373 об.).

²⁸ Но не ранее 1 сентября 1688 г., когда начался новый 7197 г.

²⁹ В. И. Кочедамов. Тобольск (Как рос и строился город). Тюмень, 1963.

³⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 223, л. 377.

- ³¹ Л. А. Гольденберг. Первый атлас «карт»-чертежей Сибири.— «Изв. ВГО», 1964, вып. 1, стр. 42 (приводится запись книги Сибирского приказа 15 ноября 1685 г. об изготовлении двух чертежей «всем сибирским городом»); см. также Б. П. Полевой. Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку в 60-х гг. XVII века.— «Изв. АН СССР. Серия геогр.», 1964, № 4, стр. 134.
- ³² СП, кн. 919, л. 1а.
- ³³ Там же, кн. 969, л. 275 об.— 276, 38 об.— 39, 56 об., 73 об.; 64, об.— 65.
- ³⁴ Там же, кн. 795, л. 55 об., 57; кн. 865, л. 91 об.
- ³⁵ Там же, кн. 889, л. 30 об. В отличие от окладных книг переписная книга составлена на основании грамоты 19 июня 1690 г. С. И. Салтыкову, в которой тобольскому воеводе указывалось представить в Москву книгу, выделив в ней сведения о тех, кто «держатца и пьянства и всякой шатости» (л. 1).
- ³⁶ Там же, кн. 883, л. 150 об.; кн. 984, л. 156—156 об.; кн. 919, л. 135—135 об.; кн. 1007, л. 37 об.; кн. 1077, л. 43; кн. 1096, л. 119 об.; кн. 1198, л. 201.
- ³⁷ Там же, стб. 1312, л. 185.
- ³⁸ Там же, л. 116—139; см. также стб. 1243, л. 130—148, 153—154.
- ³⁹ Там же, л. 129.
- ⁴⁰ Там же, кн. 865, л. 234 об.
- ⁴¹ ПСЗ, т. III, № 1532.
- ⁴² Полемизуя с А. И. Андреевым, Ф. А. Шибанов определил, что карта составлялась «почти год» с 17 апреля 1696 г. Но в этот период до конца сентября Ремезов находился в военном походе, следовательно, категоричное заключение Ф. А. Шибанова нуждается в поправке (Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 299—300). Ф. Матигоров и Теушко Илчигин (Мергенъ) выехали из Тобольска с отписками и «чертежем о Казачьи орде» в апреле и прибыли в Москву 24 июля 1697 г. (СП, стб. 1296, л. 490—492).
- ⁴³ Под той же датой Черепановская летопись упоминает об отправке составленных С. У. Ремезовым с сыновьями чертежа «всей Сибири и описания всем народом» (ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 324, л. 170—170 об.). Впервые на эту ошибку обратил внимание А. И. Андреев (Указ. соч., стр. 110—111).
- ⁴⁴ СП, кн. 1160, л. 256; кн. 1198, л. 180; кн. 1204, л. 282; кн. 1295, л. 25; кн. 1239, л. 151 об.; кн. 1406, л. 186; кн. 1376, л. 207 об., 431 об.; кн. 1434, л. 187 об., 403; кн. 1467, л. 129, 329 об.; кн. 1473, л. 166, 274 об.; СК, л. 38 об.
- ⁴⁵ СП, кн. 1160, л. 258—259; кн. 1198, л. 201; кн. 1204, л. 272 об.; кн. 1295, л. 48 об.; кн. 1239, л. 165 об.; кн. 1406, л. 181 об.; кн. 1376, л. 203, 440; кн. 1434, л. 182, 403; кн. 1467, л. 125 об., 329 об.; кн. 1473, л. 162, 275; СК, л. 38 об.
- ⁴⁶ СП, стб. 1315, л. 131; кн. 568, л. 22 об.; стб. 1377; СК, л. 20, 24; К. Голодников. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881, стр. 123, 127—129.
- ⁴⁷ СП, кн. 703, л. 73—74 (расходы на отделку новых амбаров, Воскресенской церкви; стоимость материалов для новой приказной избы); постройка приказной палаты обошлась казне в 3752 рубля 25 алтын (кн. 1310, л. 560 об.—561).
- ⁴⁸ СК, л. 20. О ветхости тобольских укреплений см. отписки 7137—7139 гг. (СП, стб. 16).

- ⁴⁹ СП, стб. 315, л. 210—211, а также стб. 1377.
- ⁵⁰ Там же, стб. 932, л. 35.
- ⁵¹ Там же, кн. 1354, л. 154.
- ⁵² ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 132 об.—133 об. В указной грамоте 12 февраля 1697 г., полученной в Тобольске 24 марта, например, подчеркивается, чтоб присланные из Верхотурья «таможенного збору» деньги «держать» только на каменное строение, «а строить то строение не вдруг, чтоб в том... казне лишних расходов не было» (СП, стб. 1312, л. 375—376).
- ⁵³ Тоболяне еще в 1678/79 г. обращались в Москву с прошением «о каменном строении» (СК, л. 24); см. также ЦГАДА, ф. 210, Безгласный стол, стб. 113, л. 156—157; ПСЗ, т. III, стр. 343.
- ⁵⁴ ХК, л. 1, 3; л. 20; ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 131 об.—132 об.
- ⁵⁵ СП, стб. 1377, л. 31, 225; ГАТО, ф. 47, № 1726, л. 19. О другом подмастерье, Г. Шарыпове, посланном из Москвы в январе 1699 г., сохранились отрывочные известия. Вместе с семьей он прибыл в Тобольск «к каменному городовому строению» 16 марта 1699 г.; получал годовое денежное жалованье 15 руб. Среди отправленных в Сибирский приказ в январе 1700 г. тобольских отписок находилась «отписка о городовом строении, а под нею скаски каменных дел подмастерья Гараськи Шарыпина с товарищи». Сообщая о невозможности выслать из Тобольска в Якутск кирпичных и иных мастеров, воевода ссылался на отсутствие квалифицированных работников, за исключением подмастерья Г. Шарыпова, без которого каменного дела и рвов копать и основания и стен утвердить... не умеют». Умер в 1704 г. (СП, кн. 1310, л. 380 об.—381; стб. 1415, л. 78; кн. 1406, л. 150; кн. 1402, л. 484 об.; стб. 1377, л. 32, 96, 101, 102—104; оп. 5, № 788, л. 21; стб. 1332, л. 360, 362).
- ⁵⁶ «Розметная роспись» 1698 г. скопирована С. У. Ремезовым в «Служебной книге» (л. 20—21 об.). В ней помещены данные о промерах казенных зданий, церквей, крепостных стен и башен, о стоимости строительного камня, кирпича, песка, известии, тульского и шведского железа, дров и т. п.
- ⁵⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 133 об.—135 об.
- ⁵⁸ СП, стб. 1377, л. 217—224.
- ⁵⁹ Там же, стб. 1245, л. 480.
- ⁶⁰ СК, л. 21 об. Вызывает недоумение дата приезда Ремезовых в Москву 4 августа 1697 г., приведенная С. Е. Фелем. Но когда далее автор подсчитывает, что через 1,5 месяца после 4 августа 1697 г. будет 18 сентября 1698 г., и тут же в примечании объясняет правила перевода «годов старой эры в новую», то причина этой ошибки становится ясной. Просто историк картографии С. Е. Фель полагает, что в древней Руси после 31 августа 1697 г. был новый год — 1 сентября 1698 г. Новый год действительно был в этот день, но им был год 7207, тогда как 31 августа 1697 г. падало на 7205 г., а 1 сентября 1697 г.— на 7206 г., т. е. за 31 августа 1697 г. (7205 г.) следовало 1 сентября 1697 г. (новый 7206 г.) (С. Е. Фель. Картография России XVIII в. М., 1960, стр. 119).
- ⁶¹ СП, стб. 1363, л. 384 об., 386, 389.
- ⁶² Там же, стб. 1238, л. 69 об., 72 об., 74 об.; стб. 1330, л. 307; стб. 1245, л. 479 об.; стб. 1363, л. 385 об.; стб. 1312, л. 113 об., 306 об., 312 об., 315 об., 318 об., 319 об., 321, 323 об., 326 об.,

329 об., 330 об., 333 об., 336 об., 364 об., 368 об., 370 об., 372 об., 374 об., 375 об., 377 об.; стб. 1377, л. 227 об.; стб. 754, л. 191 об.; стб. 1142, л. 183 об.

⁶³ Там же, стб. 1312, л. 308—311.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол, кн. 242, л. 59, 36. В конце записей расписки С. У. Ремезова в получении денег. См. также СП, стб. 1332, л. 49.

⁶⁵ СП, стб. 1375, л. 230. Столбец дефектен.

⁶⁶ «Imago Mundi», 1954, XI, p. 116.

⁶⁷ А. В. Григорьев. Подлинная карта Сибири XVII в. (Работы Семена Ремезова).— ЖМНП, 1907, ч. 11, стр. 374—381; Н. Michow. Remezows Originalkarte von Sibirien aus 17 Jahrhundert.— «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1908, S. 36—41 (перевод статьи А. В. Григорьева); Л. С. Баров. Карты Азиатской России. Пг., 1914, стр. 15; L. Wagrow. Semyon Remezov — a Siberian cartographer.— «Imago Mundi», 1954, XI, p. 115—118; Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 302; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 110—112.

⁶⁸ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 111. Досадная опечатка на стр. 109 книги (дата завершения чертежа 8 ноября 1697 г. вместо правильного — 1698 г.) в значительной степени снижает стройность приведенных доказательств.

⁶⁹ СП, стб. 1332, л. 302; СК, л. 21 об., 37 об.: «и за ту работу дан корм и выход сукном и кумачами»; «и за то дано мне государеву милость, 5 рублей денег и сукно»; ЧК, л. 21.

⁷⁰ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 109; ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 136—136 об.

⁷¹ СП, стб. 1312, л. 115, 137.

⁷² Там же, стб. 545, л. 79. Столбец дефектен. Излагается краткое содержание грамоты: «Ноября в 23 день грамота в Тоболеск против допросных речей тобольского сына боярского Семена Ремезова [о допросе?] тобольских старых дворян и детей боярских, служилых и улусных людей человек 20 или 30, которые бывают в походех для острожного городского береженья от приходу воинских людей на вершине Миясу».

⁷³ Там же, стб. 1332, л. 253—255. Автографы С. У. Ремезова — л. 253—253 об., 254 об.

⁷⁴ Там же, стб. 1340, л. 1, 7—8. Автограф: «К сей сказке Семен Ремезов руку приложил» (л. 7 об.—8 об.). Другой автограф: «К сей челобитной вместо Микулки по ево веленью Сенька Ремезов руку приложил» (стб. 1142, л. 185 об.).

⁷⁵ Там же, стб. 1328, л. 99—100.

⁷⁶ Там же, стб. 1332, л. 345, 352—353; о покушке табака — л. 343—359, 372—384.

⁷⁷ СП, стб. 545, л. 20. Память выслана на основании указа 16 ноября 1698 г., согласно которому в таможенных выписях должен быть записан «всякой товар и цену имянно порознь, и что которого товару... пошлин взято» (стб. 1245, л. 101).

⁷⁸ Там же, стб. 545, л. 79. В середине ноября в Сибирском приказе было намечено послать с Ремезовым из Москвы до Тобольска ясадного татарина А. Федорова, следовавшего в Мангазей (там же, стб. 1375, л. 180—180 об.).

⁷⁹ Там же, стб. 1332, л. 122.

⁸⁰ Допросные речи С. У. Ремезова и указ 4 декабря 1698 г. (черновик) см. там же, стб. 1377, л. 133—136, 188—190. Историк архитектуры В. И. Кочедамов (Указ. соч., стр. 19) ошибочно относит первое упоминание о Ремезове к 1678 г. На самом деле в Сибирском приказе в 1698 г. Ремезов рассказывал об организации строительных работ в 1678 г.

Докладывая о получении указа 4 декабря, Черкасские общили, что они «Семену Ремезову у городского каменного строения быть велели...» (СП, стб. 1328, л. 102).

⁸¹ СП, стб. 1377, л. 136, 138; ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 136—137 об.

⁸² М. И. Наврот. Предварительное сообщение о рукописной карте Сибири начала XVIII в.— «Ежегодник Исторического музея. 1958». М., 1960, стр. 142; «История русской литературы», т. 2, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 150; т. 3, ч. 1. М.—Л., 1941, стр. 7.

О тобольских школах и обучении в начале XVIII в. см. ААН, ф. Гамеля, № 345, л. 1 (о присылке книг в «школы о цифирной науки»), № 336—339 («о взятые в Кieve книг и ученых старцев»); СП, кн. 1376, л. 18 об., 20, 21; кн. 1350, л. 494, 500—502 об. (о строительстве училища «учения ради словенской грамматики»); кн. 1406, л. 149—149 об. (о жалованье учителям в школе дворянских и казачьих детей, которые учат арифметике, геометрии, фортификации и артиллерии), а также кн. 1434, л. 156 об.; кн. 474, ч. 1. л. 71—71 об. и др. Интересна запись в челобитной И. Шишкина: «А дети мои Иван и Петр взяты были в школьное учение для науки немецкого и латынского языка и грамоты и цифиру, и в том школьном учении были шесть лет» (кн. 1500, л. 226 об.); об организации школ (СП, оп. 5, № 608, л. 1—2 об.).

⁸³ СП, стб. 1377, л. 83, 89; ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 139—139 об. Грамотой 4 декабря 1698 г. предусматривалось «для розсылок дать ему [Семену] ис стрельцов сколько человек пристойно людей добрых и послушливых» (СП, стб. 1377, л. 135, а также л. 137); см. СП, стб. 1328, л. 102.

⁸⁴ СП, стб. 545, л. 23; стб. 1372, л. 1. Ю. Глинский в 1700 г. вместе с подьячим Сибирского приказа Ф. Богдановым был послан в сибирские города «для переписки земель» (там же, кн. 1321, л. 1 об.).

⁸⁵ Там же, стб. 1377, л. 61—70; ААН, ф. 21, оп. 4, № 13, л. 140—141 об.

⁸⁶ Из Москвы с заводов Л. К. Нарышкина для городского каменного строения в 1699 г. было послано 100 пудов «дощатого» железа, а в 1697—1698 гг.— 2000 пудов «связного и тонкого» железа (СП, стб. 1372, л. 15, 38; стб. 1377, л. 117—127).

⁸⁷ СП, кн. 1310, л. 196 об.— 197, 526 об.— 527.

⁸⁸ Под заголовком «План переустройства Тобольской крепости, составленный С. Ремезовым», чертеж опубликован в кн.: Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII века. Л.—М., 1953, рис. 132.

⁸⁹ Кроме перечисленных в тексте, показаны в городе: подвалы, амбары, конюшня, караульня, погребы, пушечный амбар, тюрьма; на нижнем подгорном посаде: государевы амбары, караул, пивоварня, винокурня, красный кабак, ряды серебряные, Базарный «звоз», соединяющий подгорье с нагорной частью Тобольска; на верхнем посаде: кузница, богадельня, ряды,

часовня, казачий, стрелецкий и «пехоткой» приказы, дьячий и воеводский дворы. План опубликован Л. М. Тверским (Указ. соч., рис. 131).

⁹⁰ СК, л. 117 об., 118 об., 119 об., 120, 149 об.—152, 153 об.—154. К рисунку фасада (л. 152) надпись: «А по сему основанию каменного строения в деле сим образцом складена налично». СП, кн. 1310, л. 560 об.—561, а также л. 11, 313 об.—314 (о гостинном дворе); ПСЗ, т. IV, стр. 60—61; ср. СП, кн. 1451, л. 298—299; кн. 1455, л. 284—287.

⁹¹ СП, кн. 1310, л. 306 об.—309; кн. 1559, л. 38 об.

⁹² Там же, кн. 1350, л. 242. В. В. К и р и л л о в. Из истории каменного зодчества раннепетровского периода (Проект «образцового» каменного дома, разработанный С. Ремезовым в начале XVIII в. для Тобольска).— «Научные доклады Высшей школы. Исторические науки», 1959, № 2, стр. 105—120; он же. Проекты «образцовых домов», разработанные С. Ремезовым для Тобольска.— «Архитектурное наследство», 1960, № 12, стр. 153—168.

⁹³ СП, кн. 1310, л. 17.

⁹⁴ Там же, л. 516 об. В копии 1741 г. из собрания В. М. Ундольского (ГБЛ, рук. отд., № 848, л. 302 об.) помета: «Записать в книгу, а Семена Ремезова допросить».

⁹⁵ ГБЛ, рук. отд., собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 302—306. В реестре книги под указанными листами значится «Дело о описи всей Сибири лесов и рек и протчих угодий боярским сыном Семеном Ремезовым 1701, 1702 и 1703 годов».

⁹⁶ Б. Б. Ка ф е н г а у з. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949, стр. 125—126; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 115—116.

⁹⁷ ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 303.

⁹⁸ СП, кн. 1350, л. 7 об.

⁹⁹ Там же, л. 198 об.—199. Незначительные отклонения от цитированного оригинала отписки имеются в ее копии (собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 303 об.—304).

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. 151, № 49, л. 276 об.; Б. Б. Ка ф е н г а у з. Указ. соч., стр. 52, 115, 125; на стр. 124—126 в кратком изложении приведена часть сведений, представляющих интерес для биографии С. У. Ремезова в 1703 г. Из этой книги, так же как и А. И. Андреевым (Указ. соч., стр. 116), взяты ссылки на материалы фонда «Дела о горных промыслах», № 48 (л. 236 об.—237, 241, 242, 244 об.) и № 49 (л. 280).

¹⁰¹ СП, кн. 1283, л. 62; кн. 1481, л. 63—63 об.; ЦГАДА, ф. 151, № 48, л. 229—231, 236; СК, л. 67; ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 305—305 об.; «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. I. СПб., 1882, стр. 207—208.

¹⁰² СП, кн. 1481, л. 66; ЦГАДА, ф. 151, № 48, л. 237 об.

¹⁰³ СП, кн. 1283, л. 64, 68.

¹⁰⁴ ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 304—304 об.; см. также СП, кн. 1481, л. 66 об.; кн. 1283, л. 63 об.; СК, л. 67; Б. Б. Ка ф е н г а у з. Указ. соч., стр. 125, прим. 25; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 116.

¹⁰⁵ СК, л. 38, 65—68. Чертеж города Кунгура воспроизведен в кн.: А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, вкл. к стр. 71. Ураль-

ский краевед Е. Н. Косвинцев дважды (в 1912 и 1930 гг.) общал о находке «описания» кунгурского чертежа, случайно приобретенного им в 1900 г. на рынке в Перми. Об этом же «описании», найденном при разборе архива умершего краеведа, сообщил в 1961 г. Б. Н. Вишнеvский. Но из всех сообщений неясно, что оба автора понимали под термином «чертежное описание», так как текст рукописи ни разу не был предьявлен. Цитируя отдельные места «описания», Б. Н. Вишнеvский по существу публикует известные отрывки из тобольской наказной памяти 12 апреля 1703 г. и указа 15 февраля 1703 г. (Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 125; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 116 и соответствующие ссылки на архивные материалы ЦГАДА, ф. 151, № 48, 49; СП, кн. 1481; ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 304). Если приведенными цитатами и ограничивается текст «описания», то ничего нового эта «находка» в литературу о С. У. Ремезове не вносит. Напрасно автор заметки ссылается на устное признание А. А. Преображенского, который якобы «не нашел» в Эрмитажном собрании чертежного описания, являющегося предметом сообщения. Описание кунгурского чертежа помещено в «Служебной книге» (л. 67) (А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 131; ЛЗАК, вып. 24. СПб., 1912, извлечения из протоколов, стр. 5; Е. Н. Косвинцев. Новые исторические документы о Кунгурском крае.— «Материалы по изучению Камского Приуралья», вып. 2. Пермь, 1930, стр. 44; Б. Н. Вишнеvский. Находка описания кунгурского «чертежа» Семена Ремезова.— «Труды Ин-та истории естествознания и техники», т. 37, вып. 2. М., 1961, стр. 342—344).

¹⁰⁶ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 252—273.

¹⁰⁷ СП, кн. 1481, л. 55, 58 об.— 59, 71—72, 158. «И угрожая, он, Семен Ремезов, кунгурскому земскому старосте Елисею Рябухи-ну и брал он себе у него, старосты, из земской избы всякой харч и пиво и вино. Да он же, Семен, зазвав его, земского старосту, к себе на постоялой двор и на постоялом дворе, рнясь (обозлясь.— Л. Г.) на него, старосту, для своих взятков раз-болочал (раздел.— Л. Г.) его и хотел бить в батоги. И взял с него, старосты, из земской избы мирских денег 20 рублей да сыну своему Леонтею взял 5 рублей денег. Да он же, Семен Ремезов, Кунгурского уезду татар и черемис на постоялом дворе бил в батоги и сажал за караул в баню безвинно. И теми нападками своими брал он себе с них, татар и черемис, мно-гие взятки» (л. 58 об.). А. И. Андреев (Указ. соч., стр. 115) берет под сомнение справедливость жалоб на С. У. Ремезова.

¹⁰⁸ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 138.

¹⁰⁹ СП, кн. 1375, л. 409 об. У Б. Б. Кафенгауза и А. И. Андреева ошибка в дате приезда С. У. Ремезова в Тобольск (6 июля) вызвана опиской копии (ГПБ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 306); см. ЦГАДА, ф. 151, № 49, л. 280—280 об.

¹¹⁰ ГПБ, собр. В. М. Ундольского, № 848, л. 306.

¹¹¹ Там же, л. 306 об. Привожу часть чертежного описания, помещенного в «Служебной чертежной книге»: «...И зделан вновь наличной чертеж Кунгурской земли с розмером подлинным и переписные книги городу Кунгуру и старому. И что в нем строения и уездов, и пади многих рек, и отколь коя взялася

и в-кою реку впала, и меж ими гор, и на них жилья села и деревни всяких чинов русских людей вотчины, и улусы четвертных сотников и старост; татар и вогулич, мордвы, черемис и вотяков и остяцкие улусы, кои платят в казну государеву кунной ясак и четвертные пашни пашут; и по рекам промыслы: бортные угодья, птичьи и звериные и рыбные ловли, кунные и лисьи и бобровые гоны, и хмелевое щипание в переписных и писцовых книгах писма и меры Михаила Карсакова во 132-м году жилья всяких чинов русских людей описаны на Старом Кунгуре и реке, а ныне именуется Троицкое село.

А ныне град новый Кунгур стоит на красовитом месте и крепком от воинских воровских людей меж реками Сылвою и Иренью в мысу. А вокруг видети близко высокие каменные известные горы с красовитыми роздолыи. Описан ниже Пермь Великие вверх по реке по Сылве выше Строгановых сел Сылвинского острогу деревень и подчинков; между пределы и уезды воблизи имеет грани и межи с Верхотурским и Уфинским, Осинским и со Строгановыми селы.

И что по почету чюмкасов Кунгурские земли по писцовым книгам и по справке прежних чертежей до которого места и урочища длиннику 120, а поперешнику 100 по смете верст.

Написан вновь сей лист в Чертежную книгу к прочим дватцети трем чертежам, которая книга зделана к Москве по указу великого государя 1701 году генваря в 1 день на александрийской бумаге.

А в новости Кунгурскаго чертежа дело для сходства вершин сибирских рек с рускими, коя отколь взялася и в которую реку впала для удобнаго железа с железных заводов перевозу припасов и всяких иных статей. И близкой ход коею либо рекою до Камы-реки и о местах каменных переборов и порогов, и о пристойстве дела судов, и ход легкими и тяжелыми судами днями и верст, и близкость Верхотурья с Кунгуром уездов. И весь чертеж в совершение зделан и переписные книги за рукою подлинно того ж году месяца июля в 8 день».

Легенда Кунгурского чертежа имеет следующее содержание:

«По указу державнейшего великого государя царя и по грамотам изящное вновь написание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду опись розмером чертежа грани и межи по рекам с Верхотурьем и Уфою и с осинцами и со Строгановыми селы и подчинки в Кунгурском городе зделан чертеж граду и всему уезду, селам и деревням и рекам и татарским улусам кочевьям и волостем юртов. По дозору урочищ и по скаскам Кунгурских всяких чинов русских людей старожилов, ведомцев и бывальцов и лутчих ясачных людей, сотников и старост четвертных татар, мордвы, черемис и вотяков. И против прежних писцовых книг по смете и по почету чюмкасов, а не по мере верст видом комнаса ветров на чертеже и дороги во близкости на Чюсовую реку для удобнаго железа и иным статьям к Каме-реке провозу. И как тот Кунгурский уезд с Сибирским и Уфинским сошелся, и которая река от которой взялася, и в которую сторону по ветром, и куды пала, и на коей реке плодбище судам и ход днями и верстами, и что ходу коею рекою легкими или тяжелыми судами, и на коих местах

пороги, и где какие дороги, и сколько проездом от селитьб всяких жителей, и межи реками, и в пустых местах какие прослытием места камене островерхое и горы и пещеры, урочища и признаки, по наказу тобольские дети боярские Семен Ремезов с сыном Леонтием написал и зделал с радением всему Кунгурскому уезду сей чертеж розмером подлинным. Лета 7211-го году, лета рождества Христова 1703 году июля в 8 день» (СК, л. 68).

Упомянутые в описании и легенде «чюмкасы», по объяснению В. И. Даля («Толковый словарь...», ч. 4), — чункасы или чум, в значении мили в 5 верст.

- ¹¹² СП, кн. 1354, л. 217 об.—218; Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 64—78.
- ¹¹³ ЦГАДА, ф. 151, № 48, л. 298, 299 об.
- ¹¹⁴ Там же, л. 285—286; СП, кн. 1283, л. 60 об. (в книге приведены сведения о литье гаубиц, пушек, мортир); стб. 1372 — о перевозке 100 пушек и 20 тыс. ядер из Москвы в Тобольск в 1699 г.; кн. 1426, л. 68—70 — отпуск «железных припасов» с Каменского завода в 1704 г.; оп. 5, № 788, л. 20 об.—21 об.
- ¹¹⁵ СК, л. 132 об. Отдельные поручения по составлению и копированию чертежей пушек С. У. Ремезов получал и позднее. Копия одного из них от 6 октября 1704 г. имеется в «Служебной книге» (л. 129 об.). Этот чертеж ядер «в споре» прислан из Москвы, на нем подписано: «Чертеж сослать на Верхотурские заводы и велеть вылить доброму и знающему мастеру, чтоб во всем длина и ширина ядро с сим чертежом было сходно, а чертеж впредь для спору беречь» (СП, оп. 5, № 788, л. 22 об.—23). В апреле 1702 г. «пушечные чертежи» для «образца и литья» в Сибирском приказе писали И. Матвеев, И. Федоров, И. Афанасьев (СП, кн. 1348, л. 73—74 об.).
- ¹¹⁶ А. И. Александров. Из истории инженерной графики Урала и Сибири. Свердловск, 1959, стр. 9—11, 18.
- ¹¹⁷ Г. Ф. Миллер указал, что еще в 1644 г. на месте «Старого городища» существовал селитряный завод (В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., 1894, стр. 56). Сибирь (Кучумово городище) или город Искер в сибирских летописях называлась также Кашлык, иногда Старая Сибирь (В. Н. Пигнатти. Искер (Кучумово городище). — «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 25. Тобольск, 1915. И. Г. Гмелин, посетивший Искер 15 мая 1734 г., упоминает об остатках вала (I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Th. 1. Göttingen, 1751, S. 151).
- ¹¹⁸ Ср. отписки воеводы: 1) о присланных в 1703 г. мастерах-украинцах Ф. Степанове и Ф. Щербине «дли прииску селитряной земли..., варения селитры и для научения тобольских жителей...»; 2) о «селитренных заводах» в Старой Сибири, в Ялуторовской слободе и зелейном дворе в Тобольске; о мастерах (СП, оп. 5, № 909, л. 2; № 788, л. 18—19 об.; кн. 1282, л. 243—249).
- ¹¹⁹ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 141.
- ¹²⁰ СП, кн. 474, ч. 2, л. 1168 об., 1184. Упомянут казачий сын Степан Ремезов, вероятно, один из родственников Семена Ульяновича по линии братьев отца (там же, л. 1164—1164 об., 1172 об.).

- ¹²¹ СК, л. 38; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 132.
- ¹²² СК, л. 24 об. Балчюг — бал-чех, по-татарски — грязь, болото. Кресцы — перекрестки, скрещения улиц.
- ¹²³ СП, кн. 474, ч. 1, л. 13; кн. 1406, л. 185; кн. 1376, л. 206 об., 435; кн. 1434, л. 186 об., 403 об.; кн. 1467, л. 128 об., 330; кн. 1473, л. 165, 275. Семь четей «старой» меры равны «4 чети и малому четверику» или $4^{1/64}$ чети новой («нынешней») меры.
- ¹²⁴ СП, кн. 474, ч. 1, л. 13 об.; кн. 1406, л. 185; кн. 1376, л. 206 об., 438 об.; кн. 1434, л. 187, 403 об.; кн. 1467, л. 128 об., 330; кн. 1473, л. 165, 275. Хлебный оклад в новой мере: «3 чети с осминою и полдва четверика и полполучетверика ржи», т. е. $3^{23/32}$ чети, «4 чети с полуосминою и полполучетверика и мал четверик овса», т. е. $2^{19/64}$ чети.
- ¹²⁵ СП, кн. 474, ч. 1, л. 12 об.; кн. 1406, л. 186; кн. 1376, л. 208 об., 439. Шесть четей «старой» меры равны «3 чети с осминою без получетверика» или $3^{7/16}$ чети новой меры.
- ¹²⁶ СП, кн. 1434, л. 189 об., 403 об.; кн. 1467, л. 130 об., 330; кн. 1473, л. 167, 275.
- ¹²⁷ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 132.
- ¹²⁸ «Памятники Сибирской истории», кн. I. СПб., 1882, стр. 392—393.
- ¹²⁹ В Западной Сибири сакмой называют проторенные скотопрогонные пути. В Приуралье и Поволжье сакма — тропа, дорожка, бечевник, брод через болото, следы зверей. Ср. «в степи никаких воинских людей и их сакм и дорог не видали» (СП, стб. 1312, л. 52).
- ¹³⁰ Н. Н. Оглоблин. К биографии С. Ремезова, стр. 334—335 (СП, кн. 1320); ср. ЦГАДА, ф. 210, Разрядные связки, № 56, д. 15054 (переписная книга Тобольского уезда С. Фефилова).
- ¹³¹ СК, л. 34—35 об., 40—44; ср. «Табель Сибирской губернии ис переписных книг 1710 году дворовому числу и людям» (ЦГАДА, ф. Сенат, по Сиб. губ., оп. 2, кн. 17, л. 50).
- ¹³² СП, кн. 1317, л. 755. Продолжение переписной книги см. там же, оп. 5, № 526.
- ¹³³ Ремезов отмечает, что «чертежи — 17 парчей посланы были к Москве». Вероятно, при подсчете исключались все копии и чертежи, выполненные на александрийской бумаге.
- ¹³⁴ В переписной книге 1710 г. С. У. Ремезов показан «сыном боярским». А. И. Андреев (Указ. соч., стр. 134) полагал, что еще в 1698 г. Ремезов получил чин тобольского дворянина, основывая это мнение на «выписке служб» (в 7206 г. увеличен оклад и «велено быть в Тобольску в отводной статье»). Однако в подлинной окладной книге за 7206 г. найдены только сведения об увеличении оклада (СП, кн. 1160, л. 256, 258—259), а в списке дворян по Тобольску на 7207 г. Ремезов не значится (СП, оп. 5, № 643, л. 3—4).
- ¹³⁵ ЦГАДА, ф. 199, № 492, л. 47.
- ¹³⁶ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 133. Далее в тексте сведения о С. У. Ремезове и его детях в 1713 г. приводятся без ссылок на эту работу (стр. 132—134), автор которой отыскивал несколько челобитных и расходные книги за 1713 г. Укажем лишь на встречающиеся в документах этого года автографы: С. У. Ремезова (ЦГАДА, СП, оп. 5, № 2251, л. 230; ф. 199, № 492, л. 31, 47 об., 105 об.; № 493, л. 41, 153 об.), Леонтия (ф. 199, № 492,

- л. 67; № 493, л. 112), Семена-младшего (СП, оп. 5, № 2251, л. 97, 389) и Ивана (ф. 199, № 493, л. 136).
- ¹³⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 492, л. 66 об.—67 (укажу на неточность в «Очерках...» А. И. Андреева (стр. 134): ссылка на л. 63 об.—64 и дата — 16 февраля).
- ¹³⁸ СП, кн. 1561, л. 49—50.
- ¹³⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 492, л. 105 об.
- ¹⁴⁰ СП, оп. 5, № 2251, л. 389.
- ¹⁴¹ Там же, № 2313, л. 100.
- ¹⁴² Второй автограф И. Ремезова 15 февраля 1716 г. (там же, оп. 5, № 2313, л. 661).
- ¹⁴³ В литературе чертеж И. Козыревского датируется по-разному: А. В. Ефимов относит его к 1712 г., В. И. Греков — к 1713 г., а А. И. Андреев — к 1713—1715 гг. А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII в. М., 1948, стр. 86—87 (первая публикация чертежа, стр. 112); он же. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М., 1950, стр. 100; В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 335; А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 134.
- ¹⁴⁴ СП, кн. 1617, л. 150.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 410.
- ¹⁴⁶ Отклонения в один-два года; три года разницы: Никифор (явная ошибка книги 1720 г.) и Петр Семенович (род. 1693 или 1696?). В материалах ревизий XVIII в. упоминаются среди разночинцев Алексей Леонтьев Ремезов, умерший в 1749 г., и Василий Ремезов, которому во время 3-й ревизии 1764 г. было 55 лет (Н. А. Найденов. Указ. соч., стр. 112, 141).
- ¹⁴⁷ ГАТО, ф. 661, № 16, л. 13; № 29, л. 351—351 об.
- ¹⁴⁸ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721—1722. Berlin, 1962. S. 96.
- ¹⁴⁹ P. I. Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, S. 102.
- ¹⁵⁰ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 149, прим. 82; С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 126. Оба автора констатируют отсутствие каких-либо сведений о Ремезовых у Мессершмидта и Страленберга. Обнаружению этих данных я обязан любезным указаниям М. Г. Новлянской, недавно сообщившей о том же в статье «Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири». («Изв. ВГО», 1962, вып. 3, стр. 238).
- ¹⁵¹ P. I. Strahlenberg. Указ. соч., стр. 394—395.

К главе 3

- ¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. изд. 1-е (1939 г.), стр. 52—55.
- ² В работах Л. С. Багрова: «Карты Азиатской России». Пг., 1914, стр. 11; «Картография Азиатской России». Предисловие к «Атласу Азиатской России». Пг., 1914, стр. 1; «История географической карты». Пг., 1917, стр. 40; «Die Geschichte der Kartographie». Berlin, 1951, S. 177; «The first Russian Maps of Siberia

- and their Influence on the West-European Cartography of N. E. Asia.— «Imago Mundi», 1952, IX; а также многочисленные репродукции-иллюстрации в историко-географических исследованиях, например, Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи), стр. 24; Л. С. Берг. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 34 и др.
- ³ Опубликована Л. С. Багровым: в «Imago Mundi», 1935, I, p. 47—48; 1955, XII, p. 127; М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 160.
 - ⁴ L. Bagrow. Sparwenfeld's map of Siberia.— «Imago Mundi», 1947, IV, p. 70; см. также М. И. Белов. Семен Дежнев. М., 1955, стр. 116—119; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 57 (здесь и далее страницы указаны по изд. 2); В. Н. Федчина. Средняя Азия на русских чертежах (картах) XVII в.— «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 4. М., 1957, стр. 99.
 - ⁵ «Imago Mundi», 1954, XI, p. 122. Здесь же репродукции: «Remezov's map of Siberia, c. 1699»; «A German MS copy of Remezov's map of Siberia».
 - ⁶ L. Bagrow. Semyon Remezov — a Siberian cartographer.— «Imago Mundi», 1954, XI, p. 114. Там же на стр. 116 указаны репродукции карты Сибири 1687 г. и Кучумова городища в кн.: J. Semenov. Die Eroberung Sibiriens. Berlin, 1938.
 - ⁷ «Imago Mundi», 1952, IX; 1954, XI, p. 111—125; 1947, IV, p. 83. «The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Imago Mundi. A review of early cartography. Founded by Leo Bagrow. Supplement 1», s-Gravenhage, 1958.
 - ⁸ «Вопросы истории», 1962, № 6, стр. 183—185; К. А. Салищев. Основы картоведения. История картографии и картографические источники. М., 1962, стр. 46; см. также «Изв. АН СССР. Серия геогр.», 1962, № 3, стр. 134; «Изв. ВГО», 1964, вып. 1, стр. 39—45.
 - ⁹ «Filmed by Harvard College Library», № 59—2045.
 - ¹⁰ А. И. Андреев, которому до самой кончины в 1959 г. оставалась неизвестной «Хорографическая книга», полагал, что «ни в заглавии книги, ни в тексте ее такого названия нет» («Очерки...», стр. 105).
 - ¹¹ J. Staczeński. Rodowód miana geografii a Ptolemeusz.— «Przegląd geograficzny», t. 31, № 2, 1959, str. 235—249.
 - ¹² «The Atlas of Siberia...», Introduction, p. 11. Удачная в сущности попытка А. И. Андреева обосновать датировку по данным зарамочной надписи («и по нынешний 205 год...») на копии «годуновского» чертежа не вызывает доверия из-за противоречивого цитирования: на стр. 36 указан 7205 г., на стр. 105—7206 г. («Очерки...»).
 - ¹³ А. И. Андреев. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы.— Сб. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.» — «Труды ЛОИИ», вып. 2. М.—Л., 1960, стр. 87.
 - ¹⁴ «The Atlas of Siberia...», Introduction, p. 16—17; «Imago Mundi», 1959, XIV.
 - ¹⁵ 1. «Лист чертежной греческой печати» (гл. 3); 2. «Лист земель свидетельство» (гл. 5); 3. «Лист с немецкого преводу» (гл. 6); 4. «О мере Тобольскаго града длины [и] ширины» (гл. 15);

5. «Тобольской град с улицами» (гл. 16); 6. «О херографии, что именуется, и о дорогах» (гл. 17); 7. «Река Уфа с урочищи до Камы» (гл. 23); 8. «Степь Барабинская с урочищи до Оби-реки» (гл. 31); 9. «Чертеж писан мною в розмер Тобольской земли до Казачьи орды...» (гл. 67); 10. «Чертеж одного Тобольского жилища вокруг на полтораста верст обзезду» (гл. 68); 11. «Чертеж каменного городского строения» (гл. 71); 12—14. «Чертежи» (гл. 72—74); 15—26. Чертежи «граней» городов с «уездами»: Верхотурье, Пелым, Туринск, Сургут, Нарым, Кетск, Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск, Иркутск, Нерчинск (гл. 78—80, 84—92).
- ¹⁶ Ср. «Imago Mundi», 1954, XI, р. 115—116; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 105—108. Нами уточнены подсчеты, произведенные ранее Л. С. Багровым и по его описанию А. И. Андреевым. Уместно здесь отметить, что длительная полемика о творчестве Ремезова между двумя этими исследователями была бесплодной по той причине, что первый из них никогда не видел оригинала «Служебной книги», а второй — «Хорографической». Наибольшее число ошибок у того и у другого возникает именно при изучении работ, знакомых лишь по чужим описаниям.
- ¹⁷ О Кетском пути см. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 112—113.
- ¹⁸ «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.» СПб., 1882. Отдельно издано приложение: 1) текст; 2) указатель, составленный А. И. Тимофеевым (ЛЗАК, вып. 8, СПб., 1888, стр. 59). Подлинник хранится в ГБЛ (рук. отд., ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 346). Краткая аннотация атласа см. «Русские географические атласы. XVIII век. Сводный каталог». Л., 1961, стр. 2—7.
- ¹⁹ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 483—487.
- ²⁰ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 116—118; М. И. Казанин. Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова.— Сб. «Страны и народы Востока», вып. I. М., 1959, стр. 229; С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 113—131. Последняя работа содержит ряд искажений старинных текстов (стр. 115—118, 121), а также неверных толкований. Например, неправдоподобными являются версии о составлении на местах в 1697 г. «городовых» чертежей воеводами; о появлении второго тождественного экземпляра атласа, поднесенного Петру I; о том, что Ремезов с сыновьями затратил «почти год» на составление атласа и т. п. Вызывают недоумение высказывания о «полном безлюдии» в русской картографии и ее «возрождении» (стр. 131) и т. д.
- ²¹ Фотокопия воспроизведена Д. М. Лебедевым (Указ. соч., стр. 28).
- ²² В это число не входит чертеж Тобольского уезда (ЧК, л. 21).
- ²³ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 114—115.
- ²⁴ «Imago Mundi», 1954, XI, р. 121.
- ²⁵ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 130.
- ²⁶ С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 130; «Imago Mundi», 1954, XI, р. 120, 125 (то же повторено в предисловии к «The Atlas of Siberia...», 1958, р. 14—15). Недоумение автора первой работы («Зачем понадобилось издание русского атласа на голландском языке?»)

- можно разделить лишь при незнании текста жалованной грамоты 1700 г. Петра I Тессингу, которая предусматривала печатание «на славянском и на голландском языках вместе».
- ²⁷ СП, кн. 1348, л. 34, 74 об.; Н. Н. Оглоблин. «Чертежник» Иван Матвеев. 1703 г.— «Библиограф», 1892, № 1, стр. 13. Об И. Матвееве см. также ЦГАДА, ф. 151, кн. 49, л. 33; СП, оп. 5, № 637, л. 1.
- ²⁸ Л. А. Гольденберг. «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова.— «Вопросы истории», 1962, № 6, стр. 185; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 131; «Imago Mundi», 1954, XI, р. 121 (то же в предисловии к «The Atlas of Siberia...», 1958, р. 15).
- ²⁹ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 123. В тексте ошибка: вместо слов «в начале 1701 г.» правильно: «в конце 1701 — начале 1702 г.».
- ³⁰ С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 129—130.
- ³¹ ЦГАДА, ф. 162, 1695—1701 гг., № 2, л. 196 об.
- ³² «Imago Mundi», 1964, XI, р. 154; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 121, 122, 131, 136, 137, 254, 257. Проведенное при любезном содействии профессора С. А. Клепикова изучение филигранных «Чертежной книги» не увенчалось успехом. С трудом прослеживаемые водяные знаки не имеют аналогов в известных справочниках. По предположению С. А. Клепикова, бумага атласа немецкого происхождения конца XVII в.
- ³³ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 134, 136.
- ³⁴ Там же, стр. 256—257, 122; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 40.
- ³⁵ Предположение об участии в составлении атласа младшего сына Петра и племянника Афанасия следует отвергнуть, так как в то время каждому из них было не более 10 лет.
- ³⁶ В. В. Томилин. Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма (К судебно-медицинскому отождествлению личности по рукописному тексту). М., 1963.
- Одновременно и независимо от наших исследований к аналогичному выводу о подлинности «Чертежной книги» Сибири пришел ленинградский историк Б. П. Полевой («Вечерний Ленинград», 16 ноября 1964 г.).
- ³⁷ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 145—146.
- ³⁸ «Imago Mundi», 1954, XI, р. 122.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Текст (и рисунок к нему) опубликован А. И. Андреевым в первом издании «Очерков...» (рис. 4, 5) под заголовком «Повесть об окончательном покорении Кучума, составленная С. У. Ремезовым».
- ⁴¹ По описанию А. И. Андреева 43 чертежа, по в это число, видимо, не входят чертежи досздов («Очерки...», стр. 138).
- ⁴² Во второй части атласа находится несколько подлинных чертежей С. У. Ремезова с датами: 30 июля 1700 г. (л. 148), 16 ноября 1701 г. (л. 152 об.), 8 июня 1702 г. (л. 147 об.), 15 сентября 1703 г. (л. 132), ноября 1703 г. (л. 142 об.—145) и др. Но они не могут служить основанием для датирования атласа в целом, так как вторая часть, являясь сборником, объединенным с книгой только общим переплетом, по существу не входит в «Служебную чертежную книгу», оконченную на л. 116 об.

- ⁴³ А. И. Андреев. Очерки..., изд. 1-е, стр. 62; изд. 2-е, стр. 119, 146; Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 32; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия, т. I. М., 1947, стр. 77.
- ⁴⁴ Листы 19, 21, 22, 31, 33, 49, 52, 54, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 72, 74, 75, 78, 79, 82, 84, 86, 87, 89, 91, 93, 95, 98, 100, 106, 156, 162; С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, № 885.
- ⁴⁵ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 146—147; С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 128—129.
- ⁴⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 189; ОРБАН, 16.16.5.
- ⁴⁷ Размеры рукописи примерно такие же, как «Хорографической» и «Служебной» книг.
- ⁴⁸ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 160.
- ⁴⁹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, прим. 630; «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками». СПб., 1880; «Сибирские летописи». СПб., 1907.
- ⁵⁰ М. О. Косвен. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.— «Сибирский этнографический сборник», т. III. М.—Л., 1961, стр. 179.
- ⁵¹ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 36.
- ⁵² По этому поводу на стр. II экземпляра печатного издания, хранящегося в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, кем-то из членов Археографической комиссии (видимо, А. И. Тимофеевым) вписаны шуточные стихотворные строки:

«Академик же Бычков
Видит зорко без очков:
Удивил нас, старичков,
Благодушных простачков!

Да! Талант свой не сокрыл
Славою себя покрыл:
Литторею нам раскрыл!
Ремезова в ней открыл!!
И детей его накрыл!!!»

До Быčkова частичная расшифровка проводилась А. Е. Ермолаевым по просьбе Н. М. Карамзина (Указ. соч., т. IX, прим. 630).

- ⁵³ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 253.
- ⁵⁴ ОРБАН, 16.16.5, л. 39.
- ⁵⁵ «Послаша воевода Ефим Варфоломеевич Буторлин полон 3 царевича, 2 дочери Кучюмовы, 6 жен к Москве к царю Борису Федоровичу Годунову. И тот полон пожалованы чином и вотчинами. А воеводе и казаком послуга дана золотыми кому ж да по службе их».
- ⁵⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 46. Достаточно сравнить опубликованный в 1-м издании монографии А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» текст С. У. Ремезова «Победа на Кучума царя» (стр. 179) с текстами вставных листов летописи, воспроизведенных с оригинала в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (стр. 224, 304, 320) или в кн.: В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, стр. 94, 115.
- ⁵⁷ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 258—259.

- ⁵⁸ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 474.
- ⁵⁹ В. И. Кочедамов. Указ. соч., стр. 47.
- ⁶⁰ «Синопис или краткое собрание о начале славяно-российского народа...» Киев, 1680.
- ⁶¹ План Тобольска, «гербуцы», фигурки у Ямыш-озера на чертеже р. Иртыша, «люди окаменели» на чертеже р. Ишим (ХК, л. 8—9, 97, 111).
- ⁶² А. И. Андреев. Очерки..., стр. 257. Но анализ конкретных водяных знаков автором не приведен (на стр. 256: «вставки... на бумаге с другим знаком», на стр. 254: «вставки, писанные на бумаге со знаком „герб Амстердама“»). Проведенные по нашей просьбе определения филиграней старшим библиографом рукописного отдела Библиотеки Академии наук М. В. Кукушкиной дали противоречивые результаты. При этом следует отметить, что филигранные просматриваются с большим трудом, а на л. 1, 5—7, 10—13, 17, 18, 20, 22, 32, 33, 35—39 либо не видны, либо их нет совсем. На л. 3, 4, 8, 14—16, 21 по кругу латинские буквы B, L, D, V, S и др., внутри круга кладка кирпичей (схожего знака отыскать не удалось); л. 23, 26, 29, 30 с латинскими литерами CS, на л. 24, 27, 28, 31—34 герб Амстердама. Если это две половины одного и того же целого листа, то подобный знак датируется 1709 г. (С. А. Клепиков. Указ. соч., № 492); л. 19 — амстердамский герб, близкий к № 377 (1686 г.) у Neawood (издание Лабара) и к № 55 (1688 г.) у А. А. Гераклитова («Филигранные XVII в.» М., 1963). На л. I—III (от переплета) буквы РФ в картуше и IMD датируются 1740—1742 гг.
- ⁶³ А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963, стр. 148; Н. Я. Новомбергский. «Слово и дело государевы» (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), т. I.—«Записки Археологического ин-та», т. XIV. М., 1911.
- ⁶⁴ С. А. Клепиков. Указ. соч., № 1255 (голландская бумага, датируемая 1686, 1689, 1705, 1706 и 1708 гг.).
- ⁶⁵ А. И. Андреев. Черепановская летопись. «Исторические записки», т. 13. М., 1942, стр. 308—323; В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963, стр. 254—261.
- ⁶⁶ ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 5.
- ⁶⁷ Там же, л. 11.
- ⁶⁸ Там же, л. 16, 17, 21—23, 26, 27, 28 об., 30 об., 32—34 об., 37, 59, 61, 63, 64—64 об., 98, 237 об.
- ⁶⁹ Там же, л. 59а, 89, 123.
- ⁷⁰ Там же, л. 36 об., 95, 104 об., 123, 125 об., 126.
- ⁷¹ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 186—189.
- ⁷² ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 28 об.
- ⁷³ Там же, л. 167 об.
- ⁷⁴ ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 133, 222 об., 224. В тексте летописи Мазуринского собрания история о Татар-хане и его преемниках перенесена в начало: «при взятъе города Сибири в 10 паннаграфѣ» (ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 167 об.).
- ⁷⁵ ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 224.
- ⁷⁶ ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 17 об.—19 об.
- ⁷⁷ Там же, л. 19.
- ⁷⁸ Там же, л. 20.

- ⁷⁹ Там же, л. 37.
- ⁸⁰ Там же, л. 31.
- ⁸¹ Там же, л. 32.
- ⁸² Там же, л. 59а. В иной редакции легенда изложена в «Истории Сибирской» (статья 101) («Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», стр. 27).
- ⁸³ Там же, л. 36 об. В «Хорографической книге» в легенде к чертежу «Степь Калмыцкая с урочищи» Ремезов указывает, что «написана степь по скаске посла Шарыша...» (ХК, л. 100).
- ⁸⁴ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 188.
- ⁸⁵ Там же, стр. 189.
- ⁸⁶ ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 222.
- ⁸⁷ ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 101.
- ⁸⁸ Там же, л. 104—105.
- ⁸⁹ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 189.
- ⁹⁰ ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 59—59 об.; ср. «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», стр. 28 (статья 102).
- ⁹¹ СК, л. 12—12 об. Списки Черепановской летописи отличаются редакционными изменениями. Например, «Тобольск город отстоит от среды мира...» (ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 112), т. е. так же, как у Ремезова, и «Тобольск город отстоит от Москвы...» (ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 73 об.—74) и т. п.; см. также ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 324, л. 47 об.—48.
- ⁹² ЦГАДА, ф. 196, № 1543, л. 94—94 об.; ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 324, л. 170—170 об.; ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 417—418 об.
- ⁹³ «Путеводитель по государственным архивам Тюменской области». Тюмень, 1962; А. И. Лапина. Обзор фондов, хранящихся в Тобольском филиале Тюменского областного государственного архива.— «Ученые записки Тюменского гос. пед. ин-та», т. V, вып. 2. Тюмень, 1958, стр. 123—129; «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 227—229.
- ⁹⁴ Первое предварительное сообщение об этой находке было сделано нами в Тобольске (Л. А. Гольденберг. Неизвестное произведение С. У. Ремезова.— «Тобольская правда», 18 сентября 1964 г.). По справке ГАТО рукопись просматривалась также и филологом Е. И. Скоп, но результаты изучения пока не опубликованы. Настоящая книга была уже написана, когда стало известно, что вслед за нашими докладами 9 декабря 1963 г. в Географическом обществе (Ленинград) и 4 марта 1964 г. в Московском филиале ВГО об источниковедческом значении неопубликованных историко-географических сочинений С. У. Ремезова («Уподобление Сибирские страны», «О грани и межах всей Сибири», вирши о хорографии и др.) в мае и сентябре 1964 г. Е. И. Скоп были сделаны сообщения об этих же материалах в секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
- ⁹⁵ В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. II. Рукописные сборники районного архива Тюменской области.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. V, М.—Л., 1947, стр. 155.
- ⁹⁶ ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 109, л. 2—12 (перечень 1—169 глав); А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 174.

- ⁹⁷ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов»: М., 1869.
- ⁹⁸ А. Попов. Обзор..., вып. 2, стр. 230, 103—121; «Изборник...», стр. 160—185, 188—204. Содержание большинства глав (до 159) восходит к первой редакции (А. Попов. Обзор..., вып. 1. М., 1866, стр. 122—213).
- ⁹⁹ «Изборник...», стр. 278—280, 388—392, 394—395; ГПБ, рук. отд., F. IV. 595; ср. также F. IV. 243, F. IV. 600.
- ¹⁰⁰ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. 2, кн. 8. СПб., 1849, стр. 111—121; А. Попов. Обзор..., вып. 2, стр. 254—256.
- ¹⁰¹ «Сказание Азовского сидения донских атаманов и казаков» (по Погодинскому списку).— «Изборник...», стр. 392—394 и А. Попов. Обзор..., вып. 2, стр. 257; «Сказание об Азовском сидении, как донские казаки сидели в осаде от турок во граде Азове, пять тысяч человек против триста тысяч человек».— «Русский архив», 1898, кн. 8, стр. 481—498; А. Н. Робинсон. Повести об Азовском взятии и осадном сидении.— «Воинские повести древней Руси». М.—Л., 1949, стр. 167—243 (стр. 59—81: «Поэтическая» повесть об Азовском осадном сидении в 1642 г., стр. 85—112: «Сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг.); М. Попов. Азовская оборона (Страница из истории донского казачества XVII в.).— «Исторический журнал», № 3. М., 1945, стр. 46—51.
- ¹⁰² ГПБ, рук. отд., F. IV. 595, л. 716 об.—729.

К главе 4

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.
- ² Б. Федоров. Санктпетербургские современные летописи.— «Отечественные записки», т. XIX, № 51, 1824, стр. 140.
- ³ М. И. Казанин. Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова.— Сб. «Страны и народы Востока», вып. I. М., 1959, стр. 233, 241.
- ⁴ П. Башмаков. Плавание лейтенанта Малыгина.— «Советская Арктика», 1939, № 11, стр. 109.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.
- ⁶ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 8. На ошибочность схемы сибирской историографии, предложенной С. В. Бахрушиным, игнорирование им работ С. У. Ремезова, переоценку значения трудов Миллера давно указала редакция Института истории АН СССР (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 53). Тем не менее, например, в учебном пособии по историографии для высших учебных заведений, где, казалось бы, характеристики должны быть наиболее точны, не подчеркнуто значение С. У. Ремезова как первого историка Сибири, не отмечена идейная направленность его произведений, опущена главная особенность «Истории Сибирской» — ее иллюстрации, дана ошибочная оценка известной «Чертежной книги Сибири 1701 года» («Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1961, стр. 65—66).

Творчество С. У. Ремезова как первого историка Сибири не рассматривается в сводной работе советских ученых по истории исторической науки в СССР. Лишь в разделе, посвященном историографии Казахстана в XVIII в., В. Ф. Шахматов упоминает о сибирском ученом, но приводимые им сведения совершенно фантастичны: «Географические известия о Казахстане были обобщены в „Чертежной книге Сибири“, составленной в начале XVIII в. (1701 г.) в Москве Семеном Ремезовым, и в атласе к ней, изданном Академией наук в 1737 г.» («Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 271).

- ⁷ Л. А. Гольденберг. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII—XVIII вв.). — «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959, стр. 296—347.
- ⁸ К 1677 г. относит В. И. Кочедамов (указ. соч., стр. 21) панорамный рисунок Тобольска, помещенный в копии в «Хорографической книге» (л. 164). С незначительными изменениями по рисунку из атласа Ремезова в Западной Европе было создано несколько гравюр, одна из которых воспроизведена в описании путешествия Идеса Избранта (E. Isbrand Ides. Dreijährige Reise nach China von Moscau... Franckfurt, 1707, S. 53 («Тоболеск»). Копия из голландского издания (Амстердам, 1710) помещена в приложении к статье «Известия Лоренца Ланге о Сибири» («Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 14. Тобольск, 1904).
- ⁹ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 99.
- ¹⁰ В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, серия 1, вып. 1. Киев, 1899, стр. 6—8, XI, XII, XIII, XIV.
- ¹¹ Алафейская гора в Тобольске, на ней расположена верхняя часть города. От татарского «алафга» — «корона». Статья скопирована И. Черепановым (ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 112 об.; ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 324, л. 47 об.; ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 74).
- ¹² В статье «Подобие града Тобольска» (СК, л. 14 об.) Ремезов вновь возвращается к полюбившемуся образу («уподобием пресловущий первоначальный сибирский град Тоболеск ангелу...»), связывая с ним на этот раз топографию города и окрестностей. Например, «десная рука — полатный розряд, на длане имуще посад с довольствы всяких припасов и торгов, другая же рука — соборная церковь и стена каменного столпа..., перси его — купецкий торг и собрание людей». Правый бок — яр до Иртыша, левый — увал и р. Курдюмка, правая нога — Троицкие ворота, правое крыло — р. Тобол до степи, левое — р. Иртыш и т. д.
- ¹³ Круг идей и представлений Ремезова, выраженный в символах и эмблемах плана «Богоспасаемый град Тоболеск», изучен М. И. Казаниным. Результаты анализа показали, что многие символические изображения и эмблемы (недреманное око, попраный сибирским гербом мусульманский полумесяц, три меча в связке, светильник веры, ключ, меч и др.) имеют соответствующие литературные и художественные прообразы, переработанные Ремезовым (герб Никона в книге «Рай мысленный» 1659 г., герб К. Долмата 1624 г. в книге «Из бесед св. Иоанна Златоуста», композиция и надписи фронтисписа Московской библии 1663 г.).

- ¹⁴ Раздел скопирован И. Л. Черепановым с редакционными изменениями, например «длины 90 градусов, а в широту с полудни от хребтов Алтайских до Ледоватого океана до 25 градусов на север» (ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 74).
- ¹⁵ У И. Л. Черепанова: «ниже в север верст с тысячу...»
- ¹⁶ Цитировано В. И. Шунковым в кн. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков» (М.—Л., 1946, стр. 172).
- ¹⁷ О полезных ископаемых в Сибири см. Н. Я. Новомбергский, Л. А. Гольденберг, В. В. Тихомиров. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (по документам Сибирского приказа).— «Очерки по истории геологических знаний», вып. 8. М., 1959, стр. 3—63.
- ¹⁸ СК, л. 12 об. Для своей компилятивной летописи И. Л. Черепанов заимствовал и модернизировал большую часть текста, считая его ремезовским описанием к чертежу всей Сибири 1698 г. (ЦГАДА, ф. 196, № 1543, л. 94—95).
- ¹⁹ Ср. в «Чертежной книге»: «...Имех еще писание земель во употребление к сочинению многия географическая книги...» (л. 2).
- ²⁰ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1—2. М., 1866—1869.
- ²¹ «Изборник...», стр. 476—507.
- ²² С. М. Глускина. «Космография» 1687 г. как русская переработка текста «Атласа» Меркатора.— «Географический сборник», т. III. М.—Л., 1954, стр. 79—99.
- ²³ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1947, стр. 121—122.
- ²⁴ «Изборник...», стр. 508—541.
- ²⁵ ГПБ, рук. отд., Q. XVII. 31, титульный лист. Ср. у Ремезова: «Какovy суть на вселенней подлежат страны и прилепки, також, например, Московия и Италия и Гишпания со всеми грады и села и угодыя и селидбицы и сметники, горы и доли, луги и дубровы, реки и озера и содержащаяся всяческая в розмере» (СК, л. 3).
- ²⁶ Начало позднейшего текста: «Компас, сиречь матка...» и т. д.
- ²⁷ Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 404—405.
- ²⁸ ГПБ, рук. отд., Q. XVII. 31, титульный лист (список конца XVII в.).
- ²⁹ «Изборник...», стр. 477.
- ³⁰ ЧК, л. 2—2 об. Путешествие в Монголию и Китай дважды опубликовано полностью («Изборник...», стр. 430—437; И. Сахаров. Сказания русского народа, т. 2, кн. 7, стр. 183—186; частично у И. М. Карамзина (Указ. соч., т. IX, прим. 634).
- ³¹ Т. И. Райнов. Указ. соч., стр. 410; А. Старчевский, Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, стр. 86; Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.— «Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук», т. 18, кн. 4. СПб., 1913, стр. 257—304; И. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, стр. 81.
- ³² Н. П. Оглоблин. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова.— «Библиограф», 1891, № 1, стр. 2—11;

- Л. А. Гольденберг. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г.— «Труды Ин-та истории естествознания и техники», т. 42, вып. 3. М., 1962, стр. 252—271.
- ³³ СП, стб. 1377, л. 199—216. Описание содержит результаты измерений расстояний (в днях и верстах): «от Тобольска вверх по реке Тоболу до Тавды-реки сухою ходю 3 дни...» и т. д. Чертеж был привезен в Москву в начале 1697 г. В. Карташевым и Г. Енифановым (там же, стб. 1296, л. 373—375). Следует заметить, что при составлении в 1700 г. описи имущества посланного из Москвы в Симонов монастырь сибирского митрополита Игнатия, который «учинился непослушен и противен» патриарху «за повреждением ума своего», среди келейных предметов оказались три чертежа «розные на бумаге», в том числе «один — Соловецкого монастыря, другой — часть Московского государства, у него угол обгорел, третий — часть Европы» (там же, кн. 1559, л. 37 об.; а также л. 1, 13 об., 29).
- ³⁴ М. И. Навро́т. Окладная книга Сибири.— «Проблемы источникововедения», т. V. М., 1956, стр. 186. Идентичный экземпляр книги хранится в ГПБ (рук. отд., Ф. IV. 76).
- ³⁵ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 47; В. И. Греков. О «Чертеже всей Сибири до Китайского царства и до Никаского». — Изв. АН СССР. Серия геогр., 1959, № 2, стр. 80—88.
- ³⁶ ГПБ, рук. отд., Ф. IV. 76, л. 20.
- ³⁷ СП, кн. 1350, л. 208 об. Описывая измерения Тобольска и земельные межи, Ремезов сообщает, что «мера ее (земли.— Л. Г.) написана в писцовых книгах» (ХК, л. 160 об.); в другом месте сделана выписка из грамоты 1676 г. об «Окуневского острогу земли межи» (ХК, л. 7 об.).
- ³⁸ ХК, л. 1; ЧК, л. 5, 41, 43.
- ³⁹ В. А. Петров. Географические справочники XVII в.— «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 74—165.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 223, л. 401—405.
- ⁴¹ Там же, ф. 196, № 1285, л. 1.
- ⁴² Там же, ф. 181, № 223, л. 376 об.—377; ГБЛ, рук. отд., № 2214, л. 371—372 об.; «Протоколы заседаний Археографической комиссии», вып. I. СПб., 1885, стр. 561.
- ⁴³ СП, оп. 5, № 499, л. 1—1 об.; ХК, л. 161 об.
- ⁴⁴ СП, кн. 1351, л. 68 об.
- ⁴⁵ Там же, стб. 1330, л. 315—330; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 24.
- ⁴⁶ СП, кн. 1292, л. 201.
- ⁴⁷ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 138; L. Bagrow. Semyon Remezov — a Siberian cartographer.— «Imago Mundi», 1954, XI, p. 123.
- ⁴⁸ СП, стб. 1312, л. 199.
- ⁴⁹ Там же, л. 179.
- ⁵⁰ Там же, л. 354—355, 412.
- ⁵¹ Там же, л. 357—363. Слободы Ялutorовская, Суерская, Верхняя Суерская, Емуртлинская, Камышевская, Утяцкая, Иковская, Багарацкая, Окуневская, Белоярская, Ново-Пещанская, Чумлянская, Арамилевская, Мурзинская; Царево городище, Воскресенское село. Например, «Ялutorовская слобода. Город рубленой, кругом города ров, около рва рогатки. И около всего посаду заплот лежачей и рогатки. Против города с степную сторону приход воинских людей чрез Тобол-реку...; Мурзинская

слобода. Город рубленой. Круг города с трех сторон надолбы и рогатки, да от реки з западу вниз по реке рогатки. Приход воинских людей с полуденную сторону».

⁵² СП, стб. 1330, л. 330.

⁵³ Там же, кн. 1500, л. 292—292 об.

⁵⁴ ААН, ф. 98, оп. 2, № 6.

⁵⁵ СК, л. 53—56. В оглавлении «Служебной книги» один из чертежей М. Стрекаловского по доезду Д. Я. Меина 1700 г. указан как «чертеж крайних слобод по доезду драгунского полковника немчина Линги с доездом Тобола и Миясу» (гл. 39). Упоминание полковника Линга вместо Меина не случайно и лишний раз доказывает, что комплектование чертежей атласа произошло не ранее 1702 г. Посланный в Тобольск в 1699 г. «для обороны от приходов Казачьи орды» Д. Меин 4 апреля 1702 г. умер. Из Москвы на его место был назначен немец Линг, который, приехав в Тобольск, вскоре сбежал с поста драгунского полковника, его заменил И. Аршинский (СП, кн. 1354, л. 24; стб. 1415, л. 64—68; кн. 1350, л. 499 об.). В фонде Тюменской воеводской канцелярии имеются некоторые дополнительные данные о Х. Левенфельте и М. Стрекаловском. В 1703 г. Х. Левенфельт был приказчиком на Каменском заводе (ГАТО, ф. 47, № 3556). В списке «обывателей» города Тюмени, составленном не ранее 1727 г., отмечены: Максим Федоров сын Стрекаловский 74 лет и его дети — Федор 40 лет, Никифор 10 лет. Запись снабжена пометой: «оной Максим стар и дряхл» (ГАТО, ф. 47, № 553, л. 13 об.).

⁵⁶ Г. М. В а с и л е в и ч. Древние географические представления эвенков и рисунки карт.— «Изв. ВГО», 1963, вып. 4, стр. 306—319; Б. Ф. А д л е р. Карты первобытных народов.— «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 119. «Труды геогр. отд.», вып. 2. СПб., 1910.

⁵⁷ «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею», т. X. М., 1867, стр. 385—391: «Сыскное дело 1697 г. о дороге в Хиву».— «Русский архив», 1867, стб. 395—402; см. также допросы А. Алемасова и Теушко Мергеня (ААН, ф. 21, оп. 4, № 14, л. 106, 108—110); ср. Ф. Л. Ш и б а н о в. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в.— «Ученые записки ЛГУ. Серия геогр. наук», т. 104, вып. 5. Л., 1949, стр. 300. О службе Ф. Скибина см. СП, стб. 1243, л. 12—22; стб. 1296, л. 514—517.

⁵⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, № 3, л. 117; № 14, л. 104—113 и далее; № 12, л. 204—216; «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». М., 1933, стр. 263.

⁵⁹ М. И. Б е л о в. История открытия и освоения Северного морского пути. т. I. М., 1956, стр. 180—181; он же. Семен Дежнев. М., 1955, стр. 119—121; Г. П о т а н и н. «Чертежная книга Сибири...» — ЖМНП, 1883, ч. 227, стр. 316; Л. С. Б е р г. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 40.

⁶⁰ Н. Н. О г л о б л и н. Источники «Чертежной книги Сибири...», стр. 8—9.

⁶¹ См. схемы карт Сибири: 1667 г., 1654 г. (Сансон) и 1698 г. (Ремезов) (К. А. С а л и щ е в. Основы картоведения. История картографии и картографические источники. М., 1962, рис. 24, 26, 27).

- ⁶² Б. П. Полевой. О «печатном» чертеже Сибири 1667 г.— «Сибирский географический сборник», т. 2. М., 1963, стр. 249, 254.
- ⁶³ П. П. Оглоблин. Источники «Чертежной книги Сибири...», стр. 3—4.
- ⁶⁴ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 62—63; СП, кн. 975, л. 111 и 111 об.
- ⁶⁵ П. П. Оглоблин. Источники «Чертежной книги Сибири...», стр. 4; «Imago Mundi», 1955, XII, р. 128.
- ⁶⁶ ХК, л. 150. Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, стр. 46—47.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол, № 237, л. 104 об.—105; СП, стб. 1296, л. 546.
- ⁶⁸ Воевода Т. Раевский 7 января 1697 г. из Тюмени отправил тюменский городской чертеж с И. Молчановым и И. Юрцевым (СП, стб. 1296, л. 415—416); чертеж Березова прислан в Сибирский приказ 11 ноября 1697 г. (там же, стб. 1312, л. 202); из Иркутска в Тобольск 28 июля 1697 г. поступил чертеж, зашитый «в коже» (там же, л. 200); в росписи Д. Траурнихта, полученной в Москве 8 ноября 1699 г., упоминаются грамота и отписка о якутском «городовом» чертеже (там же, стб. 1330, л. 452, 457); отправленный из Тобольска «ящик с чертежем Красноярского города» 9 июля 1699 г. прибыл в Тюмень, а 10 августа поступил в Сибирский приказ (там же, стб. 1328, л. 198); см. также у А. И. Андреева («Очерки...», стр. 99) о получении в Иркутске 2 ноября 1696 г. указной грамоты и об отправлении чертежа 28 мая 1697 г. (ЛОИИ, ф. Иркутской воеводской избы, картон 1, № 47, л. 2, 4—5); черновик указной грамоты в Енисейск (СП, стб. 654; «Протоколы заседаний Археографической комиссии», вып. I. СПб., 1885, стр. 232).
- ⁶⁹ СП, стб. 1330, л. 117. Здесь же сообщается о встрече Мухоплева летом 1697 г. на р. Киренге по дороге в Москву с вновь назначенным в Якутск воеводой Д. Траурнихтом. По данным В. Ю. Визе и М. И. Белова, в 1690—1692 гг. Мухоплев служил приказчиком на Колыме и в этот период обнаружил остров Столбовой. Плавание 1690 г. Мухоплева было известно Ремезову: на карте Сибири 1698 г. показан остров пролив устья Лены с надписью «во 198-м году проведан» (М. И. Белов История открытия и освоения Северного морского пути, стр. 180—181). О М. Мухоплеве см. СП, стб. 1207, л. 158—170; стб. 1387, л. 38, 68.
- ⁷⁰ СП, кн. 1292, л. 11—24.
- ⁷¹ Там же, л. 15 об.—16.
- ⁷² Заимка Путилова и Кашина шивера не показана на чертежах Енисея и Верхней Тунгуски в «Хорографической книге». Следовательно, источники, использованные для чертежей этого района в первом атласе, могут быть отнесены к периоду до 1695—1696 гг.
- ⁷³ С. В. Бахрушин. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. У. Ремезова.— «Исторические известия», М., 1916, № 3—4, стр. 3—28; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 32—38; «История русской литературы», т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 277—282; О. Г. Порохова. Лексика сибирских летописей XVII в. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.

- 1952; Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке.— «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 5. Тобольск, 1895—1896, стр. 4—5.
- ⁷⁴ ГПБ, рук. отд., № 2214, л. 97 об.
- ⁷⁵ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960, стр. 159.
- ⁷⁶ По определению О. Г. Пороховой, жанр Кунгурской летописи относится к «новой нарождающейся демократической литературе», а стиль ее «нарочито сниженный».
- ⁷⁷ ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 95—95 об. Многие этнографические работы С. У. Ремезова изучены и используются особенно часто в региональных историко-этнографических исследованиях (Г. Н. Потанин. Указ. соч.; А. И. Андреев. Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII века.— «Советский Север», 1938, № 1, стр. 37—64; он же. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв.— «Проблемы источниковедения», т. III. М., 1940, стр. 85—126; В. П. Косованов. К истории древней картографии Приенисейского края.— «Сибирские огни», 1925, № 1, стр. 220; Л. П. Потанов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948; он же. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957 и др.).
- ⁷⁸ «Filmed by Harvard College Library», № 59—2045, оборот вклейки к л. 130.
- ⁷⁹ Гондыри (КК, л. 132), гондыри (СК, л. 98).
- ⁸⁰ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 186—189.
- ⁸¹ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 11—12.
- ⁸² P. I. Strahlenberg. Указ. соч., стр. 362—371, табл. XIII—XVI; G. Cooper. Lettres de critique, de littérature, d'histoire... Amsterdam, 1743; А. И. Андреев («Очерки...», стр. 132) нашел копии зарисовок в фонде Мессершмидта (ААН, ф. 98, оп. 1, № 36, л. 19—22); в изданиях 1692 и 1705 гг. труда Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» рисунки отсутствуют, они помещены только в 3-м издании (1785 г.), стр. 759 (В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2. СПб., 1891, стр. 42—45).
- ⁸³ Г. Ф. Миллер. О сибирских надписях.— «История Сибири», т. I. М.—Л., 1937, стр. 526—529. Систематические публикации и изучение наскальных изображений Урала и Зауралья начаты Институтом археологии АН СССР, но писаницы на Ирбите пока не опубликованы (В. П. Чернецов. Наскальные изображения Урала, вып. I. Свод археологических источников СССР. М., 1964).
- ⁸⁴ СК, л. 28. В «Чертежной книге» разночтение: «... длины по сту верст, поперег вверх по компасу на 50 верст» (л. 5).
- ⁸⁵ О соотношении «большой» и «прежней» меры можно судить по записи: «до Верхотурья 333 верст 200 сажень по большой мере, по прежней 435».
- ⁸⁶ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, вып. 1. СПб., 1860, стр. 44.
- ⁸⁷ С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 118.
- ⁸⁸ СК, л. 32 об.—33, 107 об.—108, 109 об.—110, 111 об.—112. О математической основе карты Вилиуса см. Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 292—293. Карта «Тартарии...» или, по Ремезову,

- «Чертеж часть земли Хинского повелительства» (л. 107—108) помещена у В. А. Кордта, который сообщает о ее первом воспроизведении в дополнении к атласу Меркатора, изданном Г. Гюндиусом в 1633 г., и о ее перепечатках во всех изданиях атласа Блеу (В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии, серия 2, вып. 1. Киев, 1906, стр. 22 и табл. XIX). Единственная карта в ремезовском атласе с латинскими надписями (л. 111 об.—112), видимо, заимствована из какого-то иезуитского издания, точно такая же карта скопирована Д. Г. Мессершмидтом (ААН, ф. 98, оп. 1, № 11). Легенда и содержание карты Китая (л. 109 об.—110) соответствует данным «Описания государства Китайского, главным губерниям и при них большим и меньшим городам и домам и капищам» (ЦГАДА, ф. 196, № 1285, л. 1—4 об.).
- ⁸⁹ Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 297—298. Известный картограф И. Н. Делиль высоко ценил карты Идеса, который «ориентировался при помощи звезд и везде брал высоты полюса, на основании которых и определял возможно точным образом положение местностей» (В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках.— «Труды Архива АН СССР», вып. 4. М.—Л., 1940, стр. 132).
- ⁹⁰ Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 305.
- ⁹¹ Т. Н. Мельникова. О съемках рек на территории России в XVIII веке.— «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 30. Сб. работ геогр. фак-та. Воронеж, 1954.
- ⁹² Л. А. Гольденберг. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г., стр. 252.
- ⁹³ ХК, л. 114: «гора без прозвища». Об Алтае С. У. Ремезов пишет: «Славный Алтай Камень имущему верх досязати выше облак, и путь имущему косогоры восхождения вверх неделю, також и низхождение неделю, безводно искони богом создан, во основании главою всех великих рек Иртыша, Оби, Енисею, Селенги, китайской Корги, индейской Ганга, и калмытских в наличии многих рек, и путь до Китай...» (ЧК, л. 41).
- ⁹⁴ ХК, л. 100, 101, 112, 114, 119, 139; СК, л. 83 об.
- ⁹⁵ ХК, л. 23, 104, 112, 115, 120, 133, 160, 169; СК, л. 77 об., 80, 91 об.
- ⁹⁶ ХК, л. 23, 111—113, 127, 129, 143, 146, 148; СК, л. 63, 67 об., 89, 96; ср. Н. Я. Новомбергский, Л. А. Гольденберг, В. В. Тихомиров. Указ. соч., стр. 3—63; А. А. Кузин. История открытых рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961, стр. 7—116.
- ⁹⁷ ЧК, л. 47. На основании «надписания» А. Ф. Миддендорф и Л. С. Берг относили составление чертежа к 8 июня 1673 г., против чего возражал А. И. Андреев, считая, что Ремезову в то время было 12 лет. Из биографии тобольского картографа видно, что последний довод несостоятелен. Полагаю, что в этой полемике были правы Л. С. Берг и выступивший с новыми доводами Ф. А. Шибанов: чертеж составлен в 1673 г., видимо, С. У. Ремезовым, а в 1700 г. был переложен на новую основу (А. Ф. Миддендорф. Письмо к вице-председателю Русского географического общества.— «Вестник РГО», ч. 21, отд. V. СПб., 1857, стр. 1; Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.—Л., 1946, стр. 45; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 133; Ф. А. Шибанов. Указ. соч., стр. 304—305).

- ⁹⁸ СК, л. 61 об., 67 об., 73 об., 88.
- ⁹⁹ В. С. Синяев. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII в.— «Труды Томского обл. краеведческого музея», вып. 5. Томск, 1956, стр. 80.
- ¹⁰⁰ ХК, л. 23, 49, 113, 114, 116, 125, 128, 131, 132, 136, 140, 146, 150, 152.
- ¹⁰¹ Там же, л. 24, 25, 87, 96, 98, 106—108, 111, 115, 117, 132, 148; СК, л. 87 об., 93 об.; ЧК, л. 22.
- ¹⁰² Исключение было сделано для р. Желтой (СК, л. 105 об.). Вместо обычной темно-синей окраски она получила в соответствии с названием желтую.
- ¹⁰³ Подсчеты С. Е. Феля (Указ. соч., стр. 120, 125).
- ¹⁰⁴ А. Ф. Миддендорф. Путешествие..., стр. 39.
- ¹⁰⁵ В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1954, стр. 29.
- ¹⁰⁶ Б. Н. Вишневецкий. Указ. соч., стр. 343. Подлинник чертежа, изображающего территорию от Тобольска до Урала, И. Полозов и Я. Ланин 16 ноября 1695 г. «за рúками» вместе с переписными книгами подали в приказную избу (ААН, ф. 24, оп. 4, № 13, л. 107). Копия помещена в «Хорографической книге» под названием «Чертеж мера Исецким слободам в 7203-м году» (ХК, л. 165).
- ¹⁰⁷ А. Ф. Миддендорф. Путешествие..., стр. 38.
- ¹⁰⁸ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, стр. 224; К. В. Сидоров. Новая земля на картах XVII в.— «Летопись Севера», т. II. М., 1957, стр. 117.
- ¹⁰⁹ ЧК, л. 17, 21, 23; СК, л. 96. На варианте Якутского чертежа поворот показан в районе р. Анадырь (СК, л. 97 об.).
- ¹¹⁰ «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов». Составлен Н. С. Орловой под редакцией А. В. Ефимова. М., 1954; М. И. Белов. Семен Дежнев. М., 1955; Б. П. Полевой. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.).— «Изв. ВГО», 1960, вып. 1, стр. 46—52.
- ¹¹¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 29—48; А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века.— «Изв. ВГО», 1943, вып. 3, стр. 36; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, стр. 57; он же. Из истории великих русских географических открытий..., стр. 54, 74 и др. Из новейших авторов только В. И. Греков считает «едва ли правильным» мнение об отражении итогов плаваний Дежнева в картографии XVII в. (Указ. соч., стр. 334).
- ¹¹² А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане..., стр. 36; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций..., стр. 70—72; он же. Из истории великих русских географических открытий..., стр. 86—87.
- ¹¹³ М. И. Белов. Семен Дежнев, стр. 116; он же. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, стр. 223; В. И. Греков. Указ. соч., стр. 334.
- ¹¹⁴ По объяснению А. И. Андреева правильнее: *onopvaarbate*, т. е. *неповорачивающийся* («Очерки...», стр. 130).
- ¹¹⁵ Впервые обратил внимание на эту надпись А. В. Ефимов. По воспроизведенная в монографии деталь Якутского чертежа с

- надписью неудачна тем, что нижняя рамка срезает несколько мысов, создавая впечатление многих «непроходимых» мест, тогда как на подлиннике морской проход здесь свободен («Из истории русских экспедиций...», стр. 70—71).
- ¹¹⁶ К сожалению, интересная работа историка Сибири и Камчатки Б. П. Полевого появилась в печати только в конце 1964 г., и мне удалось с ней ознакомиться после того, как настоящая книга была уже написана, почему основные выводы этого исследования не были учтены или использованы (Б. П. Полев о й. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. (Известие о «каменной преграде». Возникновение и метаморфоза легенды о «необходимом носе»).— «Сибирский географический сборник», т. 3. М.—Л., 1964, стр. 224—270).
- ¹¹⁷ Видимо, на этих картах отражены результаты путешествий С. Дежнева и др. (М. И. Белов. Русские походы на Камчатку до Агласова.— «Изв. ВГО», 1957, вып. 1, стр. 26—27). Интересно сообщение о походе в середине XVII в. Ивана Рубца вверх по р. Камчатке («Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 170). Но говоря о первом изображении р. Камчатки в 1667 г., следует принять во внимание убедительное возражение В. И. Грекова. Из шести сохранившихся копий чертежа только на одной имеется надпись «Камчатка». Затруднительно судить о тождественности копий при отсутствии оригинала, но вполне допустимо, что дополнительная надпись была сделана позднее при копировании (В. И. Греков. Указ. соч., стр. 334).
- ¹¹⁸ На чертеже 1687 г. также показан «остров Епон».
- ¹¹⁹ А. И. Андреев. Первые русские карты Сибири.— «Глобус». М.—Л., 1939, стр. 310; «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» Под редакцией и с введением А. В. Ефимова. Составители А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. М., 1964, карта 47 (дана транскрипция надписей на карте).
- ¹²⁰ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 139.
- ¹²¹ Ср. статьи Н. Н. Оглоблина: «Новые данные о Владимире Атласове» (ЧОИДР, 1888, кн. 1, стр. 1—30), «Две скаски Владимира Атласова об открытии Камчатки» (там же, 1891, кн. 3, стр. 1—18); «К биографии Владимира Атласова» (там же, 1894, кн. 1, стр. 1—18). Чертежное описание полностью опубликовано дважды: А. И. Андреев. Первые русские карты Сибири, стр. 311; «Атлас...», стр. 32.
- ¹²² Н. Н. Оглоблин. К биографии Владимира Атласова, стр. 9—11, 15; он же. Новые данные о Владимире Атласове, стр. 21—22.
- ¹²³ СП, кн. 1458, л. 68—68 об. Здесь помещены: челобитная М. Зиновьева о верстанье в дворяне по московскому списку (л. 66 об.). выписки 1 февраля 1707 г. Сибирского приказа о его службах с 1716 г. (л. 68), сведения о походе на Камчатку Атласова (л. 70), решение по челобитной (л. 73 об.).
- ¹²⁴ «Атлас...», стр. 34. Касался этой проблемы также тобольский историк И. Л. Черепанов, который утверждал в 1760 г., что не только в старину, но и в наше время писатели географии в расприх и несогласиях находились в рассуждении границ, которыми Азия взаимно отделяется от Америки. Одни пишут,

- что между ими есть канал, который соединяет Ледяное море с Тихим, другие говорят, что никакого пролива морского нет, но из Азии перейти можно в Америку твердою землею» (ЦГАДА, ф. 196, № 1542, л. 3 об.—4).
- ¹²⁵ О Траурнихте см. СП, кн. 1328, л. 1—3, 19; кн. 1556, л. 17 об.—23 об.
- ¹²⁶ Единственным доводом против такого названия может быть ссылка на несогласованность нумерации листов чертежа № 2 в атласе (л. 69) и в его оглавлении (л. 75). Однако подобные возражения несостоятельны. Судя по оглавлению, С. У. Ремезов предполагал поместить между двумя «камчадалскими» чертежами (л. 68 и 75) карты Китая, но фактически в «Служебной книге» расположил последние вслед за чертежами Камчатки (л. 68—70).
- ¹²⁷ «Атлас...», стр. 33.
- ¹²⁸ Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 54.
- ¹²⁹ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 314.
- ¹³⁰ Н. Л. Корженевский. К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII в.—«Изв. АН Узб. ССР», 1949, № 1, стр. 48—49; А. П. Горбунов. Основные черты развития в России картографических представлений о территории Казахстана в течение XVII, XVIII, XIX веков.—«Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. ин-та», т. VIII. Серия естеств.-геогр. Алма-Ата, 1957, стр. 115—117; В. Н. Федчина. Средняя Азия на русских чертежах (картах) XVII в.—«Вопросы истории естествознания и техники», вып. 4. М., 1957, стр. 94—104.
- ¹³¹ В. Н. Федчина. Средняя Азия..., стр. 102—103; А. Л. Яншин, Л. А. Гольденберг. Первая русская научная экспедиция на Устюрт.—«Первые русские научные исследования Устюрта». М., 1963, стр. 6—7.
- ¹³² А. П. Горбунов. Указ. соч., стр. 118.
- ¹³³ В. Н. Федчина. Развитие в России картографических представлений о территории Средней Азии (до начала систематических съемок). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 1963, стр. 8.
- ¹³⁴ А. И. Андреев. Черепановская летопись.—«Исторические записки», т. 13. М., 1942, стр. 308—323; В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963, стр. 254—261. «Imago Mundi», 1954, XI, p. 125.
- ¹³⁵ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 120.
- ¹³⁷ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций..., стр. 78.
- ¹³⁸ С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 126.
- ¹³⁹ ААН, ф. 98, оп. 2, № 2—5, 7, 9—13; 15, 6. А. И. Андреев считал («Очерки...», стр. 148), что под № 14 в собрании Мессершмидта очутился и подлинный чертож Ремезова, представляющий Якутский уезд. Это мнение анализом чертожа не подтверждается. Характер условных обозначений и графики, манера и стиль надписей настолько резко отличаются от всех известных картографических произведений Ремезовых, что зачислять кого-либо из них в авторы было бы заблуждением.
- ¹⁴⁰ ХК, л. 5 об.—6, 9 об.—14 об.; ААН, ф. 21, оп. 5, № 38, л. 58—70;

- ЦГАДА, ф. 199, № 505, I, тетр. 6, л. 1—8; С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 121.
- ¹⁴¹ ОРБАН, 32.8.8, л. 189—195 об. Краткое описание сборника см.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы», т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 474.
- ¹⁴² «Imago Mundi», 1947, IV, p. 83 (рецензия Л. С. Багрова на монографию А. И. Андреева); «Imago Mundi», 1952, IX, p. 85; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 58; «Imago Mundi», 1954, XI, p. 115; «The Atlas of Siberia...», Introduction, p. 11.
- ¹⁴³ «Библиотеки МГАМИД реэстр географическим атласам, картам, планам и феограмм войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год». СПб., 1877, стр. 51—52.
- ¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. 192, Тобольская губ., № 4, л. 16, 27.
- ¹⁴⁵ С. А. Клепиков. Указ. соч., стр. 20, 23, 72. В 1964 г. все три чертежа были опубликованы в «Атласе...» (карты № 38—40). Следуя выводам Л. С. Багрова и А. И. Андреева, составители «Атласа...» не провели источниковедческого анализа чертежей, поэтому воспроизведение неисправных копий вместо оригиналов сопровождается неточностями датировок, заголовков и других сведений лаконичных комментариев. Так, чертеж «Течение реки Вагая» (№ 40), конечно, не «связан с межованием земель», а приведенным в качестве составительского («Карта части Тобольской губернии») и авторского («Град Тоболеск») заголовкам не отвечают ни подлинный авторский («Река Тобол писана с устья от Тобольска до вершины и с малыми речки и озера и с селидьбы» — ХК, л. 11), ни содержание другого гидрографического чертежа С. У. Ремезова (№ 39).
- ¹⁴⁶ С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 131.
- ¹⁴⁷ Д. М. Лебедев. География в России петровского времени; В. И. Греков. Указ. соч.; С. Е. Фель. Указ. соч.
- ¹⁴⁸ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1201, л. 684. В списке геодезистов: Ф. Лужин, И. Евреинов, Ф. Валув, П. Чичагов, И. Захаров, П. С. Скобельцын, И. Свистунов, Д. Баскаков, В. Шатилов, М. Игнатъев, а также Ф. Молчанов.
- ¹⁴⁹ О. А. Евтеев. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950, стр. 81—89.
- ¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. 248, кн. 1201, л. 190—213; оп. 4, № 156, л. 602—618 (о походе И. Лихарева), л. 531—543 (о работах П. Чичагова). Карты П. Чичагова см. В. И. Греков. Указ. соч. стр. 216; В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века.— «Труды ААН СССР», вып. 6. М.—Л., 1946, прил. II, № 81, 238, 736, 758. О работе И. Захарова в 1721—1722 гг. см. ГАТО, ф. 47, № 3622, л. 1—1 об.; № 3623, л. 1.
- ¹⁵¹ Ср. Архив ЦНИИГАиК, д. НА/342, л. 127; L. Bagrow. A Russian Communications Map ca. 1685.— «Imago Mundi», 1952, IX, p. 101.
- ¹⁵² К. А. Салищев. Указ. соч., стр. 48; А. С. Харченко. Очерк развития комплексного картографирования.— «Географічний збірник», вип. 6. Київ, 1962, стор., 136.
- ¹⁵³ К. К. Марков. Исторический метод в физической географии.— «Вопросы географии», т. 9. М., 1948; В. К. Яцунский. К во-

просу о структуре учебников истории для высшей школы.— «Вопросы истории», 1951, № 4; он же. К вопросу о месте историко-географического анализа в страноведческих работах по экономической географии.— «Изв. АН СССР. Серия геогр.», 1956, № 3.

- ¹⁵⁴ В. Н. Татищев. Предложение о сочинении истории и географии российской.— П. Попов. Татищев и его время. М., 1861, прил., стр. 664.
- ¹⁵⁵ В. С. Манасеин. Иркутский острог.— «Изв. Об-ва изучения Восточно-Сибирского края», т. 1(XIV). Иркутск, 1936, стр. 16—19; Л. М. Тверской. Указ. соч., стр. 91—100.
- ¹⁵⁶ М. И. Мельхеев. Историко-этнографическое значение топонимики Восточной Сибири.— «Материалы 2-го научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов», вып. 5. Владивосток, 1962, стр. 25—27.

Содержание чертежных книг (атласов)

С. У. Ремезова

«Хорографическая чертежная книга» 1697—1711 гг.

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Память послушная	текст	1
[Описание к чертежу 3 марта 1697 г.]	»	1
Статья 1-я. Доезд по грамоте великого государя	»	1 об., 3
Надписание	»	2
Круги вселенныя в познании херографии. Статья 2-я	текст и чертеж	2 об.
[Помета Л. С. Багрова]		3 об.
Глава 4. Список печатного подлинного чертежа. В лето 7176 по указу великого государя по грамоте в Тобольску учинен сей чертеж снисканием и самотрудием и герографством стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова...	чертеж	4
Предисловие	текст	5
Оглавление	»	5 об. — 6
1-я глава. Доезды по грамотам великого государя	»	6 об.
[Запись о меже земель Окуневского острога 1676 г.]	»	7 об.
Глава 7. Начало настоящей в виде херографской мудрости...	»	8
Глава 8-я. Гербуцы	рисунок и текст	8
Глава 9-я. [Аллегорический план Тобольска]	то же	8 об.
Матка путевая. Статья 10. О матке	рисунок и текст	8 об.
Статья 11-я. О размере	чертеж и текст	9

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Статья 12. Каталог. Знаки по алфавиту, подпись чертежная	текст	9
Статья 13-я. Описание Сибири	»	9 об.
Статья 14-я. Богоспасаемый славный... град Тоболеск...	»	9 об.
Глава 18. Дорога Московская чрез Тюмень в слободы и в степь	»	10
Описание херографии от града Тобольска, Тобол-река с облегающим течением...	»	10 об.
Глава 19. Река Тобол писана с устья от Тобольска до вершины и с малыми речки и озера и с селидьбы	чертеж и две вклейки	11
Подпись херографии [река Турба...]	текст	11 об , 12 об. 13 об., 14 об.
Река Тобол. Глава 19	чертежи	12, 13, 14, 15, 16
Мияс. Глава 20.	чертеж	17
Река Тобол. Глава 19	чертеж с вклейкой	18
Река Тобол. Глава 19	чертежи	19, 20, 21, 22
Вершина Тобола-реки. Глава 19	чертеж	23
Глава 20. Мияс-река написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с сел[идбами]	»	24
Мияс. Глава 20	»	25
Вершина Миясу (глава 20) и Течи-реки	»	26
Глава 22. Синара с урочищи	»	27
Глава 23. Уфа с урочищи	заголовок и граф- ление	27 об.
Глава 26. Река Ница с урочищи	чертеж	28
Вершина Ницы. Глава 26	»	29
Глава 21. Исеть-река написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидьбами	чертеж и каталог	30

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Исеть. Глава 21	чертежи	31, 32
Исеть. Глава 21	чертеж с вклейкой	33
Исеть. Глава 21	чертежи	34, 35, 36
Исети вершина. Глава 21	чертеж	37
Глава 24. Пышма-река написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	»	38
Пышма. Глава 24	чертежи	39, 40, 41, 42, 43, 44, 45
Вершина Пышмы. Глава 24	чертеж	46
Глава 25. Тура-река написана с урочищи от устья и до вершины, реки и озера и селидбы	»	47
Тура. Глава 25	чертежи	48, 49, 50, 51, 52
Тура	чертеж с вклейкой	53
Тура. Глава 25	чертеж	54
Глава 27. Река Тавда написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	»	55
Тавда. Глава 27	чертежи	56, 57, 58, 59, 60, 61, 62
Глава 28. Река Конда написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	чертеж	63
Конда. Глава 28	чертежи	64, 65, 66
Глава 29. Иртыш-река написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	чертеж	67
Иртыш-река. Глава 29	чертежи	68, 69, 70
[Река Иртыш. Глава 29 и р. Демьян]	чертеж с вклейкой	71
Река Иртыш. Глава 29	чертежи	72, 73, 74, 75, 76
Иртыш-река. Глава 29	чертеж с вклейкой	77
Иртыш-река. Глава 29	чертеж	78

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
<p>Иртыш-река. Глава 29</p> <p><i>1 вклейка:</i> Знамения по чему узнавать в чертежу всякия места</p> <p><i>2 вклейка:</i> Чертеж «Кучюмово городище».</p> <p><i>На обороте:</i> Описание доезда 11 августа 1703 г.</p>	чертеж и две вклейки	79
Иртыш-река. Глава 29	чертежи	80, 81
Иртыш-река. Глава 29	чертеж с вклейкой	82
Иртыш-река. Глава 29	чертежи	83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90
Иртыш-река. Глава 29	чертеж с вклейкой	91
Иртыш-река. Глава 29	чертеж	92
Иртыш. Глава 29	чертеж с вклейкой	93
Иртыш. Глава 29	чертежи	94, 95, 96
Вершина Иртыша-реки. Глава 29	чертеж	97
Иртыш. Глава 29	»	98
Вершина реки Иртыша. Глава 29. Степь	»	99
Глава 32. Степь написана с урочищи. А написана степь по скаске посла калмыка Шарыша, толмачил Петрушка Григорьев	»	100
Глава 33. Вагай-река написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	»	101
Вагай-река. Глава 33	чертежи	102, 103, 104, 105, 106
Глава 34. Ишим-река	чертеж	107
Написана с урочищи от устья и до вершины, речки и озера и с селидбами	»	108
Ишим-река. Глава 34	чертежи	109, 110, 111
Вершина Ишиму. Глава 35. Степь написана с урочищи	чертеж	112

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Степь. Глава 35. Казачья орда, Бухаря	чертеж	113
Глава. 36. Еик с урочищи	»	114
Глава 37. Море Мангазейское с урочищи	чертеж с вклейкой	115
Глава 38. Обь-река написана с устья и до вершины с урочищи, речки и озера и с селидьями	чертеж	116
Обь. Глава 38	»	117
Обь. Глава 38	чертеж с вклейкой	118
Обь. Глава 38	чертеж и две вклейки	119
Обь. Глава 38	чертежи	120, 121, 122,
Обь. Глава 38	чертеж с вклейкой	123
Обь. Глава 38 [и р. Васюган]	»	124
Обь. Глава 38 [и р. Кеть]	»	125
[Обь. Глава 38 и р. Чюлым]	»	126
[Обь. Глава 38]	»	127
Вершина Оби-реки. Глава 45	чертеж	128
Глава 44. Река Том с урочищи и степь з жильями язык	»	129
<i>На обороте вклейки: Перечень сибирских народностей</i>	чертеж с вклейкой	130
Река вершина Томи. Глава 44	чертеж	131
Поморие Туруханское. Глава 47	»	132
Глава 46. Енисей-река написана с урочищи от устья и до вершины, реки и озера и с селидьями	»	133
Глава 48. Нижняя Тунгуска	»	134
Река Енисей. Глава 46	»	135
Река Енисей. Глава 46. Подкаменная Тунгуска. 49 глава	»	136
Река Енисей. Глава 46	чертеж с вклейкой	137
Река Енисей. Глава 46	чертежи	138, 139, 140
Река Енисей. Глава 46. Вершины	чертеж	141

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Глава 50. Верхняя Тунгуска написана с урочища от устья и до вершины, реки и озера и с селидьями	чертеж	142
Глава 50. Река Ангара с урочища	»	143
Глава 51. Река Илим с урочища	»	144
Глава 52. Море Байкал с урочища	»	145
Глава 53. Река Селенга с урочища. Степь	»	146
Свидетельство даурского полковника Афонасья Иванова сына Байдона	» текст	147 147 об.
Глава 54. Река Амур с урочища	чертеж	148
Амур. Глава 54 [Библиотечная вклейка — аннотация на английском языке «Semyon Remezov. Khogograficheskaya Kniga», 1697]	чертежи текст	149, 150 151
Глава... Китайское царство с грады и с урочища	вклейка	двойной лист
Чертеж Ленского северного угла. Глава 57	чертеж	152
Глава 56. Лена с урочища	»	153
Лена. Глава 56	чертеж с вклейкой	154
Лена. Глава 56	чертежи	155, 156, 157
Глава 59. Алдан с урочища	чертеж	158
Глава 60. Олекма с урочища	»	159
Глава 61. Колыма с урочища	»	160
Мера Тобольскому городу во 197-м году строению писан чертеж	текст	160 об.
Глава 62. Чертеж описано по грамоте град Тоболеск по мере вокруг близкие места	чертеж	161
Глава 63. Чертеж слободам, смета людям и жилью и ружью	текст с вклейкой чертеж	161 об. 162

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Глава 64. Во 192-м и 93-м годах чертеж в пополнок прежнему, кои писан во 176-м году про знание жилья	чертеж	162 об.
Глава 65. Таков написан и послан к Москве 205-м году марта в 20 день Казачьи орды	»	163
Глава 66. Чертеж городского и валового строения и обрубку	»	163 об.
[Панорамный рисунок Тобольска]	рисунок	164
Глава 69. Чертеж мера Исецким слободам в 7203-м году	чертеж	165
Глава 70. Чертеж Тобольского и Верхотурского уездов писан нынешнаго 205-го году, как оттоле воровских казаков приход и от которого острогу, и то написано в книге	»	165 об.
Глава 75. Чертеж Тюменского города с уездами грани	»	166
Глава 76. Чертеж грани Тарскаго города с уездами без степи	»	166 об.
77 глава. Чертеж грани Березова города с уездами до моря	»	167
Глава 81. Чертеж грани Томскаго города с уездами	»	168
Глава 82. Чертеж грани Кузнецкого города с уездами	»	168 об.
Глава 83. Чертеж грани Мангазейскаго города с уездами	»	169
[Реки Чавда и Иска]	»	170 об.
[Незаконченный набросок чертежа]	»	171

Заголовок оригинала	Номер листа по авторскому оглавлению	Архивная пагинация (листы)
[Титульный лист]		1
Надписание чертежей		1 об.
Оглавление книги сея		1 об.
Каталог		1 об.
Писание до ласкового читателя		2—2 об.
Чертеж града Тоболска и посадов нагорья и подгорья с улицами	1	текст — 3 чертеж — 3 об.
Чертеж земли Тобольского города	2	текст — 5 чертеж — 5 об. — 6
Чертеж земли Тарского города	3	7 об. — 8
Чертеж земли Тюменского города	4	9 об. — 10
Чертеж земли Туринского острогу	5	11 об. — 12
Чертеж земли Верхотурского города	6	13 об. — 14
Чертеж земли Пелымского города	7	15 об. — 16
Чертеж земли Березовского города	8	17 об. — 18
Чертеж земли Сургутского города	9	19 об. — 20
Чертеж земли Нарымского города	10	21 об. — 22
Чертеж земли Томского города	11	23 об. — 24
Чертеж земли Кузнецкого города	12	25 об. — 26
Чертеж земли Туруханского города	13	27 об. — 28
Чертеж земли Енисейского города	14	29 об. — 30
Чертеж земли Красноярского города	15	31 об. — 32
Чертеж земли Илимского города	16	33 об. — 34
Чертеж земли Якутцакого города	17	35 об. — 36

Заголовок оригинала	Номер листа по авторскому оглавлению	Архивная пагинация (листы)
Чертеж земли Иркутского города	18	37 об. — 38
Чертеж земли Нерчинского города	19	39 об. — 40
Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи	20	текст — 41, чертеж — 41 об. — 42
Чертеж всех сибирских градов и земель	21	текст — 43, чертеж — 43 об. — 44
Чертеж вновь Великопермские и Поморие Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со окресными жилищи	22	45 об. — 46
Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех разных градов и жилищ и степи	23	текст — 47, чертеж — 47 об. — 48

*«Служебная чертежная книга» 1702—1730 гг.
(л. 1—116 об.)*

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Начало. Первое надписание	текст	1
Привилегия Сибири	рисунок	1 об.
Предисловие до ласковаго читателя	текст	2—2 об.
3-я статья. [Компас]	»	2 об.
	чертеж	3
4-я статья. Миллиария розмерная. Лист 5	текст и два чертежа	3 об.
5-я статья. Херография циркулю или чертеж земли. Начало царствующаго града Тобольска со уезды. Херография	текст чертеж	3 об. — 4 4

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Знаки по алфавиту, подпись чертежей. Лист 6	текст	4
Оглавление главизн. Оглавление количеству статей в книге сей. И по сей книге по указу рукоделие чертежное знати и в дело поводити образно, не в зазор службы	»	4 об. — 5
Круги вселенные например чертежей. Лист 7 *	заголовок	5 об.
Статья державств российских. Лист 8	рисунок	6 об.
[Заставка с орнаментом]	»	7
Степени властей сибирских архиереов. Лист 9	неоконченный рисунок	7 об.
История Тобольскаго града: архиепископом и митрополитав сибирских	текст	8—8 об.
Роспись летописи Сибирской, истории Тобольскаго города вкратце бытности воеводам в коликих летах после Ермака. Лист 10	рисунок с текстом	9
Список из городского списку подлинной. [Гербы]	текст с рисунком	9 об.
Чертеж посаду розмер по указу под валовое строение. Лист 19	текст чертеж	10 10 об. — 11
Образец роскату и з болгарки и с пушками и постановка полкам. Статья 20	рисунок	11 об.
Уподобление Сибирские страны. Статья 25	текст	12—12 об.
Подобие града Тобольска. Лист 11	»	14 об.
Примером Тобольску земель образчатой на 20 верст. Лист 12	чертеж	15 об.

* С. У. Ремезовым написан заготовок и проведены две окружности. Вероятно, предполагалось поместить «Круги вселенные...», подобные чертеж в «Хорографической книге» (л. 2 об.).

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Чертеж: победа на Кучюма царя. Очищение Сибири. Лист 13	текст рисунок	16 16 об. — 17
Чертеж фундамента основания меры. Лист 14 Град Тоболеск фундаментом или основание улиц. Лист 14	текст чертеж	18, 19 об. 18 об. — 19
Чертеж Тоболеск розмерян под каменное строение. Лист 18	текст	20, 21 об.
Град Тоболеск	чертеж	20 об. — 21
Чертеж описание древнее и мадоведомо разных язык. Лист 26	текст	22
Таблица или описание княжества Московского и государств до него належащих и с великими его окрестностями *	чертеж	22 об. — 23
Доношение о строении. Статья 21	текст	24
Чертеж по указу розмер хресцам и балчикам. Лист 22	текст чертеж	24 об. 25
Чертеж фундамента роздел городской земли. Лист 23	текст	25 об. — 26
Чертеж опасной града Тобольска. Лист 24	чертеж с текстом	26 об. — 27
Чертеж земли Тобольскаго города. Лист 28	текст	28
Часть Сибири тщательное изображение...	чертеж	28 об. — 29
Чертеж древний всея Сибири годуновской. Лист 27	заголовок (вязь) чертеж	29 30 об. — 31
Чертеж Андрея Андреевича Виниуса избрано[й]. Лист 30	заголовок (вязь) чертеж	32 32 об. — 33
Переписка людем нынешнего 1710-го года...	текст	34—36 об., 40—44
Выписка служеб Семена Ремезова, деда и отца	»	37—39 об.

* Заголовок карты в картуше повторен по-польски.

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Степь, откуда приход бывает под слободы воинских людей на три дороги	чертеж	44 об. — 45
Доезд [1710 г. Л. И. Парфеньева]	текст	46—46 об.
Чертеж, koliko приходов под слободы и с кою стороны по дорогам и сакмам из одного места	чертеж	47
[То же. Уменьшенная копия]	»	49а
[Чертеж по доезду Л. И. Парфеньева]	»	47 об. — 48
Чертеж межевой Башкирской земли с слободами в споре и таков подлинной за руками	текст чертеж	49 49 об. — 50
Чертеж всех с камней потоки рек имени наличия, снискательно бывалцы и уроженцы. Лист 40	заголовок (вязь) чертеж	51 51 об. — 52
Чертеж крайних слобод по доезду драгунского полковника [Д. Я. Меина]. Лист 43	текст	53, 54 об. 53 об. — 54
Чертеж слободам по доезду драгунскаго полковника [Д. Я. Меина]. Лист 44	»	55, 56 об., вклейка — 56а
Чертеж земли Тарского города. Лист 45	чертеж текст чертеж	55 об. — 56 57 57 об. — 58
Чертеж земли Тюменского города. Лист 46	заголовок (вязь) чертеж	59 59 об. — 60
Чертеж земли Туринскаго города. Лист 47	заголовок (вязь) чертеж	61 61 об. — 62
Чертеж земли Верхотурскаго города. Лист 48	заголовок (вязь) чертеж	63 63 об. — 64
Чертеж города Кунгура и посадов. Лист 49	заголовок (вязь) план	65 65 об. — 66
Чертеж земли Кунгурскаго города. Лист 50	текст чертеж рукоприкладства	67 67 об. — 68 68 об.
Тавры, снятые с камней. Лист 52. № 1	рисунок	69
То же, № 2	»	69 об.

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Тавры, снятые с камней. Лист 52. № 3	рисунок	70
То же, № 4	»	70 об.
Чертеж вновь Великопермские и Поморье Печерское и Двинские страны до Соловецкие проливы со окрестными грады. Лист 53	заголовок (вязь) чертеж	71 71 об. — 72
Чертеж земли Березова города. Лист 55	заголовок (вязь) чертеж	72 об. 73 об. — 74
Чертеж земли Сургутского города. Лист 56	заголовок (вязь) чертеж	75 75 об. — 76
Чертеж земли Нарымского города. Лист 57	текст чертеж	77 77 об. — 78
Чертеж земли Томского города. Лист 58	заголовок (вязь) чертеж	79 79 об. — 80
Чертеж земли Кузнецкого города. Лист 59	заголовок (вязь) чертеж	81 81 об. — 82
Чертеж земли города Мангазейского или Туруханского. Лист 60	заголовок (вязь) чертеж	83 83 об. — 84
Чертеж земли Енисейского города. Лист 61	текст чертеж	85 85 об. — 86
Чертеж земли Красноярского города. Лист 62	текст чертеж	87 87 об. — 88
Чертеж земли Илимского города. Лист 63	текст чертеж	89 89 об. — 90
Чертеж земли Иркутского города. Лист 64	заголовок (вязь) чертеж	91 91 об. — 92
Чертеж земли Нерчинского города. Лист 65	заголовок (вязь) чертеж	93 93 об. — 94
Чертеж земли Якутцкого города. Лист 66	текст чертеж	95 95 об. — 96
Чертеж земли Якутцкого города. Лист 67	заголовок (вязь) чертеж	97 97 об. — 98
Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Лист 68	текст чертеж	99 99 об. — 100
Чертеж вновь Камчадалский земли. Лист 69	заголовок (вязь) чертеж	101 101 об. — 102
[Чертеж Камчатки]	чертеж	102 об.
Чертеж вновь Ка[мча]дальские земли и моря. Лист 70	заголовок (вязь) чертеж	103 103 об. — 104

Заголовок оригинала		Архивная пагинация (листы)
Чертеж Китайскаго царства. Лист 71	заголовок (вязь) чертеж	105 105 об. — 106
Чертеж часть земли Хинскаго повелительства. Лист 72	заголовок (вязь)	107
Тартария или великаго хана повелительство	карта	107 об. — 108
Чертеж земли Китайскаго государства и протчих при нем градов. Лист 73	текст карта	109 109 об. — 110
Чертеж земли Китайскаго царства. Лист 74	текст	111, 112 об. — 11½ об.
Imperii Sinarum nova descriptio	карта	111 об. — 112
Писание до ласковаго читателя. Лист 76	текст	115—115 об.
Окончение...	»	116 об.

Список сокращений

ААН — Архив Академии наук СССР

ВГО — Всесоюзное географическое общество

ГАТО — Государственный архив Тюменской области (Тобольск)

ГБЛ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

ГПБ — Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел

ОРБАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РИБ — Русская историческая библиотека

рук. отд. — рукописный отдел

СК — «Служебная чертежная книга»

СП — Сибирский приказ

ф. 21 — Д. Г. Мессершмидт

ф. 47 — Тюменская воеводская канцелярия

ф. 98 — Г. Ф. Миллер (в ААН)

ф. 141 — Приказные дела старых лет

ф. 151 — Дела о горных промыслах и заводах в России

ф. 162 — Почтовые дела

ф. 181 — Рукописный отдел библиотеки МГАМИД

ф. 192 — Картографический отдел библиотеки МГАМИД

ф. 196 — Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина

ф. 199 — Г. Ф. Миллер (в ЦГАДА)

ф. 210 — Разрядный приказ

ф. 214 — Сибирский приказ

ф. 248 — Сенат

ф. 415 — Сибирская губернская канцелярия

ф. 661 — Тобольская полицмейстерская контора

ф. 1111 — Верхотурская приказная изба

ХК — «Хорографическая чертежная книга»

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦНИИГАиК — Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэросъемки и картографии

ЧК — «Чертежная книга» Сибири

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Указатель имен

- Абалак 123
Аблай-тайша 13, 14, 115, 179
Аввакум 119, 223
Аврамов В. 80
Аврамова В. 80
Адам 120
Адер 123
Адлер Б. Ф. 229
Акбаев И. 157
Акипфов А. 20
Александр Македонский 129, 130, 133
Александров А. И. 67, 216
Алексеев А. 156
Алексей Михайлович 129, 223
Алемасов А. 156, 229
Андреев А. И. 5, 24, 26, 47, 59, 68, 74, 79, 80, 82, 83, 85, 89, 91, 92, 93—98, 100—103, 107, 109, 111, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 124, 126, 135, 152, 168, 185, 187, 189, 190, 197, 203, 207, 208, 209, 211, 213, 214, 216—224, 226, 228, 230—236
Андреев Д. 16
Андрей Боголюбский 119, 131
Анисимов И. 53
Антонов О. 7
Аньезе Б. 135
Арсеньев М. 162
Артаков И. 18
Аршинские 7
Аршинский Б. 10
Аршинский И. 229
Астраханцов И. 65
Атласов (Отласов) В. В. 158, 188—192, 195, 234
Афапасьев И. 216
Ахшимет (Ихшимет) 122
211, 218—220, 228, 236, 238
Байдон *см.* Бейтон А. И.
Байков Ф. И. 158
Баладиг С. 24
Баскаков Д. 236
Бахмур 122
Бахрушин С. В. 9, 17, 21, 98, 115, 116, 133, 203, 204, 205, 207, 220, 221, 222, 225, 230
Башмаков П. 133, 225
Бейтон А. И. (Байдон) 82, 87, 88, 150, 160, 167, 243
Бейтон Я. 153
Бекбаев С. 157
Бекбулат 123
Белов М. И. 184, 185, 187, 219, 229, 230, 233, 234
Белозеров М. 191
Белокуров С. А. 205
Бельский М. 142
Берг Л. С. 187, 219, 229, 232, 233
Беринг В. 229, 232
Бернштам А. 168, 231
Бибииков И. Ф. 76
Бибииков М. А. 27
Блеу И. 142, 143, 146, 232
Бобровский И. 78
Богданов Ф. 212
Боднарский М. С. 222
Боков И. 157
Борис Годунов *см.* Годунов Б. Ф.
Борисов И. 7
Борисов М. 24
Борисов О. 24
Брызга Б. 118
Бугорлин Е. В. 222
Бычков А. Ф. 111, 113, 222
Бычков И. А. 100
Вакулин Г. 55
Валуев Ф. 236
Варламов Г. 24
Василевич Г. М. 229

Веселков Д. 63
Веснин А. 34
Вид А. 135
Видман И. 153
Виз 137
Визе В. Ю. 230
Виниус А. А. 43, 46, 48, 49,
59, 61, 89, 93, 94, 97, 99, 104,
107, 159, 172, 185, 187, 195,
248
Витсен Н. 93, 103, 159, 170,
231
Вишневский Б. Н. 214, 233
Вишневский Г. 26
Воробей И. 16
Воронцова Дашкова Е. А. 84
Воронцовы 84
Востоков А. Х. 89, 220

Гагарин М. П. 78
Галкин О. 61
Гамель 212
Гарасимов (Гарасимов) А. 93
Гвариенти 195
Георгиев Б. 28
Гераклитов А. А. 223
Герасимов *см.* Гарасимов А.
Герберштейн С. 135, 136
Геритс Г. 135
Гизель И. 116
Глебов Б. 162
Глинский Ю. 53, 212
Глускина С. М. 227
Гмелин И. Г. 216
Гнучева В. Ф. 232, 236
Гогара В. 130
Годунов Б. Ф. 222
Годунов П. И. 17, 20—22, 24,
85, 147, 204, 205, 238
Голицын А. А. 26
Головин А. П. 27—29, 31, 202
Голодников К. 209
Голошубин С. 25
Гоман И. Б. 195
Гондиус Г. 232
Горбунов А. П. 235
Горчаков Л. 21
Гоутевал Д. 50
Греков В. И. 185, 218, 228, 233,
234, 236
Григорьев А. В. 211, 241
Григорьев И. 156

Григорьев П. 158
Гутфел К. 50

Давыдов И. 20
Даль В. И. 28, 216
Данилов М. 29
Дворецкая Н. А. 236
Девлет 122
Девлет-бай 125
Девлет-Кирей 13
Дежнев С. И. 158, 185, 219,
229, 233, 234
Делиль Г. 195
Делиль И. Н. 232
Демидовы 213
Денисов А. 39
Денисов М. 162
Деревнин Г. 64
Дмитрий Донской 119, 131
Додов И. 181
Долмат К. 226
Дорн И. 142
Дружинин Ч. 157

Ебаркуль 122
Евреинов И. 198, 236
Евтеев О. А. 236
Едвалов К. 74
Едигер (Етыгер) 123
Едровский И. 28, 29
Екатерина II 109
Епифаный 223
Епифанов Г. 228
Ермак 13, 84, 104, 116, 120,
121, 126, 127, 137, 146, 158,
165, 166, 182, 231, 236, 247
Ермоласв А. Е. 222
Ерофеев В. 93
Етыгер *см.* Едигер
Ефимов А. В. 4, 185, 187, 188,
191—193, 218, 233, 234, 235

Жеребятев А. 202
Журжин М. 204

Забелин И. Е. 202
Заболоцкий П. 26
Завьялов А. 32, 149
Зайцев Л. 32, 149
Залесов Г. 16
Затрапезный 197
Захаров И. 198, 236

- Зезев И. 34
 Зиновьев М. 191, 195, 234
 Злокин О. 38
- И**
 Иаков 140
 Иванов К. 185, 202, 233
 Иванов М. 77
 Иванов О. 34
 Иванова А. 76
 Иванова И. 76
 Игнатий 43, 147, 159, 228
 Игнатъев М. 236
 Идес Исбрант (Избранд Елизар, Isbrand Ides E.) 93, 103, 159, 172, 195, 202, 226, 232
 Избранд Елизар *см.* Идес Исбрант
 Измайлов В. 34, 35, 70
 Измайлов М. 70
 Илчигин Таушко *см.* Мергень Теушко
 Иоанн Златоуст 226
 Иорист 80
 Иртышак 122
 Ихшимет *см.* Ахшимет
 Ишим 122
- К**
 Каан Г. 93
 Казан 137
 Казанин М. И. 83, 89, 133, 220, 225, 226
 Казей 123
 Калитин А. И. 61—64
 Карамзин Н. М. 111, 116, 204, 222, 227
 Карташев В. 228
 Касим 123
 Катанов Н. Ф. 231
 Кафенгауз Б. В. 59, 213, 214, 216
 Качанов О. 150
 Киев П. 21
 Килдебеков М. 63
 Кириллов В. В. 213
 Кирилов В. 34
 Кирилов И. К. 194, 195
 Клепиков В. 202
 Клепиков С. А. 221—223, 236
 Клешиков Ф. 163
 Кляшников А. В. 35—37, 44, 49, 181
 Кобыяков В. 78, 156
- Кобыяков Я. 63
 Кожевников С. 203, 205
 Козыревский И. П. 79, 189, 193, 195, 218
 Колобков М. 203, 205
 Колумб Христофор 128
 Константин Великий 119, 131
 Копылов А. Н. 28, 29, 202, 206, 207
 Кордт В. А. 226, 232
 Корженевский П. Л. 235
 Коробейников Т. 128
 Корсаков М. 147, 214
 Корсаков М. И. *см.* Римский-Корсаков М. И.
 Коряков В. 67
 Косвеп М. О. 222
 Косвинцев Е. П. 214
 Косованов В. П. 231
 Костромитин М. 64
 Кочедамов В. И. 116, 208, 212, 223, 226
 Крижанич Ю. 16, 142, 205
 Крылов А. 161
 Кубасов В. 188, 189, 190, 191
 Кузин А. А. 232
 Кукушкина М. В. 223
 Купер (Cooper) Г. 170, 231
 Куракин Г. С. 11
 Кучум 104, 121, 123, 125, 127, 181, 222, 231
 Кызылтин 122
- Л**
 Лаба Уцюртин 168, 179
 Лабар Е. 223
 Лаг Л. 226
 Лалин Я. 233
 Лалина А. И. 224
 Лаузан-тайша 13
 Лебедев Д. М. 187, 208, 219, 220, 222, 235, 236
 Левенфельд Х. (Христофор Немчин, Лешифельд) 152—154, 160, 229
 Лешифельд *см.* Левенфельд Х.
 Лешев Ф. 156
 Лешин В. И. 132, 133, 225
 Линг 229
 Линдем Ю. 84
 Лихарев Н. М. 198, 236
 Ломов М. 162
 Лукин Ф. 198, 236

- Львов И. 195
 Лыков Б. 142
- Магомет 125
 Мазайко 203
 Мазепа 109
 Мазурин Ф. Ф. 252
 Майков В. В. 111, 113
 Майков Л. Н. 93, 111, 133
 Малыгин С. Г. 225
 Малышев В. И. 128, 224
 Мамай 119
 Мамсет 122
 Мамыков Б. 157
 Манасеин В. С. 237
 Мануил 131
 Марков К. К. 236
 Марков С. Н. 205
 Марь 122, 123
 Маскин М. 46, 67
 Масса И. 135
 Матвеев И. 93, 99, 216, 221
 Матигоров Ф. 39, 209
 Махмет 123
 Медушевская О. М. 234
 Меин Д. Я. 99, 107, 148, 151, 153, 155, 229, 249
 Мельник О. 12
 Мельникова Т. Н. 232
 Мельхеев М. Н. 237
 Мергенъ Теушко (Илчигин Таушко) 39, 156, 209, 229
 Меркатор Г. 142, 143, 146, 227, 232
 Мессершмидт Д. Г. (Messer-schmidt D. G.) 63, 80, 81, 103, 155, 170, 171, 195, 196, 218, 231, 232, 235, 252
 Мещерский В. А. 77
 Миддендорф А. Ф. 96, 133, 117, 183, 184, 231—233
 Миллер Г. Ф. 82, 84, 109—112, 116, 119, 120, 123, 124, 133, 170, 195, 196, 204, 216, 222, 223, 225, 231, 252
 Мирзоев В. Г. 166, 222, 223, 231, 235
 Мирович В. Я. 109
 Мирович П. Ф. 109, 111, 112
 Мирович 109, 110, 111
 Михайлов П. 156
 Моисеев Ф. 156
- Мокринский А. 79
 Мокринский Т. 29
 Молчанов И. 230
 Молчанов Ф. 236
 Мосеев Иван *см.* Ремезов Иван Моисеевич
 Мосеев Петр *см.* Ремезов Петр Моисеевич
 Мосеев Ульян *см.* Ремезов Ульян Моисеевич
 Мосох 137
 Мухоплев М. 50, 158, 162, 230
 Мыльников И. 32, 149
 Мюнстер С. 135
 Мясников М. 163
- Наврот М. И. 212, 228
 Найденов Н. А. 206—208, 218
 Нарышкин А. Ф. 152
 Нарышкин Л. К. 212
 Небольсин В. М. 149
 Неприпасов А. 156, 157
 Неприпасов И. 71, 74
 Неустроев Б. 156
 Никон 226
 Новлянская М. Г. 218
 Новомбергский Н. Я. 223, 227, 232
- Оглоблин П. П. 10, 75, 147, 158—160, 202, 203, 205, 206, 208, 217, 221, 227, 229, 230, 234
 Одинцов Т. 24
 Он (Онсон) 122, 181
 Орлова П. С. 233
 Ортеллий 142, 146
 Осипов М. 25
 Отласов *см.* Атласов В. В.
- Павлов И. П. 99
 Панин И. 18
 Панютин Т. 10, 11
 Парасковья Мосесва дочь 80
 Парфенов А. 34, 48
 Парфенов Л. И. 75, 106, 152, 249
 Петелин И. 93
 Петлин И. 147, 227
 Петр I 47, 49, 83, 138, 197, 220, 221

- Петров В. А. 228
 Петров И. 146
 Пигнатти В. П. 216
 Пименов Ф. 111, 112
 Покровский Ф. И. 227
 Полевой Б. П. 159, 191, 193,
 209, 221, 230, 233, 234
 Полозов И. 184, 233
 Пономарков Г. 38
 Попов 193
 Попов А. Н. 130, 224, 225, 227
 Попов В. 18
 Попов М. 224
 Попов Н. 237
 Порохова О. Г. 230, 231
 Поскочин Л. 21, 148
 Постников Д. 37
 Постников М. 21
 Потанин Г. Н. 193, 229, 231,
 235
 Потапов Д. 158
 Потапов Л. П. 231
 Пошехонов П. Т. 202
 Поярков В. Д. 160
 Преображенский А. А. 63, 213,
 214
 Птолемей 83, 219
 Путилов И. 162, 163, 230
- Радлов В. В. 216, 231
 Раевский Т. 230
 Разин С. Т. 21
 Райков Б. Е. 227
 Райнов Т. И. 145, 227
 Редикорцев С. 70
 Ремезов Алексей Леонтьевич
 76, 79, 80, 218
 Ремезов Афанасий Никитич 23,
 71, 78, 117, 118, 221
 Ремезов Василий 218
 Ремезов Иван Леонтьевич 80
 Ремезов Иван Моисеевич (Мо-
 сеев Иван) 16, 20, 206
 Ремезов Иван Семенович 26, 35,
 52, 71, 73, 74, 76, 79, 80, 99,
 107, 113, 117, 188, 190, 191,
 218
 Ремезов Леонтий Леонтьевич 76,
 80
 Ремезов Леонтий Семенович 19,
 26, 33, 35, 40, 49, 52, 62, 70,
 71, 75, 76, 78, 80, 88, 98, 103,
- 108, 113, 114, 117, 119, 168,
 214, 216, 217
 Ремезов Лукьян 9
 Ремезов Моисей (Меньшой)
 Лукьянович 7—13, 135, 202,
 203, 204, 208
 Ремезов Никита Ульянович 22,
 23, 29, 36, 71, 206, 207
 Ремезов Никифор Семенович 76,
 79, 218
 Ремезов Петр Моисеевич (Мо-
 сеев Петр) 20, 206
 Ремезов Петр Семенович 35, 73,
 76, 79, 80, 113, 117, 218, 221
 Ремезов Семен Семенович 23, 26,
 35, 43, 44, 45, 51, 52, 71, 74,
 76, 78—80, 91, 98, 113, 117,
 161, 172, 188, 218
 Ремезов Степан 216
 Ремезов Ульян Моисеевич (Мо-
 сеев Ульян) 9, 13, 14, 16—22,
 24, 25, 57, 78, 135, 166, 204,
 205, 206, 207
 Ремезов Федор Леонтьевич 76,
 80
 Ремезов Яков 79
 Ремезова Варвара Васильева
 дочь 76, 80
 Ремезова Ефимья Митрофанова
 дочь 76
 Ремезова Мария Семеновна 35,
 76
 Ремезова Ульяна Григорьева
 дочь 76
 Римский-Корсаков М. И. 162,
 163
 Робинсон А. Н. 223, 225
 Рубец И. 209, 234
 Румящев Н. П. 89, 97, 220
 Рябухин Е. 63, 214
- Саворий 131
 Салницев К. А. 219, 229, 236
 Салманов И. 65
 Салтыков Н. И. 10
 Салтыков С. И. 209
 Салтысаран 122
 Сами см. Сани
 Сан см. Сани
 Сангина см. Сани
 Сани (Сан, Сами, Сангина) 193
 Сансон 229
 Сахаров П. 131, 225, 227

Свистунов И. 236
Сейдяк 123
Сенга 179
Серебряков Л. 156
Серебрянников С. 8
Сибир *см.* Синбир
Сидоров К. В. 233
Синбир (Сибир) 123, 137
Синяев В. С. 233
Сипайло А 40
Скалон В. Н. 233
Скибин Г. 34
Скибин Ф. 156, 229
Скобельцын П. 236
Скоп Е. И. 224
Славинецкий Е. 143
Слесарчук Г. И. 203
Сливинский И. 74
Собакин А. 150, 153
Соковнин П. 11
Соснин И. 59
Спафарий Н. 8, 158, 185, 194,
202
Старчевский А. 227
Степанов И. 161
Степанов С. 29
Степанов Ф. 216
Стиннес Г. 85
Столетов Г. 29
Страленберг Ф. И. (Табберт,
Strahlenberg Ph. I) 80, 81,
170, 171, 195, 196, 218, 231
Стрежнев Г. 58, 59, 65
Стрекаловский М. Ф. 88, 153,
154, 155, 196, 229
Стрекаловский Н. 229
Стрекаловский Ф. 229
Строганцов Ф. 24
Струнин Б. 88
Сумароцкий И. 153
Суркин С. 24
Сутузов А. 70

Табберт *см.* Страленберг Ф. И.
Табищев К. 157
Тайбуга 122, 123
Тарасов Г. 12
Тархан 180
Татар-хан 122, 223
Татищев В. Н. 200, 237
Тверской Л. М. 212, 213, 237
Тевка-хан 156

Текутьев И. 61—63
Телятевский Ф. А. 10
Тессинг И. А. 93, 94, 221
Тимофеев А. И. 111, 220, 222
Титов Котельник А. И. 77
Тихомиров В. В. 227, 232
Тоболак 122
Толбузин Ф. 75
Толбузины 7
Толстой М. А. 26, 27
Томилин В. В. 221
Томилов И. 27
Траурнихт Д. А. 189, 192, 230,
235
Трошин М. 156
Трубецкой А. Н. 7
Трушников А. 34, 35
Турский В. 67
Тюлюк-бай 156
Тютин Г. 42, 43

Угрюмов Г. 21
Ульянов Семейка 207
Ульянов Семен 207
Ундольский В. М. 62, 213, 214
Упак (Упачи) 122
Уфинец Я. 156
Ушаков И. 12
Ушаков Л. 156

Федоров А. 211
Федоров Б. 132, 225
Федоров И. 216
Федоров О. 206
Федчина В. Н. 194, 195, 219,
235
Фель С. Е. 83, 89, 93, 95, 171,
196, 210, 220—222, 231, 233,
235—237
Фефилов С. 217
Филарет 7
Филиппов М. В. 208
Фонкармартен 50

Хабаров Е. П. 160
Харченко А. С. 236
Хмелинин В. 44, 50
Хмелинин Ф. 50
Ходжа 122
Христос 138
Христофор Немчин *см.* Левен-
фельт Х.

- Чагин С. 206
Черепанов И. Л. 120—124, 126,
127, 166, 195, 204, 226, 227,
234
Черкасские 212
Черкасский А. М. 64, 70
Черкасский М. Я. 44, 58, 59,
65, 158, 190
Черкасский П. М. 190
Чернецов В. Н. 231
Черницын Б. 32, 149
Черницын С. 12
Чингис-хан 121—123
Чичагов П. 198, 236
Чичерев А. 156
- Шавкунов И. 63
Шаманаев Ю. 156
Шарыгин С. 11
Шарыпов Г. 210
Шарыш 158, 224, 241
Шатилов В. 236
Шахматов В. Ф. 226
Шаховской Н. И. 13
Шебунин Т. 64
Шибанов Ф. А. 24, 172, 207—
209, 211, 229, 231, 232
Шишкин И. 212
Шлецер А. 196
Шульгин В. П. 156, 157, 181
Шульгины 7
Шумков М. 55
Шунков В. И. 227
- Щепоткин А. 156
Щербаков И. 28
Щербаков О. 28
Щербина Ф. 216
- Юваш 122
Юзак 122
Юрасова М. К. 205
Юрцев 230
- Явнев И. 53
Яковлева П. Г. 227
Ялышев Б. 146
Япшин А. Л. 235
Япунский В. К. 236
- Bagrow L. *см.* Багров Л. С.
Cooper G. *см.* Купер Г.
Galiar A. 108
Gmelin J. G. *см.* Гмелин И. Г.
Heawood E. 223
Isbrand Ides E. *см.* Идес Исб-
рант
Messerschmidt D. G. *см.* Мес-
сершмидт Д. Г.
Michow H. 211
Semenov J. 219
Sparwenfeld 219
Staczewski J. 219
Strahlenberg Ph. I. *см.* Стрален-
берг Ф. И.

Оглавление

От автора	5
Глава 1. Тобольские служилые люди Ремезовы	7
Глава 2. С. У. Ремезов на «государевой» службе	24
Глава 3. <i>Nabent sua fata libelli</i>	82
«Хорографическая чертежная книга» 1697—1711 гг.	82
«Чертежная книга» Сибири 1699—1701 гг.	89
«Служебная чертежная книга» 1702—1730 гг.	100
Ремезовская летопись («История Сибирская» и «Летопись Сибирская краткая Кунгурская») 1697—1710 гг.	110
«Описание о сибирских народах и границ их земель» 1697—1698 гг.	120
Ремезовский хронограф 80—90-х годов XVII в.	127
Глава 4. Творчество С. У. Ремезова — этап в истории развития картографии и географии Сибири	132
Примечания	202
Приложение	238
Список сокращений	252
Указатель имен	253

Леонид Аркадьевич Гольденберг
Семен Ульянович Ремезов

Утверждено к печати
Редколлегией научно-биографической серии АН СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*

Сдано в набор 24/II 1965 г.
Подписано к печати 20/V 1965 г.
Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 8,25+3 вкл. = 13,53 усл. л. + 3 вкл.
Уч.-изд. л. 15,8(14,7+1,1 вкл.)
Тираж 7000 экз. Т-06871. Изд. № 18/65
Тип. зак. № 2082. Темплан 1965 г. № 63
Цена 96 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ В 1965 г.
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

**Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2.
XVIII век (первая половина). 1 р. 68 к.**

Второй выпуск «Очерков» дает цельное и последовательное представление о той огромной работе по изучению Сибири, которая велась в первой половине XVIII в.; она являлась продолжением изучения Сибири, начатого еще в XVII в. и явившегося предметом специального исследования А. И. Андреева в первом выпуске «Очерков», издание которых вышло в 1960 г.

Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. 75 к.

Книга посвящена освоению Сибири и Дальнего Востока на рубеже XIX—XX вв. В ней подробно анализируются социальный и национальный состав, правовое и экономическое положение строителей Транссибирской магистрали, революционная борьба рабочих.

**Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.
1 р. 40 к.**

Книга посвящена малоизученному в исторической литературе вопросу о развитии ремесла и торговли в сибирских городах, главным образом в Тобольске, который был своего рода столицей Сибири. Автор подробно характеризует торговлю России в течение XVII в. с восточными странами через Сибирь, показывает значение Сибири для процесса складывания всероссийского рынка. В работе широко использованы архивные материалы, прежде всего делопроизводство таможен.

Виленская Э. С. Революционное подполье в России в середине шестидесятых годов XIX в. 1 р. 70 к.

Главное внимание в книге уделено истории образования и деятельности так называемого Ишутинского кружка в Москве (1863—1866).

Волк С. С. «Народная воля». 2 р.

Книга о «Народной воле» является первым в советской историографии сводным исследованием об этой крупнейшей народнической организации.

Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции.

1 р. 40 к.

Автор на огромном документальном материале раскрывает роль разных слоев интеллигенции на основных этапах первой русской революции, обобщает опыт работы пролетариата и его партии среди демократической интеллигенции, рассказывает о том, как интеллигенция, преодолевая свои колебания и сомнения, втягивалась в активную революционную борьбу. В книге освещается деятельность в период революции передовых русских писателей, художников, композиторов, артистов и ученых.

История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период.

Библиография. 2 р. 50 к.

Это издание является первым фундаментальным библиографическим пособием, в котором отражена история изучения в нашей стране отечественной и всеобщей истории, археологии, этнографии и других исторических дисциплин, а также историография отдельных народов и местностей.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества («Хождение в народ» в 70-х годах XIX в.). 1 р. 70 к.

Центральной проблемой книги является «хождение в народ» революционно-демократической молодежи. В работе исследуются идейные и организационные предпосылки «хождения в народ», его характер, масштабы, результаты и значение для развития программных и тактических положений революционного народничества.

Общественное движение в пореформенной России. 1 р. 65 к.

Статьи сборника посвящены программе журнала «Вперед», мировоззрению Михайловского — одного из идеологов народничества, демократической журналистике, деятельности революционно-народнических кружков, процессу «193-х». В ряде статей рассматриваются вопросы соотношения рабочего и народнического движений, влияние второй революционной ситуации на программу и тактику народников, пропаганды народо-вольцев среди крестьянства, борьбы марксизма с легальным народничеством.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. 3 р. 20 к.

IV том «Очерков» — первый обобщающий труд, показывающий становление и развитие советской исторической науки, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции до середины 1930-х годов.

**Предварительные заказы на эти книги
следует посылать по адресу:**

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга-почтой» конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Беллинского, 71в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129.

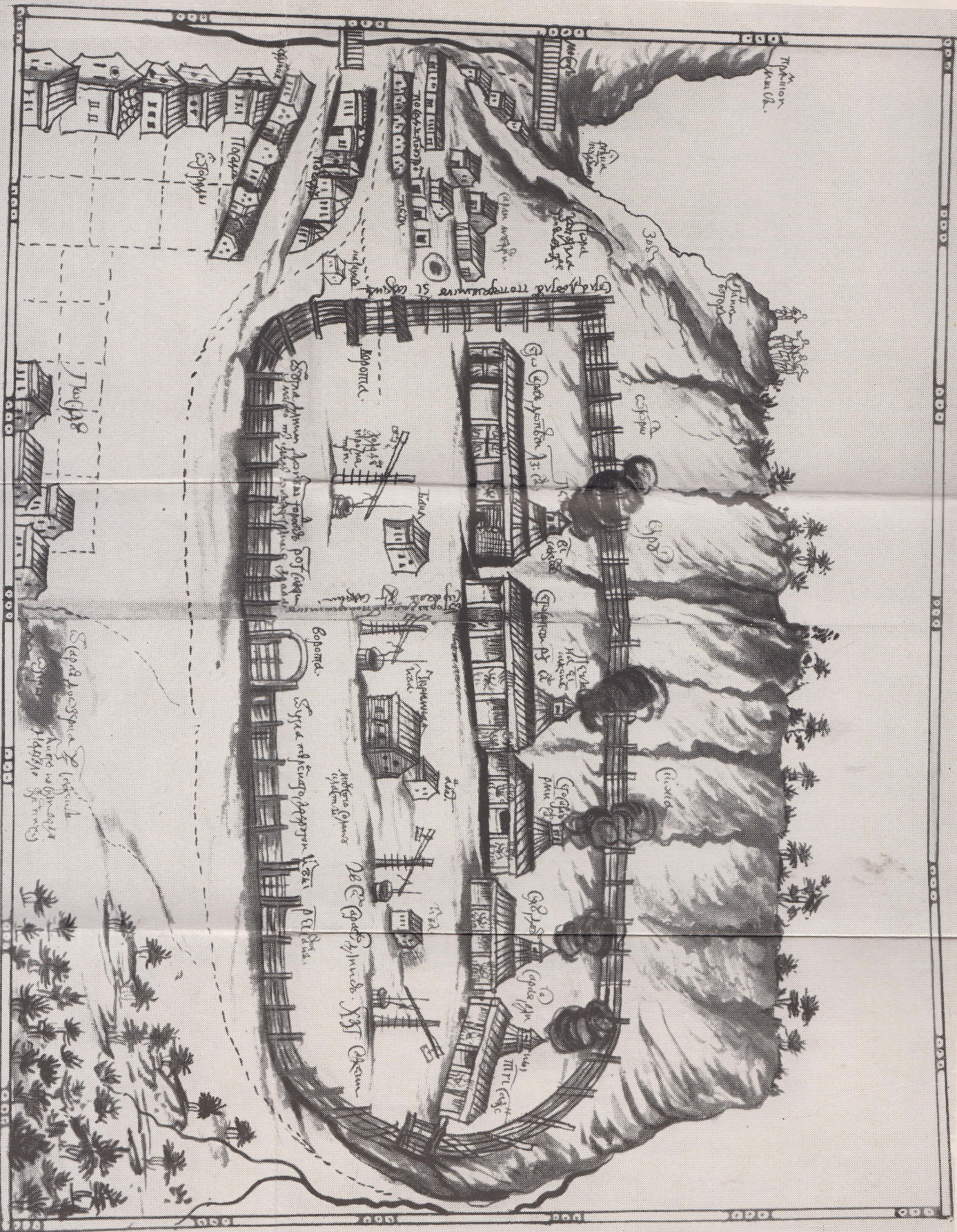
3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Фрагмент «Чертежа земли Кунгурского города» из «Служебной чертежной книги»
ГПБ, рук. отд., Эрмитажное собрание, № 237, л. 67 об.

С. У. Ремезов. Чертеж-планшет каменного укрепления Ивана Булга на Главнойной стороне...